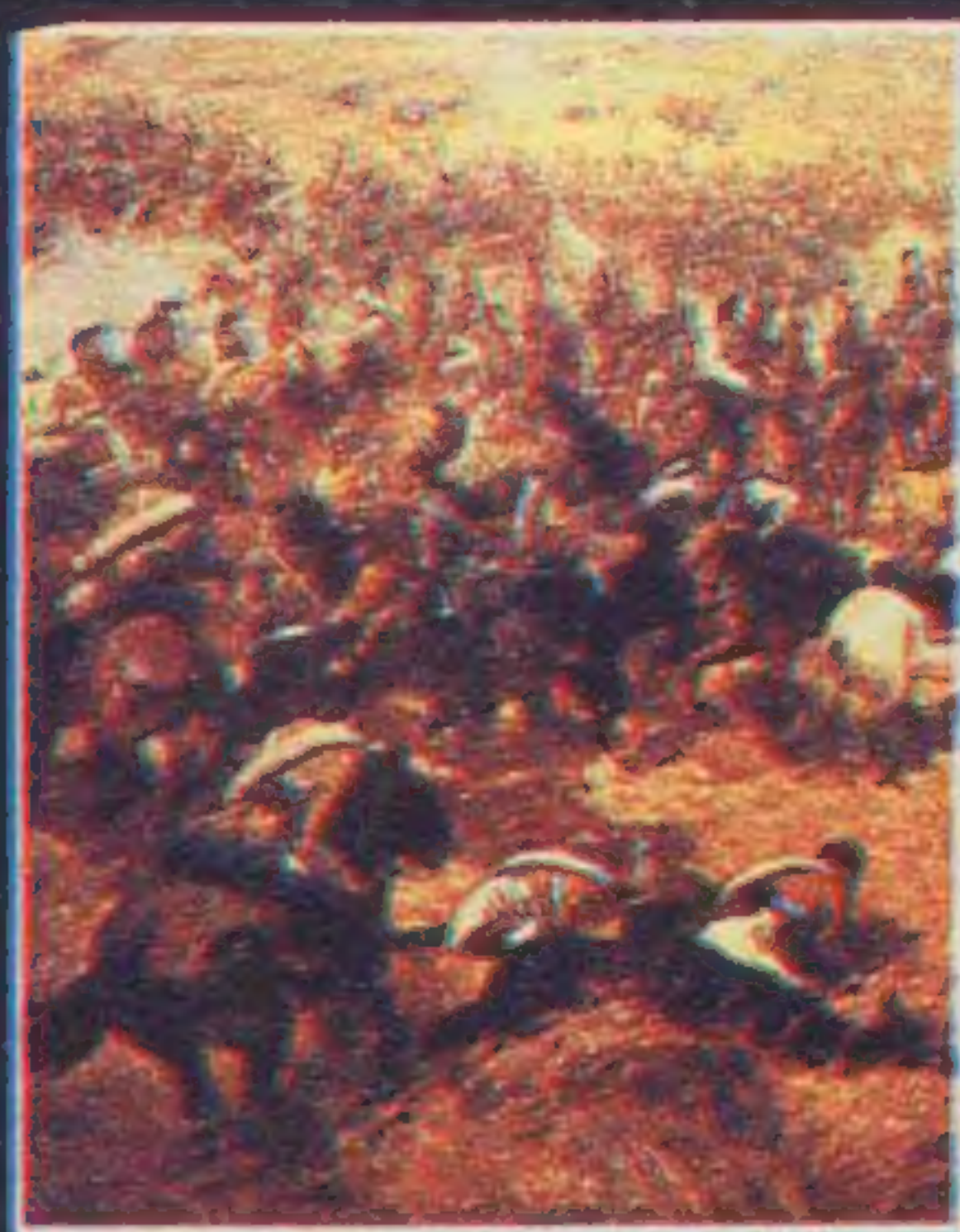

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

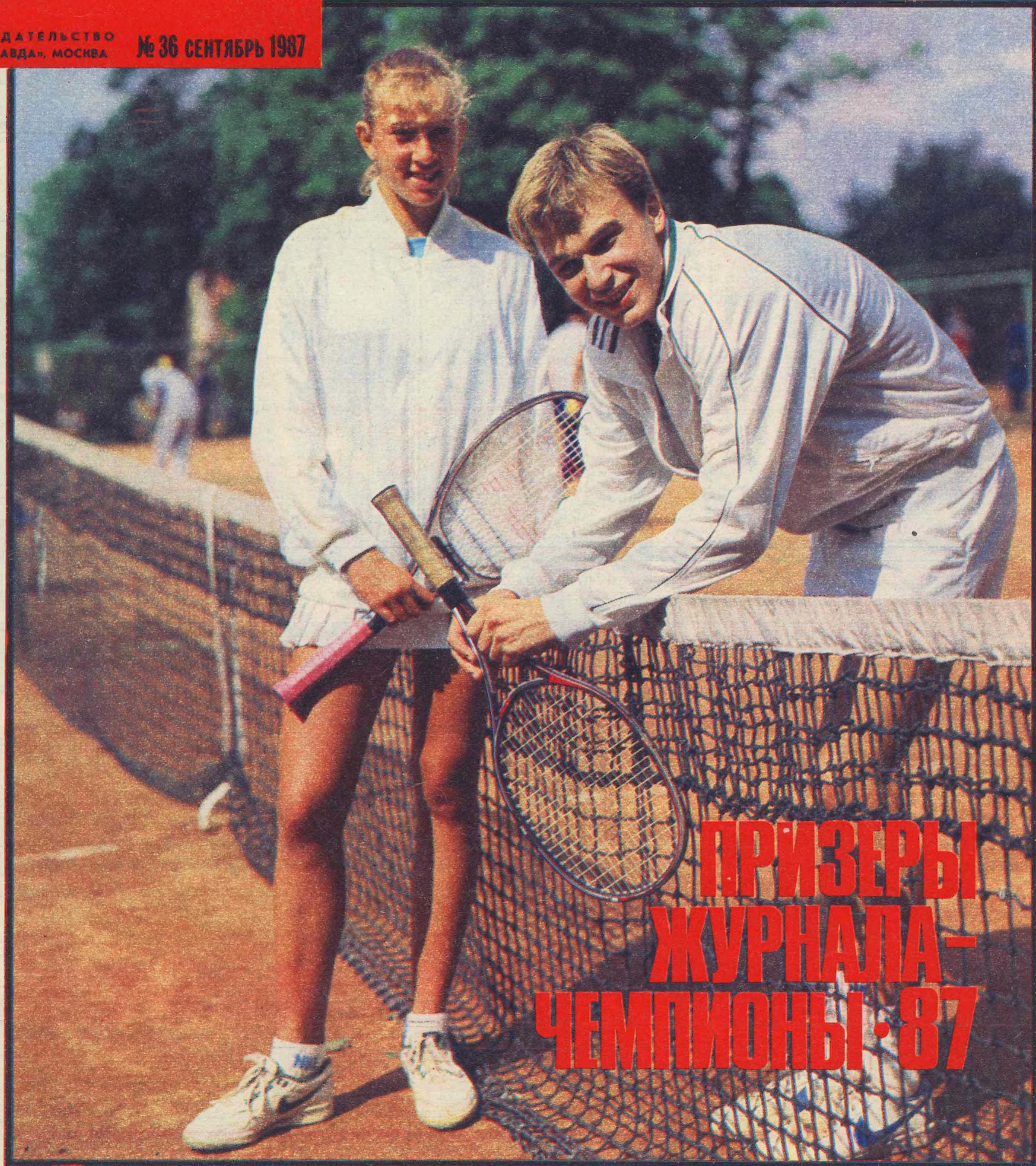
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1987

БОРОДИНСКАЯ
ГОДОВЩИНА

ЧЕРНЫЙ РЫНОК:
ЛЮДИ, ВЕЩИ,
ФАКТЫ

РИСУЕТ ИВАН
СЕЛИВАНОВ

ПРИЗЕРЫ
ЖУРНАЛА-
ЧЕМПИОНЫ • 87

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 36 (3137)

5—12 СЕНТЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1987.

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Д. В. БИРЮКОВ,
Л. Н. ГУЩИН
(первый заместитель
главного редактора),
К. А. ЕЛЮТИН,
В. П. ЕНИШЕРЛОВ,
Н. А. ЗЛОБИН,
Д. К. ИВАНОВ
(ответственный
секретарь),
А. Ю. КОМАРОВ,
Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель
главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Чемпионы СССР по теннису 1987 года Наталья
Зверева и Андрей Чесноков. (См. в номере
материал «Наш теннис в зеркале Уимблдона».)
Фото Анатолия БОЧИНИНА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ
БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ
СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИС-
НОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на
полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб.
19 коп.

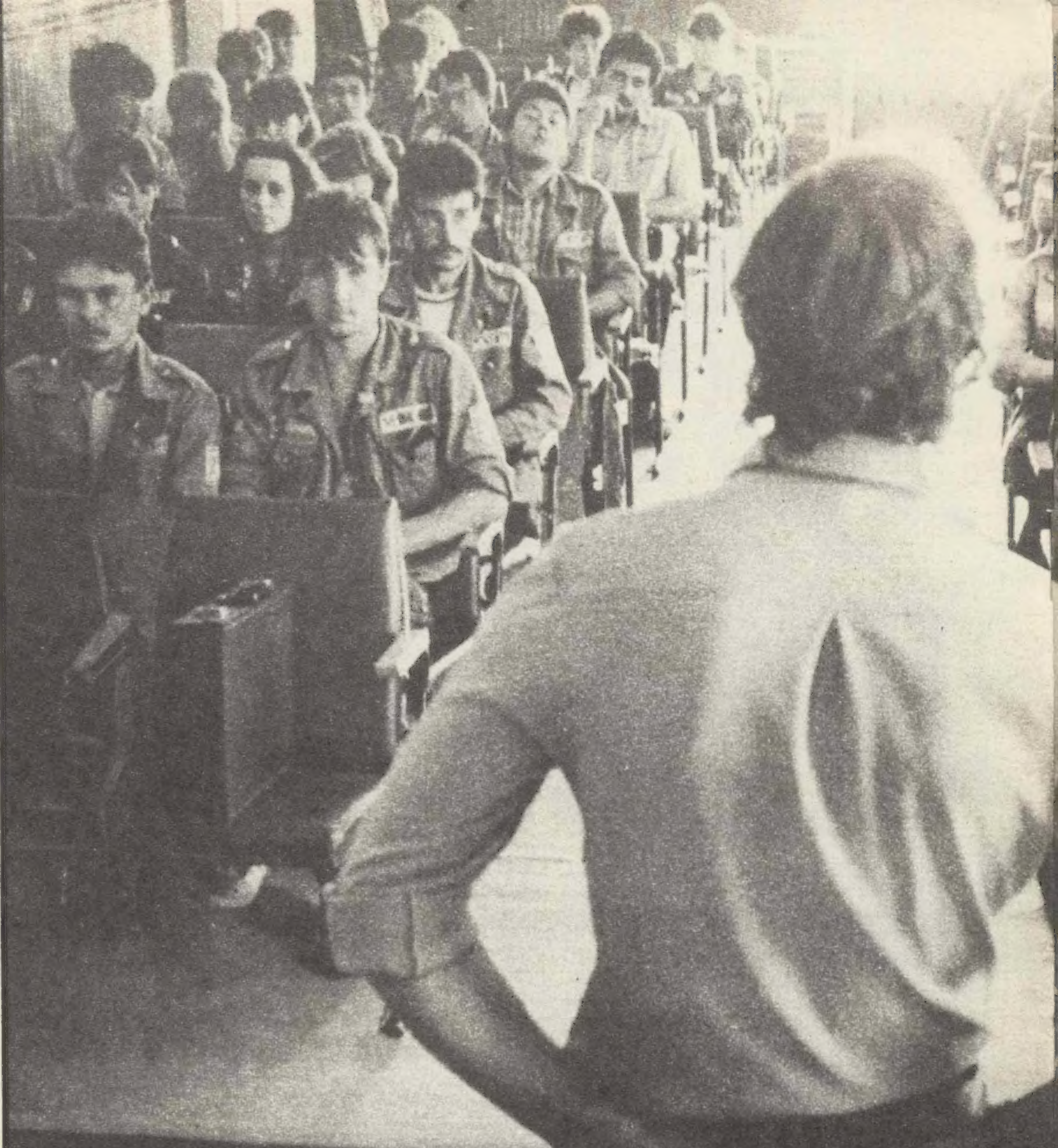
Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммуни-
стического воспитания — 251-89-83; Междуна-
родный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Писем и массовой ра-
боты — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформле-
ния — 212-15-77; Литературных приложений —
212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских ли-
стов не рассматриваются.

Сдано в набор 14.08.87. Подписано к печати
01.09.87. А 00423. Формат 70×108¹/₈. Глубокая
печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 550 000 экз. Изд.
№ 2662. Заказ № 1084.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Револю-
ции типография имени В. И. Ленина издатель-
ства ЦК КПСС «Правда» 125865, ГСП, Москва,
А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

МОЛОДЕЖЬ:
ДЕЛА. ПРОБЛЕМЫ.

О СТРОЙОТЯД

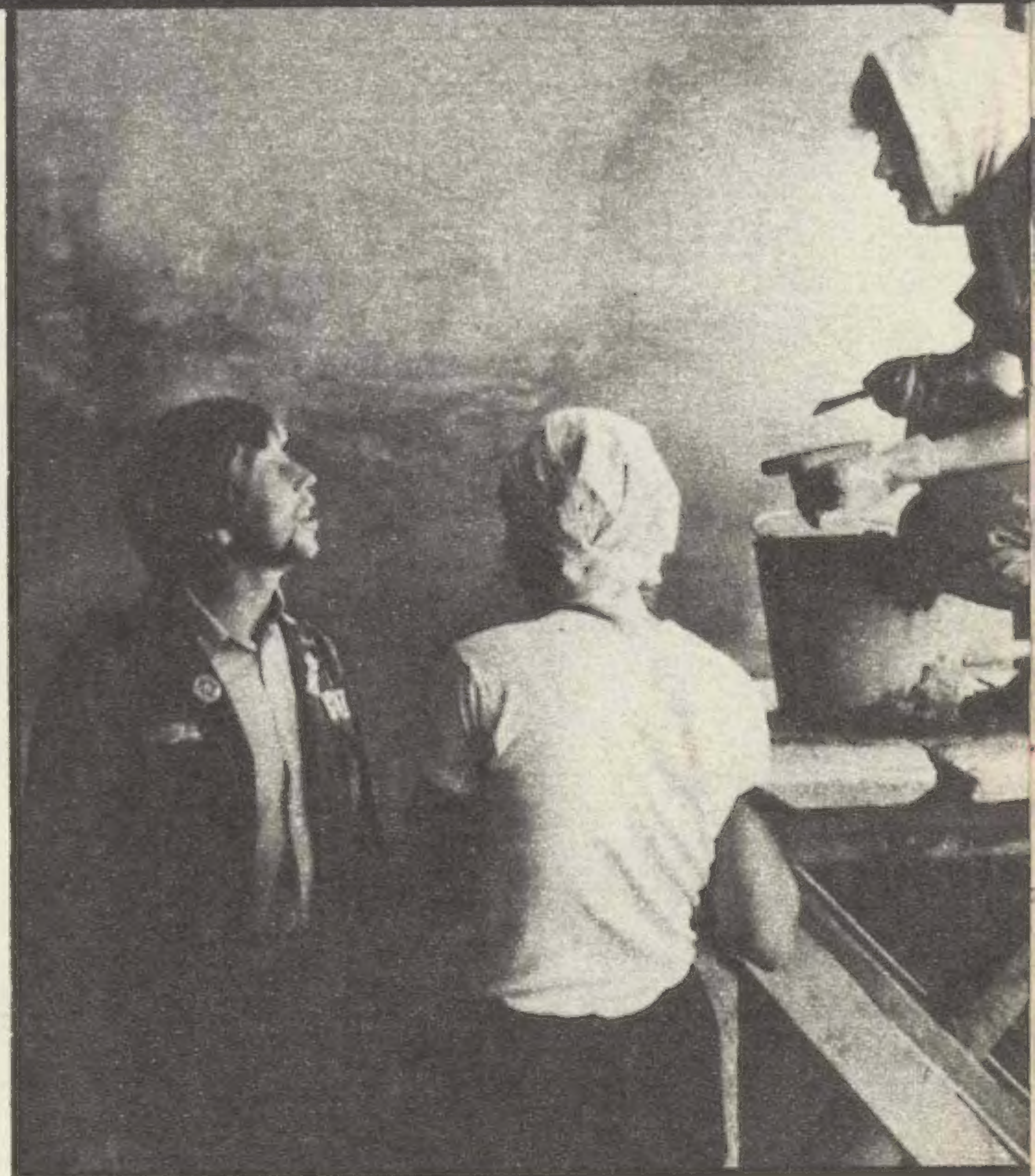
Фото
Александра
ВИКТОРОВА

Томскому областному сту-
денческому отряду — 25 лет. Юби-
лей!

Середина шестидесятых. Бум си-
бирской нефти. Забили фонтаны том-
ских нефтяных месторождений. Стре-
жень времени проходил по 60-й па-
раллели. Возникло и утвердилось на-
звание будущего города — Стреже-
вой. Этот город — поистине слава
томского студенчества.

Первые деревянные двухквартир-
ники построили студенты. Венец
их труда — взметнувшиеся пяти-
и девятиэтажные дома с впечатан-
ными высоко на стенах аббревиату-
рами томских вузов: ТИСИ, ТПИ...

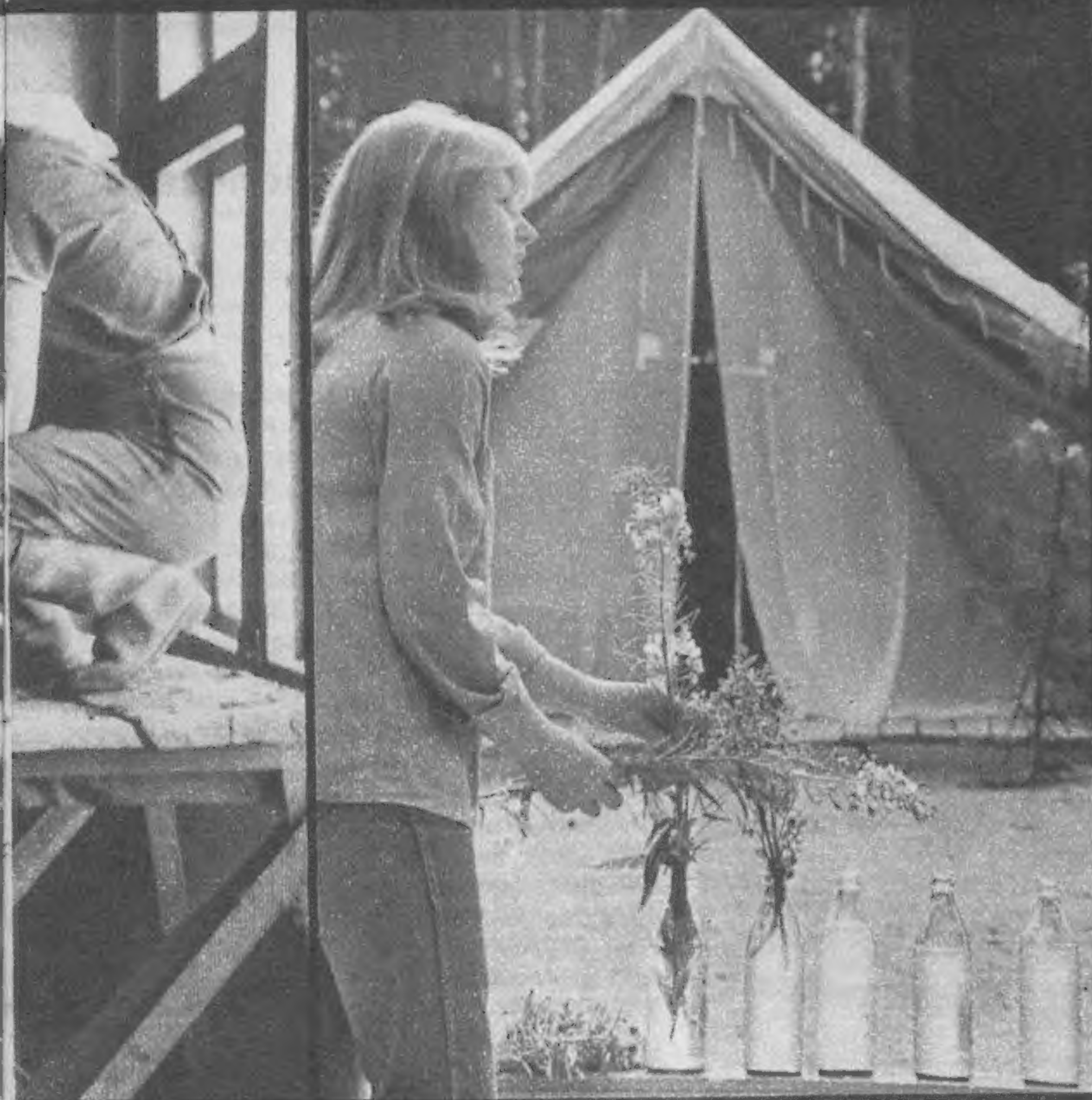
Однако патетика моих фраз не
должна обмануть читателя. Стреже-
вой, застраивающийся в основном в
семидесятых, захватила та же бо-
лезнь, о которой мы говорили вна-
чале. Принцип давай-давай добро-
вольцев срабатывал до поры до вре-
мени. Все увеличивающаяся числен-
ность действительно гигантского, дей-
ствительно самого-большого в Совет-

ЛИКУЮЩЕЕ
ЧУВСТВО ТРУДА,
СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ПАФОС, УЛЫБКИ
РЕБЯТ В ЗЕЛЕННЫХ КУРТКАХ. НО КАК ЧАСТО
ГЛАВНЕЙШАЯ ЗАДАЧА СТРОЙОТРЯДОВ —
БЕСКОРЫСТНАЯ ПОМОЩЬ СТРАНЕ —
ОБОРАЧИВАЛАСЬ ЛАТАНИЕМ
ДЫР В ЗАБОРАХ БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТИ
И НЕОРГАНИЗОВАННОСТИ
ВСЕВОЗМОЖНЫХ СУ, ТРЕСТОВ,
ГЛАВКОВ И ПО ЦЕПОЧКЕ — ДАЛЬШЕ.
ЭКОНОМИКА, НАЦЕЛЕННАЯ
НА ЭКСТЕНСИВНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ,
ТРЕБОВАЛА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ
И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ.
НУЖНЫ БЫЛИ СТРОЙОТРЯДЫ!
А ДОБРОВОЛЬЦЕВ НЕ ХВАТАЛО.
ДОБРОВОЛЬНОСТЬ «ВЫДАВЛИВАЛИ
ПО КАПЛЕ» РАБОТНИКИ ОБЛАСТНЫХ
ШТАБОВ И КОМИТЕТОВ КОМСОМОЛА.
И ЭТО НАВРЕДИЛО: ДЕЛУ, ИДЕЕ,
МИРОВОЗЗРЕНИЮ. ВЕДЬ ПОМИМО
ЧИСТО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, СТРОИТЕЛЬНОЙ
ЗАДАЧИ СТУДЕНЧЕСКИЕ ОТРЯДЫ РЕШАЮТ ЕЩЕ
ОДНУ, НЕ МЕНЕЕ ВАЖНУЮ — ВОСПИТАТЕЛЬНУЮ...

АХ РЕЧЬ

ском Союзе сводного отряда «Родина» (свыше тысячи человек) уже не могла найти себе подтверждения делом. Стрежевой не мог удовлетворить потребности жадных до работы студентов. Договор, основной документ, регулирующий взаимоотношения между студентами и хозяйственниками, последними нередко заключался на авось. Съезжались отряды со всей страны, и начиналась чехарда: командиры требовали договорные объемы, а начальники чесали в затылке и кумекали, куда бы это пристроить настырных студентов. Неужели ореол Всесоюзной ударной стройки вкупе с местническими амбициями не позволяют пойти на снижение численности стройотрядов, наказывать недальновидных, нерасторопных руководителей, лишая их объекты студенческой помощи, расторгая договор.

Прекрасна Сибирь своей необъятностью! Уже Стрежевой для нас — история, уже на его ошибках учимся и... начинаем строить новый город, имя которому выбрано самое что ни на есть сибирское — Кедровый. Благоприятная почва для совершенствования, развития стройотрядовского движения, для его оздоровления. Сказано было командирам, что задумано здесь строить стационарный лагерь для стройотрядов — невиданную роскошь даже для студенческого Томска. Однако, если они хотят ускорить события, пусть сами и поработают. А работа требовалась такая — планировка местности. Нужны были архитекторы, тут они, кстати, и оказались. Отряд «Спарта» Томского инженерно-строительного института проектирует и строит в Кедровом детские деревянные городки, игровые площадки. Аркадий Редкин и Ро-

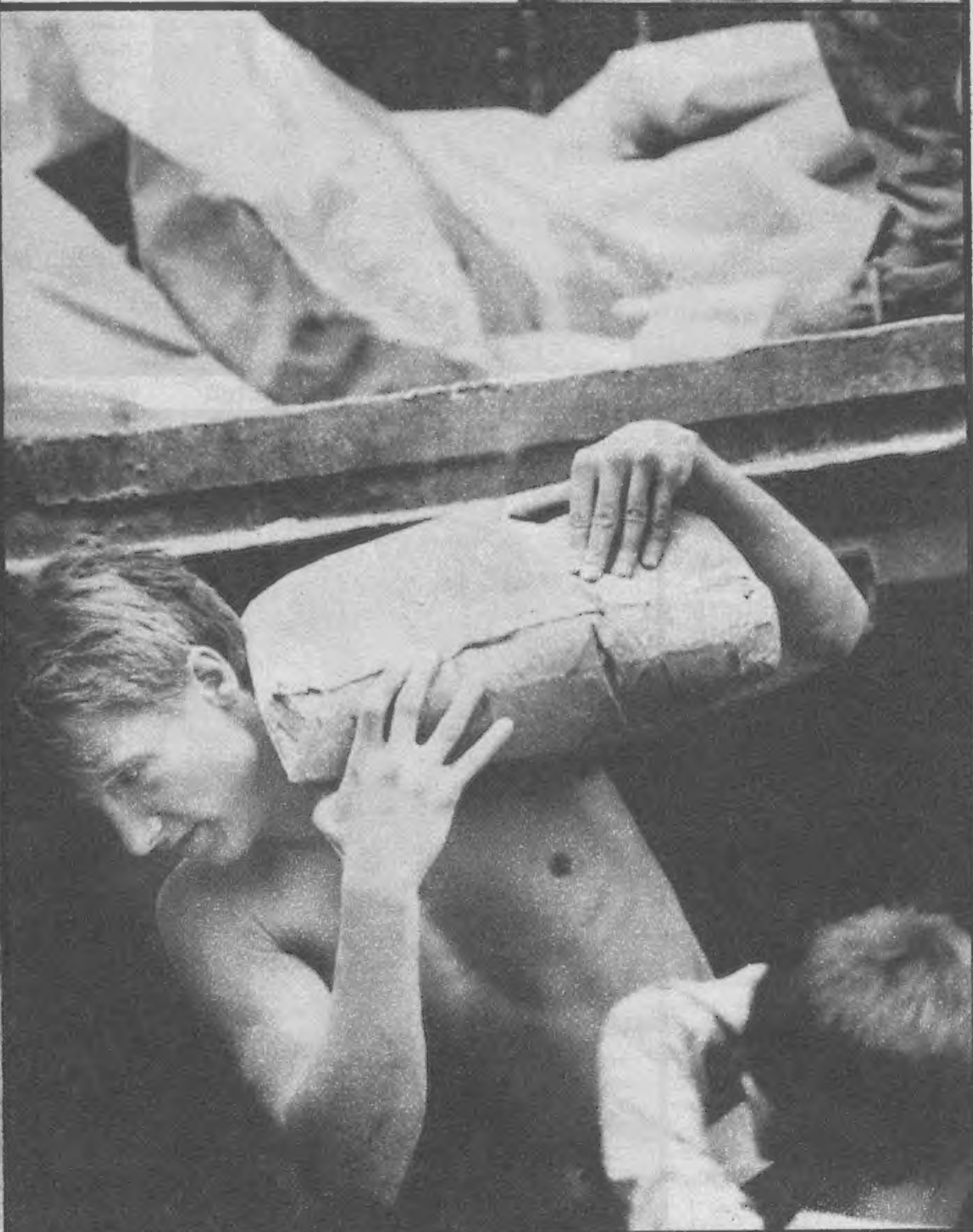
ман Беляев раздобыли где-то кусок фанеры и прямо на нем стали набрасывать план их будущего дома-лагеря.

Однако трезвый взгляд на вещи снова обнаружит сбои в оптимистическом ритме жизни. Почему пришлось ребятам срочно взяться за проектирование? Потому что не выполнены, не подготовлены были работы теми, кто за это отвечал в силу производственной необходимости.

Школа ССО — школа жизни. Сибирский опыт — уже ближе к «университету». Сибирь таит в себе неисчислимый капитал людских характеров и судеб. Нужно только по-хозяйски распорядиться этим богатством!

Лариса НЕДОГОВОРОВА, сотрудник
газеты «Молодой ленинец»

Томск.

ПЕРЕСТРОЙКА.
ПРОВЕРКА
ДЕЛОМ

ОКЛИКНУТЬ КАНАТО- ХОДЦА...

НАШИМ ПОСТОЯННЫМ ЧИТАТЕЛЯМ
НАВЕРНЯКА ЗНАКОМА РУБРИКА
«ОГОНЕК» В НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНАХ». БОЛЕЕ ДЕСЯТИ ЛЕТ ЖУРНАЛ ШЕФСТВОВАЛ
НАД СООРУЖЕНИЕМ КАМАЗА И НОВОГО
ГОРОДА. И ВОТ СПУСТЯ ГОДЫ СЛОЖНАЯ СИТУАЦИЯ,
СЛОЖИВШАЯСЯ ЗДЕСЬ,
НЫНЕ В ГОРОДЕ БРЕЖНЕВ,
В СВЯЗИ С ПРОЦЕССАМИ ПЕРЕСТРОЙКИ
ПОЗВАЛА НАС ВНОВЬ НА БЕРЕГА КАМЫ...
И МОЖЕТ, ПОЗОВЕТ ЕЩЕ.

НЕ МОГУ ОТОРВАТЬ
ВЗГЛЯДА ОТ ФОТОГРАФИИ:
ТАМ ОНИ СТОЯТ РЯДЫШКОМ
ВОЗЛЕ ГОРКОМА ПАРТИИ,
ВЕТЕР ШЕВЕЛИТ ИХ
СОВСЕМ ЕЩЕ НЕ СЕДЫЕ
ВОЛОСЫ. ЮЛИЯ ПРОНИНА,
БОРИС БОЧКАРЕВ,
УЭЛ ХУСАИНОВ, КОСЯ
ДАНИЛИН, ЛЕОНИД
ШТЕЙНБЕРГ, ВАЛЕРИЙ
СТЕКОЛЬЩИКОВ...
НУ, ДА ЭТО
БЫЛО РОВНО ДЕСЯТЬ ЛЕТ
НАЗАД, КОГДА СТРАНА
ОТМЕТИЛА ИХ ЗА ПУСК
КАМАЗА: БЛЕСТЯТ НА
СОЛНЦЕ НОВЕНЬКИЕ
ОРДЕНА...

Анатолий
МОЛЧАНОВ

Конечно, из тех «железных комсогов», обитателей вагончиков, комиссаров стройки, на снимке далеко не все: объектив не смог бы вместить. Но рядом могли бы встать Валерий Кузьмин, Юрий Петрушин, Вазил Мавликов, Файруза Мустафина, Иван Морозов, Саша Кривоногов, Юра Кертанов... Признанные молодежные лидеры, они вместе со всеми в резиновых сапогах месили грязь, поднимали людей на субботники, ели и спали где придется. Они строили и защищали свой город, наводили порядок, лезли в самое пекло, разнимая жестокие драки. И одновременно постигали школу управления.

Кто в ту пору мог предсказать им будущее, даже весьма недалекое, когда к их именам еще не прибавля-

объединяла горячая волна энтузиазма, твердая вера в собственную значимость. «Такого нигде нет, только на Каме, в Набережных Челнах», — пели они под гитару. «Мы строим КамАЗ — КамАЗ строит нас!» — кричали плакаты. «У нас будет единственный в мире скоростной трамвай!» — твердили они, не желая понимать, что это обычный трамвай, у которого просто меньше остановок... «Наши грузовики станут лучшей маркой 90-х годов! Мы строим самый красивый город на планете!» Их юношеский задор и максимализм поддерживали и подогревали. И они честно выкладывались на «стройке века» по 16—18 часов. Не выдерживающих темпа клеймили, «пригвождали к позорному столбу» на комсомольских собраниях. Уезжающим не пожимали рук.

На берега Камы съезжались тысячи добровольцев. Одни — от всей души, «по призыву комсомола, по зову сердца». Другие — жаждущие подзаработать, ищущие новых знакомств, приключений или просто обновления жизни.

Завод и город, как гигантские воронки, втягивали в себя миллионы рублей. Дома росли, как грибы. Денег не жалели. Возможно, кое-кто уже тогда понимал и видел: бестолково спроектированный, город строился наспех и с экономической, и с нравственной точек зрения. Знали и молчали? Да кто был бы услышан в атмосфере этого всеобщего порыва и угара? Между тем завод и город были законнорожденными детьми времени, действительно «крупной станцией» на рельсах экстенсивной экономики, по законам которой двигалась страна.

Если и раздавались трезвые голоса, они неизбежно тонули в грохоте «великой стройки», таяли и обесцвечивались в кумаче транспарантов, замирали между атласными обложками рапортов, глохли под напором бодрых маршей. Критика генплана города в ту пору была бы равнозначна защите генетики в сороковые годы. Слишком велика была инерция: во что бы то ни стало освоить миллионы, перешагнуть рубеж, дать первую очередь (пусть в ущерб технологии), поставить дома (пусть на живую нитку), выдать на-гора месячный, кварталный, годовой план!..

Признаюсь, попал впервые в Набережные Челны двенадцать лет назад молодым журналистом, сам был подвержен всеобщей стихии. Да и кого не впечатлял размах стройки? Тем не менее любопытному и внимательному глазу уже было заметно: большинство людей жило в скверных условиях. Отряды БКД боролись в бараках со вшивостью; вечерами после ударного труда добровольцы нередко выпивали, случалась и поножовщина. Один шофер возил с собой ребенка в кабине «МАЗа», дочка, по существу, жила у него там, в то время как мелкое и крупное начальство возводило себе особняки... Очередь на жилье для «простых смертных» выстроилась нескончаемая, а газеты писали о

скором разрешении бытовых проблем. За внешним «темпом и блеском» здесь и там вырастали «фрагменты» будущего города с домами, малоприспособленными к жилью.

Пройдет много лет, и сотрудники НИИ культуры РСФСР проведут конкурс детского рисунка «Город глазами детей». И маленькие челнинцы восьмидесятых нарисуют красивые дома, стоящие близко друг к другу, сузят широкие улицы, сожмут (на деле продуваемые сквозняками) пространства, в которых даже взрослый чувствует себя маленьким, ничтожным; они нарисуют рожи, которых нет, раскрасят флюмастерами окна и балконы серых, однообразных домов; во дворах они изобразят дикие аттракционы и цирки-шапито...

Первые венселя городу пришлось оплачивать довольно скоро. Старый Комсомольский район, поселок Камгэс, как его тут называют, стал притчей во языцех, средоточием издержек «великой стройки», общей болью. Теперь уже всем ясно, что эти первые дома, похожие на современные казармы, не выдержат даже заложенных в проект сроков эксплуатации. Строя, никто не думал, кто их потом будет содержать, кому предстоит заделывать огрехи: расходятся бетонные блоки, сыплется штукатурка, трещат по швам трубы коммуникаций...

В дома вселились бывшие комсомольцы-энтузиасты; стены крохотных квартир, как призналась одна женщина, так и хочется раздвинуть руками; зимой тут прохладно, летом нечем дышать. Здесь очутились немало матерей-одиночек, людей с низкой квалификацией и небольшой зарплатой. Неправедливость по отношению к матерям и отцам, которые считаются «обеспеченными жильем», трансформировалась в детей непредсказуемым образом; и дети «голубого города» удивляют родителей пристрастием к спиртному, наркотикам, сексуальной распушенностью...

Ну, а что же люди с фотографии? Они повзрослели и посерьезнели: в глазах у многих уже не видно было задорного блеска; они заняли ответственные должности в городе и на заводе. Но через отмеренный судьбою срок новая рабочая волна захлестнула их — волна перестройки. И теперь, как много лет назад, когда они переступали порог комсомольских комитетов, снова приходится делать выбор, поступать в соответствии с выработавшимися у них представлениями о совести, морали, о партийном, гражданском, человеческом долге.

Собственно говоря, еще немного раньше, когда наступило время «собрать камни» и переоценить ценности, перед выбором оказались все бывшие первопроходцы. И тогда кое-кто, убедившись, что плетью обуха не перешибешь, покидал свое белокаменное детище навсегда. Уехал, к примеру, Валерий Кузьмин, бывший первый секретарь горкома комсомола.

Друзья не осуждают Валерия за это: он отдал Набережным Челнам немалую часть души и сердца, пережил с городом и заводом самое тяжелое время. И когда увидел плоды рук своих, когда понял, что в результате «работы адовой» получилось далеко не то, о чем думалось и мечталось, что откуда ни возьмись явились пришлые люди, заняв весьма солидные кабинеты, — Кузьмин пришел к выводу, что не сможет, не сумеет жить двойной моралью, а для борьбы уже не оказалось сил...

Ну, а кто же остался? Среди тех, на кого лавиной обрушились проблемы молодого города, — и те, кто успел сделать карьеру за чужими спинами, и те, для кого время после XXVII съезда партии вылилось в глубокую душевную драму, в глубокий перелом сознания. Бывшие идеалисты, грезившие «голубым городом», они нашли в себе мужество и силы снова взвалить на себя груз ответственности. Они не пеняют на былые заблуждения, но, отринув захвативший их в семидесятые годы «социализм чувства», засучили рукава и принялись за работу.

Удивительно ли, что начавшаяся перестройка четко размежевала тех и других. И мосты пока разведены.

Особенно это стало заметно в последнее время, когда городской ко-

митет партии возглавил Уэл Галимович Хусаинов, а горисполком — Юрий Иванович Петрушин, сильный и жесткий лидер, требующий одинаково от себя и от людей полной самоотдачи. Нашлись доброхоты, шепнули первому секретарю: мол, Петрушин спит и видит, как бы занять ваше кресло, разве не понятно?.. Уэл Галимович вряд ли этой наивной лжи верил, но и смириться с тем, что к Петрушину, а не к нему тянулись и шли люди, было, видимо, нелегко.

Юрий Иванович Петрушин еще до исполкомовской работы, когда был первым секретарем Комсомольского РК КПСС, заручился поддержкой единомышленников, патриотов родного города. Собрал их вокруг себя, организовал настоящий штаб, сумел заинтересовать авторитетнейшего человека, начальника производственного объединения «Камгэсэнергострой» Е. Н. Батенчука, идеи обрели финансовую поддержку.

Мысли Петрушина, которые позже оформились в четкую концепцию, сводились вот к чему: Набережные Челны не должны быть просто конгломератом угрюмых, одинаковых зданий — ни ступить, ни молвить. Социальная инфраструктура, которую упустили ранее, теперь должна работать не только на формальный «рост культуры», но и на уважение к личности. Деятельность Петрушина и его соратников стала последовательной борьбой за человеческое достоинство. Помогали предприятия, городской комсомол, тысячи добровольцев включились в работу. И выросли, рожденные их энергией, спортивно-оздоровительный комплекс, бассейн на четыре ванны, цветочный магазин, похожий издали на цветок лотоса, детское кафе, школа с зимним садом, летний цирк... А на очереди — новое здание института физкультуры, клуб юных моряков... И все это по индивидуальным проектам. И все за короткий срок. И все такого качества, что челнинские новостройки можно сравнить с олимпийскими сооружениями в Москве.

Ну, взялся человек не за бумажную, а за сердечную заботу о людях, зажег других — и сделали, казалось бы, невозможное. Ведь в конце семидесятых годов было принято «замораживать» объекты соцкультбыта по всей стране. Помню, например, сколько лет строили молодежный центр в Старом Осколе, и только в этом году вводят в строй.

Чудеса производительности труда и высочайшее качество строительно-монтажных работ показали челнинские рабочие — спасибо им всем, низкий поклон! Пишу и думаю: ну вот как бы отнесся горком партии Усть-Илимска, Тынды ли, Нового Уренгоя к такому подвижничеству? Да порадоваться бы не мог! Гордился бы тем, что горисполком сосредоточил свое внимание не на показухе, вроде украшения города помпезными неоновыми лозунгами, а на человеческом здоровье — физическом и нравственном! Чтобы житель молодого города не чувствовал себя ущербным, обделенным судьбою, не завидовал столичным удобствам, а жил в обстановке уважения к себе и к своему труду, чувствовал себя Человеком.

Но что же произошло? — Трудно вспомнить мало-мальски заметное совещание за последние три года, — говорит заместитель председателя горисполкома Ф. З. Мустафина, — на котором бы мы не подверглись критике. Впечатление было такое, что горком партии словно бы нарочно высискивал в нашей работе одни промахи и ошибки. Что ни собрание, то разнос! Разве это справедливо?

В апреле этого года Ю. И. Петрушину, которому и до этого не раз намекали, чтоб поискал другую работу, предлагали разные должности, объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку, собрались снять. Но тут случилось неожиданное: не меньше 20 из 25 членов партийной группы исполкома горсовета высказались против его отставки. В результате бюро горкома партии, которое таким же выговором «удостоило» и Хусаинова, вынуждено было оба взыскания

Продолжение на стр. 27

ПРОЩАНИЕ С БАЗАРОВЫМ

ВСЕ КОНЧИЛОСЬ В ДВА ЧАСА ПОПОЛУДНИ.
ПОТОМУ ЧТО В ТРИ ДОЛЖЕН БЫЛ НАЧАТЬСЯ ТО ЛИ
ДЕТСКИЙ СЕАНС, ТО ЛИ ПЛАНОВЫЙ УТРЕННИК.
СЛЕДОВАЛО ОЧИСТИТЬ ПОМЕЩЕНИЕ. НО НА УЛИЦЕ, У ВЫЧУРНОЙ
КОЛОННАДЫ ДК ЕЩЕ ДОЛГО ТОЛПИЛИСЬ, СПОРИЛИ О ДЕМОКРАТИИ,
ПРЕЖДЕ ЧЕМ НАЧАЛИ ПОНЕМНОГУ РАЗБРЕДАТЬСЯ. ГОВОРИТЬ
МОГЛИ ЕЩЕ ДОЛГО, НО СИЛ ГОВОРИТЬ БОЛЬШЕ НЕ БЫЛО.
ТРИ БЕССОННЫЕ НОЧИ, ПРОВЕДЕННЫЕ ЗА СОСТАВЛЕНИЕМ
ОБРАЩЕНИЙ, ПРОЕКТОВ, ПЕТИЦИЙ, ЗА РАЗБОРОМ СЛОЖНЫХ
ПЕРИПЕТИЙ ПОЛЕМИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ, НЕ МОГЛИ НЕ СКАЗАТЬСЯ.
ВОТ И СКАЗАЛИСЬ.
ТРИСТА МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ РАЗЪЕХАЛИСЬ НАКОНЕЦ ПО ДОМАМ.
ЭТО БЫЛО В ВОСКРЕСЕНЬЕ, И ПОТОМУ ИХ УСТАЛЫЕ ЛИЦА
ВЫЗЫВАЛИ ПОНИМАЮЩИЕ УЛЫБКИ У ПАССАЖИРОВ МЕТРО.
ВСЁ — КОНЧИЛОСЬ... И СТАЛИ НЕНУЖНЫМИ СО ШКОЛЬНОЙ
АККУРАТНОСТЬЮ ВЫПИСАННЫЕ ОТ РУКИ МАНДАТЫ.
ВСЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЛОСЬ.

Владимир ЯКОВЛЕВ

Но что кончилось? Что начиналось? Что за люди четыре дня подряд до хрипоты заседали в двух больших московских клубах и одном маленьком агитпункте? Нелегко ответить на эти вопросы.

ДОКУМЕНТЫ ВСТРЕЧИ. «Мы, представители самостоятельных общественных организаций, собравшиеся в Москве в августе 1987 года для участия в информационной встрече-диалоге, настоящим обращением заявляем...»

Сколько лет такого не было? Сколько лет и самую возможность такого представить себе было трудно? Столько, что не существует сегодня даже общепринятых слов, общепринятых терминов, позволяющих ясно и коротко объяснить, о чем, собственно, идет речь. «Информационная встреча-диалог»? Название рабочее, условное. «Самостоятельные общественные организации»? Стоит употребить это неуклюжее выражение, и в воображении читателя немедленно возникнет нечто среднее между длинноволосым неформалом и великовозрастным собирателем спичечных коробков. Действительно самостоятельно возникшие общественные группы действительно самостоятельно собрались на конференцию, говорили только то, что действительно думали, решали только то, что действительно считали нужным. Богат заседательной терминологией наш привычный лексикон. И все же нет в нем нужных словосочетаний.

Да и в одном ли лексиконе дело? Кто они, эти самые общественники, собравшиеся на встречу? По возрасту — от восемнадцати до шестидесяти. По профессиям — от рабочих до поэтов. В какой сфере действуют эти самые группы? В сфере культуры. В сфере экологии. В сфере социологии. В сфере права. В сфере экономики. Какова их численность? От трех —

до нескольких сот человек. Что дают эти сведения? Ровным счетом ничего!

ДОКУМЕНТЫ ВСТРЕЧИ. Из материалов группы «Лаборатория общественного самоуправления»: «Процессы, происходящие в обществе в связи с перестройкой, вызвали к жизни появление самостоятельных общественных и общественно-политических организаций...»

Пожалуй, при всем желании не скажешь точнее. Да только точность эта дает немногим больше, чем приведенные выше сведения. Причины, общая природа возникновения общественных групп ясны и без объяснений. Как ясна вообще-то и общность их позиций. С самого начала конференции ни у одного из ее участников не вызывал ни малейших сомнений принцип «трех нет», сформулированный в документах клуба «Перестройка». Нет — насилию и пропаганде насилия, нет — идеям национальной или расовой исключительности и вражды с другими народами, нет — претензиям на монопольное обладание истиной в ущерб праву других на самостоятельный поиск. Принцип, что и говорить, звучит красиво. Но обсуждать подобные истины — значит примерно то же, что ставить на голосование теорему из школьного учебника геометрии. В пресс-центре встречи я листал программы общественных групп и клубов, поражаюсь схожести взглядов, формулировок, сводящихся в общем и целом к тем простым и ясным позициям, которые сегодня стали едва ли не социальными аксиомами: бюрократизм — плохо, перестройка — хорошо. Зачем было собираться? Разве что для того, чтобы позвать друг друга руки и разойтись? Насчет «пожимания рук» — заявление, мягко говоря, действительности не соответствующее.

ДОКУМЕНТЫ ВСТРЕЧИ. Из сообщения пресс-центра: «Мой проект или твой проект — третьего не дано. Вот жестокая дилемма, с которой столкнулись в своей работе сенции... Рабо-

та характеризовалась следующим:

1. Нетерпимостью во взглядах.
 2. Неумением искать точки соприкосновения и компромиссов.
 3. Стремлением не выслушать другого, а побольше и погромче заявить о своей позиции. Каждое направление пытается добиться своего успеха, не думая об успехе общем.
- Спорщики не видят друг в друге единомышленников...»

Прочитанное сообщение, пожалуй, несколько необъективно. В том смысле, что еще смягчает реальную ситуацию первых дней работы конференции. Спорили всюду. Спорили на заседаниях секций и общих собраниях. Спорили в залах и коридорах. Спорили в буфете, на скорую руку утоляя бутербродами полемический голод. Пресс-центр захлебывался в волнах все новых и новых обращений, проектов, программ. Мгновенно возникали и распадались фракции. Появлялись и бесследно исчезали возможности компромиссов. Московский клуб «Перестройка» объединялся с ленинградским, забыв о собственных противоречиях ради того, чтобы противостоять проекту клуба «Община». «Община» консолидировалась с ФСИ. Странники проекта «Гражданское достоинство» вели немиримую борьбу со сторонниками «Фонда борьбы с бюрократизмом», которого, собственно, еще не было, но который намеревался создать депутат от «Перестройки», которого, в свою очередь, «Перестройка» же и собиралась лишить мандата за непродуманные выступления, вступая по этому поводу в жестокий конфликт с «Заочным социально-политическим клубом». «Клуб социальных инициатив», как и полагается организатору встречи, занимал нейтральную позицию. Но подспудно, похоже, проводил какую-то свою, хитрую политику, используя для этих целей уже агонизирующий пресс-центр. Я прислушивался к доводам спорящих, оценивал по достоинству изящество аргументов и никак не мог отделаться от

назойливого и в общем-то вполне резонного вопроса, который не раз и в разных интерпретациях безуспешно пытался задаваться в кулуарах, — о чем речь? В чем, собственно, дело? И лишь постепенно пришло понимание логики происходящего.

ДОКУМЕНТЫ ВСТРЕЧИ. Из выступления делегата КСИ Григория Пельмана: «Зимой этого года я прочел в студенческой многотиражке статью, написанную ребятами из политклуба «Община». Речь шла о проблемах студенческого самоуправления. Но не статья поразила меня, а заголовок «Верхи хотят, а могут ли низы?...» Шесть месяцев назад внутренне я не находил положительного ответа на этот вопрос. Сегодня в своей оценке я не столь категоричен и отрицательному ответу «пока не могут» предположил бы своеобразное оправдание «хотят, но не могут».

Из выступления члена группы «Щербаковцы» Кирилла Парфенова: «Наша группа возникла во время спасения от сноса палат Щербакова. Их должны были снести при прокладке автодороги. Ну, все, наверное, об этом слышали? Сперва мы палаты защищали. Потом начали сами их реставрировать. Не ждате ли без дела, пока бульдозеры придут? Ну, сразу, естественно, возникла масса проблем — проект реставрации, красна, инструменты...»

Две эти внешне никак не связанные цитаты я поставил рядом не случайно. История спасения палат Щербакова, по-моему, пусть не в прямую, а все же как нельзя лучше иллюстрирует слова Григория Пельмана. И более того — история эта удивительно характерна для самой ситуации сегодняшнего дня.

Так уж сложилось, долгие годы одной из основных мелодий нашей общественной жизни был «базаровский» мотив нигилизма, мотив отрицания окружающего положения дел (имею в виду, естественно, привычно-упрощенное, школьное толкование образа тургеневского героя). Мы привыкли к «базаровскому» стилю до той степени, что перестройка, демократизация для многих стали своего рода психологическим шоком, суть которого кто-то на конференции метко назвал синдромом «пропавших баррикад». «Базаровский» опыт, опыт общественного отрицания, у нас огромен. Об опыте общественного созидания этого никак нельзя сказать. Созидать же куда сложнее. И сегодня с полным правом можно сказать то, что трудно было признать вчера, — в положении «копозитии» есть свои преимущества, свои прелести. Когда защитники палат Щербакова цепью выстраивались перед наступающими бульдозерами — это было опасно, это было мужественно. Но это было и легко. Куда легче, чем доставать краску и думать о проекте работ. «Надо что-то делать!» — вот фраза, которую вполне можно назвать своего рода девизом общественной жизни былых лет, а равно и конечной точкой всех тогдашних рассуждений о положении дел в стране. В дискуссиях конференции эта точка была изначальной, стартовой. Делать что? Делать как? Вот вопросы, о которых спорили, на которые искали ответ.

ДОКУМЕНТЫ ВСТРЕЧИ. Из выступления делегата «Союза защиты перестройки» Виктора Борисова: «...вчера здесь, в Москве, я видел, как нацирша обшарила иностранца. Эта нацирша предала честь Родины! Случись такое в нашем городе, мы бы добились, чтобы она была немедленно уволена». Реплика из зала: «Вы собираетесь бороться с нечестными нациршами или с условиями, которые их делают такими?»

Из стенограммы заседания секции: «— Фонд борьбы с бюрократизмом необходим. Бюрократия должна быть уничтожена!»

— Сколько можно бороться друг с другом?! Нужно защищать и создавать! Из выступления делегата Виктора Золотарева: «Ощущение гражданской несостоятельности, подавленности и робости перед лицом... барственного

безразличия чиновников вытесняется сейчас на глазах растущим чувством гражданской причастности, чувством собственной вины за худшее внутри и вокруг нас и совершенно новым желанием непосредственно, лично участвовать в социальном благоустройстве... Требуются срочные меры оздоровления экономики — это непочатый край работы. А детская смертность, алкоголизм, наркомания, преступность, деградация деревни, «тихая» эпидемия экологических катастроф? Всем нужно заниматься напрямую. Нужна работа...»

Делать что? Делать как? На вопрос, чем закончились споры на эту тему, проще всего ответить простым перечислением лишь некоторых из общественных проектов, принятых на конференции к исполнению. Проект «Самоуправление» — практическое содействие созданию органов самоуправления трудовых коллективов. Проект «Милосердие» — оказание материальной, финансовой и духовной помощи пенсионерам, ветеранам, больным, одиноким, неимущим. Проект «Социальный мир» — проведение общественных мероприятий, направленных на достижение социального единства в стране. Проект «Гражданское достоинство» — содействие раскрытию, устранению и оглашению судебно-следственных ошибок и скорейшему пересмотру дел, в которых они были допущены. Проект «Памятник»... Не правда ли, список этот (даже неполный) впечатляет? И впечатление только усилится, если добавить к сказанному, что каждый из названных проектов существует не в виде «голой идеи», а в виде подробной разработки, списка продуманных, конкретных мероприятий.

Только правильно ли перечислить проекты и с чувством выполненного долга поставить точку? Поставить, надеясь на то, что читатель не заметит обмана, что под впечатлением от проектов не обратит внимания на хитрость автора, ответившего лишь на один из двух поставленных вопросов. Какое решение приняли делегаты по поводу того, что делать, — в общем-то ясно. Какое решение приняли они по поводу того, как действовать... «Хотят, но не могут» — эти слова Григорий Пельман произнес в первый день конференции. И уже день спустя они обрели в кулуарах иной, печально-комический, вариант: могут-то они могут, да кто же им даст?

Для того, чтобы отрицать, не нужно в общем-то ничего, кроме желания. Для того, чтобы созидать, необходимо, как минимум, иметь возможность для этого... Предвижу реакцию читателя. Он, читатель, с легкостью догадается, куда клонит автор, не затруднится предсказать дальнейшее, не слишком оригинальное развитие цепочки его рассуждений. Вот, мол, хотят ребята сделать хорошее дело, так поди ж, не разрешают! Читатель ошибается. Речь отнюдь не о разрешении. «Ребята», собственно, разрешений и не спрашивают, не ждут ни приказа, ни одобрения. Действуют, предоставляя государственным организациям по собственному усмотрению реагировать на происходящее и оставляя за собой право ответной реакции. Да только разве от этого легче? Разве менее острой становится от этого ситуация? Скорее наоборот.

«Необходим отсутствующий пока социальный механизм преобразования общественных желаний в реальные возможности» — эти слова не раз и не два в различных интерпретациях повторялись на встрече. Говорили: не существует сегодня законодательной платформы для существующих общественных течений и организаций, не определены их возможности, обязанности и права. За-

являли: общественные группы оказываются беззащитными перед реакцией местных властей. И трудно было спорить с этими, в общем, правильными, вполне соответствующими реальной действительности словами, как трудно было и не замечать целого букета неприятных последствий такого положения дел.

ДОКУМЕНТЫ ВСТРЕЧИ. Из диалога на заседании секции: «— Есть страны, в которых действует, например, такая система — если под письмом собрано больше двадцати тысяч подписей, то поставленный в нем вопрос рассматривается правительством.

— Будь такая штука у нас, не было бы половины демонстраций!»

Что и говорить, вполне возможно, «такая штука» действительно была бы нелепее. Возможно... Да только вопрос на деле стоит куда серьезнее, а проблема — куда глубже, чем может показаться на первый взгляд. И отсутствие законодательных актов, и непричастности к властям — в конечном итоге лишь частные следствия, симптомы, а не диагноз заболевания.

ДОКУМЕНТЫ ВСТРЕЧИ. Из выступления делегата от группы «Спасение» Михаила Талалая:

«Лидер нашей группы Алексей Ковалев в этом году выставил свою кандидатуру на выборы в городской Совет народных депутатов. Он имел на это все законные права. И что же? В регистрации ему было отказано по чисто формальному поводу. А одновременно, бываю же случайности, пришла повестка в военкомат!»

Из выступления члена оргкомитета, руководителя пресс-центра встречи Глеба Павловского:

«В нашей встрече явным образом принимают участие сорос семь общественных клубов и групп. Сколько участвуют неявно, сказать, естественно, трудно...»

Взаимное недоверие государственных организаций и общественных групп — вот, пожалуй, едва ли не самое опасное наследство, оставленное нам прошлым. Общественные группы вышли из былой темноты скрытого, подпольного, разобщенного существования. Вышли из темноты, но к свету не пришли. Остановились в некоем промежуточном состоянии, состоянии полумрака, будто выжидая дальнейшего развития событий. Выжидают и государственные организации, не торопясь слишком высоко поднимать давно, но добротню сколоченный шлагбаум. И если вчера такая осторожность казалась излишней, не вызвала ничего, кроме раздражения, то сегодня это не так. Споры нет, ушли в прошлое — и безвозвратно — те времена, когда на любое проявление общественной жизни мы реагировали едва ли не по уставу караульной службы, сперва восклицая «Стоять!» и лишь потом интересуясь «Кто идет?». Сейчас — прежде интересуемся... Однако по выяснению нередко хочется воскликнуть все то же.

Что и говорить, просто, соблазнительно просто сказать громко и ясно в этой недоверчивой тишине — да бросьте, мы все хотим одного и того же, давайте друг другу доверять! Да только призрачна соблазнительная легкость. Невелика ценность призывов в тишине. Подними шлагбаум — кто шагнет за него? Только ли авторы проекта «Милосердие»? Считать так значило бы безбожно идеализировать ситуацию. Конференция конференцией. Но ведь одними рамками встречи общественная жизнь не ограничивается. Когда руководитель крупного литературного объединения вполне серьезно сообщает, что в его курс обучения входят тренировки по пользованию каскетом в борьбе против идеологических противников, когда один из лидеров общественной пацифистской группы уговаривает

юношу отказаться от службы в армии? чтобы ради политического шума превратить его в «кузника мира», когда одного из признанных лидеров экологического движения находят на улице с пробитой головой, есть о чем задуматься.

ДОКУМЕНТЫ ВСТРЕЧИ. Из «Обращения» политклуба «Община»: «...среди неформального движения образуются и растут группы, проповедующие реакционные политические взгляды, придерживающиеся экстремистских методов деятельности...»

Из выступления члена оргкомитета встречи Михаила Малюткина:

«...последнее время в самостоятельном движении стали активнее пропагандироваться взгляды и сказываться тенденции, действия которых создают возможность экстремизма...»

Куда как просто говорить о необходимости доверия, куда как просто эту необходимость доказывать в теории. Доверять на практике неизмеримо сложнее. Доверять кому? Кому конкретно? Той или иной группе? Группам, хорошо зарекомендовавшим себя? Доверию нужны гарантии. А где они? Принцип «трех нет»? Он, конечно, хорош. Только очень уж широк. Да и трудно ли при желании отказать от разонравившегося принципа? И ведь дело не только и даже не столько в экстремизме, существовании крайних взглядов из области «левее здравого смысла». С крайними взглядами как раз все более или менее ясно. Сложнее с другими. Перестройка, демократизация озорвали общественную жизнь, но отнюдь не упростили ее. Где она теперь, бывшая легкость оценок тех лет, когда к жизни можно было относиться по принципу детских сказок, где все герои делятся лишь на команду «добрых» и команду «злых»? По подсчетам специалистов, только в Москве около тысячи различных общественных объединений. В Ленинграде — больше двухсот. И у каждого — свои достоинства, свои недостатки. Одни резковаты в суждениях, другие излишне лояльны, третьи так уверены в своей правоте, что уверенность эта переходит границы разумного. Кому доверять? Кому не слишком? Кого и вовсе лишить доверия?

Доверять кому? Вопрос этот не имеет ответа. По той простой причине, что не имеет и права на существование. Когда люди начинают говорить своими словами, они не говорят хором. Это естественно. Но в этом заключена и опасность ошибки восприятия. Опасность счесть противоборство разных взглядов, мнений, позиций, в котором, собственно, и заключается суть демократического жила жизни, тревожной аномалией, подлежащей искоренению. Доверять нужно, необходимо. Но не группам. И не группам... Доверять — общественной среде, обществу, создавая все условия для свободного обмена мнениями, для дискуссий, для открытой полемики. Зыбко? Ненадежно? Не будем спешить с выводами.

Вдумаемся, чем по сути была встреча-диалог? Одним из первых серьезных экспериментов в области практической демократии, социального доверия. Собрались на встречу представители разных групп, придерживающиеся разных позиций, разных взглядов на будущее. Их состав никто и никак не ограничивал, не контролировал и не урезал. Дискуссии проходили в обстановке болезненно-примирчивого стремления собравшихся к соблюдению демократичности процедур, обстановке, судить о которой можно по такому эпизоду: во время первого заседания общее возмущение зала вызвало выступление представителя группы «Демократия и гуманизм», однако, когда на следующий день кто-то предложил попро-

сту не давать ему больше слова, это вызвало возмущение еще больше.

И вовсе не следует думать, что на заседаниях секций и общих собраниях встречи происходила полемическая борьба хорошего с отличным. Высказывались в свободных спорах и такие суждения, от которых, мягко говоря, нехорошо становилось на душе. Выражаясь научным языком, «эксперимент» был вполне чистым. Его результат?

Нет, не только уже перечисленные проекты. И даже не только создание общественного информационного центра, где каждый желающий может получить любую информацию о любой из участвовавших в конференции групп.

ДОКУМЕНТЫ ВСТРЕЧИ. Из «Обращения участников информационного диалога»:

«Мы, представители самостоятельных организаций, собравшиеся на первую встречу-диалог, заявляем: мы поддерживаем и готовы принять активное участие в процессе перестройки, проводимой Коммунистической партией во всех областях нашей жизни... Мы поддерживаем все конструктивные инициативы, проекты и предложения, способствующие дальнейшему процессу перестройки и укреплению социалистических принципов в нашей стране... Мы призываем все общественные объединения оставить мелкие разногласия и активно включиться в работу по реализации общественных инициатив на благо нашей страны».

Из принципов организации Ассоциации «Кольцо объединенных инициатив» (КОИ):

«Мы, представители самостоятельных клубов, общественных групп, неформальных объединений из разных городов страны, приняли решение о создании КОИ. КОИ полностью поддерживает то направление, которое проводит КПСС в решениях XXVII съезда и особенно начиная с январского Пленума ЦК КПСС, то есть направление перестройки, гласности, демократии партии и общества, демократизации, нового мышления... КОИ — это общественно-инициативное, культурно-просветительское, самостоятельное движение, открытое для разнообразных социальных инициатив во всех сферах жизни. Смысл работы КОИ — обновление социальной прантинии в духе идеалов социализма, демократии, гуманности, прогресса... КОИ стремится принимать самое активное участие в деятельности Советов народных депутатов, рассматривая их как главную форму нашей государственности... Членами Ассоциации КОИ могут быть все лица и общественные организации, разделяющие принцип «трех нет», идеалы социализма и демократии...»

Учиться демократии... Эти слова за последнее время успели даже поистрепаться, что, пожалуй, лучше всего свидетельствует — произносить их проще, чем воплощать. Мы уже поняли, почувствовали — демократия дает возможность говорить. Надо еще научиться слушать, научиться не перебивать. В спорах рождается истина — можно только удивляться, до какой степени за прошедшие годы эта расхожая фраза утратила свой настоящий смысл. Чтобы истина появилась на свет, споры необходимы, необходима разность мнений.

...Последнее заседание конференции было бурным. Принимали «Обращение». Потом со сцены в зал диктовали телефоны, адреса. И кто-то еще пытался выступить напоследок, кто-то проталкивался к трибуне. Все кончилось только в два часа пополудни. Потому что в три должен был начаться то ли детский сеанс, то ли плановый утренняя. Я смотрел на толпу у вычурной колоннады, перекатывал в гулкой от усталости голове единственную, странную мысль. Какие они все-таки — «хорошие» или «плохие»? Есть ли ответ на этот абсурдный, пришедший из прошлого вопрос? И лишь когда толпа начала понемногу разбредаться, потому что сил говорить больше не было, понял — ответ есть. Почему, собственно, «они»? Мы...

ЧЕРНЫЙ РЫНОК: ЛЮДИ, ВЕЩИ, ФАКТЫ

Галина БЕЛИКОВА, социолог,
Александр ШОХИН, кандидат экономических наук

В последние год-два каждому из нас приходилось много читать, слушать, да и самим высказываться о недостатках сложившейся у нас командно-административной системы управления. Обстоятельный анализ этих недостатков (к слову сказать, их и недостатками назвать нельзя, поскольку речь идет об определяющих признаках подобной системы хозяйствования) недавно был дан на страницах «Огонька» (№№ 29, 30) академиком А. Г. Аганбегяном. Жесткие адресные задания и «карточное» распределение ресурсов, дефицитность практически всех ресурсов, товаров, услуг и чрезмерная расточительность, диктат производителя над потребителем и низкое качество, снижение темпов роста и падение качества этого роста — вот далеко не полный перечень негативных сторон нашего социально-экономического механизма, на преодоление которых направлены намеченные июньским Пленумом ЦК КПСС меры.

Но объективные законы существуют независимо от воли и сознания людей. Поэтому в реальной хозяйственной жизни, конечно, складывались стихийные формы товарности, децентрализованные механизмы принятия решений. Все эти формы еще недостаточно изучены; экономисты, социологи, юристы не дают им однозначного толкования. Используются термины: вторая экономика, теневая экономика, «черный», «серый», «розовый» рынок (в общем, «цветная» экономика).

ГДЕ ЕГО ИСКАТЫ

Там есть все, и все это знают. От какой-нибудь мелочи, гаечки по четыре копейки за штуку, до автомашины «тойота» за 40 тысяч.

И люди есть, у которых все есть. Привилегий в снабжении не имеют, в торговле не работают, а «это» есть: шведская люстра и индийский чай в английской жестяночке, «Панасоник» и «Макинтош», Пастернак и Мандельштам. Нет, и за границу не ездили. Хотя собачка, точно, привозная. С родословной от Елизаветы II. Все оттуда, с черного рынка.

Но где он, черный рынок? — недоумевают обыкновенные, оставшие от жизни граждане, которые денег накопили, а отовариться не могут. Ищут его, ищут...

Но ищут неправильно. Давно исчезли барахолки, толкучки и привозы; черный рынок принял достойные цивилизованные формы. Высматривают нахрапистую бабенку с наглой мордой, отворотного субъекта с бегающими глазами, а серьезный деятель черного рынка вписан в общество и благообразен.

Он не суетится, не мельтешит, не «проворачивает дельце», а делает бизнес, чинно и размеренно. Не навязывается со своим товаром, а идет навстречу покупателю. Делает одолжение. Может вам сделать, а может другому; нередко считается благодетелем. Спекулянтом его в большинстве случаев по закону не назовешь, а когда и можно бы назвать, язык не повернется, разве что у самого неблагодарного покупателя.

Старомодные представления о черном рынке удерживают ищущего клиента на поверхности явления, при товарах сомнительной ценности, и мешают проникнуть в его суть. Туда, где находится хороший, безусловно основательный дефицит.

Потому что на поверхности плавает то, что обычно плавает на поверхности: пена, шелуха, мелкая шушера: «цыганки-молдаванки» с недобросовестной косметикой; мужчины у книжных магазинов с макулатурой ажиотажного спроса; фарца с ношенными шмотками — шумная, бесцеремонная публика, которая нахально лезет в глаза и создает впечатление, что она-то и есть наш черный рынок, имея на деле ничтожную часть в его общих оборотах.

Скромнее ведут себя разовые спекулянты, дилетанты-любители (отстоит какая-нибудь красавица шесть часов за французской тушью, купит десять тюбиков — один себе — и оделяет подруг

по дружбе — вдвадорога; отхватит приезжий — «надо же, чего в Москве выбрасывают!» — пару «алюсок» и волочит их в город Н., мнит себя настоящим коммерсантом — в действительности их не так уж мало. Но при отсутствии прямого выхода на дефицит — какая несерьезность, мизерность операций... Беспокойство, суета, жалкое довольство — не те это люди, не те страсти. Не тот размах.

Основных, стабильно действующих каналов черного рынка три: несуны, везуны и госторговля.

Кроме черного рынка товаров, существует еще черный рынок услуг. Им охвачена практически вся сфера обслуживания.

Просто так на настоящий черный рынок не выйдешь. Красивую жизнь не начнешь «с понедельника»: надо устанавливать контакты, налаживать связи, заводить нужных, полезных друзей, деловые и солидные знакомства.

Отсюда вырастает широко распространявшийся «серый» рынок: обмен товарами и услугами на прямую, минуя «дензнаки», по принципу «ты — мне, я — тебе».

«ВЕЗУНЫ», «ВЕЗУНЧИКИ» И К

Что и откуда можно везти, в общем-то ясно. Не из Бузулука или Кривого Рога и не отечественный ширпотреб. Везут добротные, высококачественные «фирменные» товары из капиталистических, социалистических и развивающихся стран. Кому где выпало работать или бывать в командировках. Чем богаты, как говорится, тем и рады. В последние годы разделение на тех, кто работает за границей, и тех, кто там не работает, стало довольно отчетливым. Везут для себя — все подряд, для дома, для семьи и чем сердце успокоится; для жаждущих соотечественников — то, что обеспечивает максимальную прибыль при перепродаже.

Понятие «максимальная» со временем, конечно, меняется: трудно поверить, что лет двадцать назад тихие, скромные женщины, жены своих мужей, везли в сумочках мохер для «реализации» и были счастливы. Сейчас перепродажа двух стóящих стереосистем («Акаи», «Сони») позволяет внести взнос на двухкомнатную кооперативную квартиру.

Существует своеобразное разделение труда между различными группами регулярно выезжающих за рубеж работников: моряки, железнодорожники, например, преимущественно везут различную «мелочевку». Так, элктрин теплохода «Рапла» Эстонского морского пароходства Проваторов, снабженный валютой не покидавшим пределы Отечества электромехаником Байковым, закупил в Антверпене 2900 серебряных цепочек (для ориентации: каждая цепочка стоит около 20 франков, то есть 3 рубля 20 копеек, а в «комке» принимается по цене 38 рублей). Контрабандный оборот последнего составлял на момент задержания свыше миллиона рублей. Спекуляции, совершаемые моряками в начале 80-х годов, вызвали ряд частных определений нарсулов в адрес Министерства морского флота СССР, в системе которого было такое мнение, что подобные торговые операции — распространенная и необходимая форма самокомпенсации: зарплата, мол, не ахти, а соблазн велик... Сходным образом и проводники западного направления Дирекции международных туристских перевозок Московской железной дороги супруги Николаева и Антипов, Игнатов и Игнатова при посредничестве водителя такси Балабанова вывезли в течение двух лет две тысячи нумизматических монет, в том числе 1600 серебряных, различные предметы религиозного культа, имеющие антикварную ценность, а также большое количество осетровой икры. На «заработанные» таким образом деньги закупили и ввезли 20 тысяч головных платков, 1125 наручных часов и иные вещи, пользующиеся спросом на черном рынке; их контрабандный оборот составил один миллион 143 тысячи рублей, а спекулятивная нажива — 350 тысяч рублей. Люди же, занимающие более солидное положение, — внешторговцы, чиновники иных ведомств — везут, как правило, радиоэлектронику; спортсмены и артисты падают на одежду — в Нью-Йорке, например, славой признанного канала нашего черного рынка пользуется Яшки-стрит, состоящая из магазинчиков, торгующих третьесортными вещами; примечательно, что значительная часть продавцов представлена бывшими советскими гражданами, сориентировавшимися в чуждой обстановке. Из всей массы указанных везунов пи-

С ЧЕРНЫМ РЫНКОМ В РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНИ ПРИХОДИЛОСЬ И ПРИХОДИТСЯ СТАЛКИВАТЬСЯ КАЖДОМУ ИЗ НАС. НО РАССМОТРЕТЬ ЕГО ВО ВСЕЙ «КРАСЕ» ВОЗМОЖНО ТОЛЬКО СЕЙЧАС — В УСЛОВИЯХ ГЛАСНОСТИ. ЧЕРНЫЙ РЫНОК ТОВАРОВ И УСЛУГ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ — ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ПОСТОЯННО ОБНАРУЖИВАЮЩИХСЯ ДЕФИЦИТОВ ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ (ЯВНЫМ ПОРЯДКОМ) ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ТОЙ РЕАЛЬНОЙ РОЛИ, КОТОРУЮ ФАКТИЧЕСКИ ИГРАЕТ ПОТРЕБИТЕЛЬ СО СВОИМИ ЗАПРОСАМИ В ЭКОНОМИКЕ.

сать почему-то принято только о спортсменах, что неоднократно и делалось; описаны все имевшие место случаи с большой полнотой — ничего нового и ним при всем желании не добавишь; а нарушать традицию в данном случае не хотелось бы, так как, строго говоря, все крупные ввозы товаров из-за границы, производимые солидными и уважаемыми работниками (в том числе, кстати, и спортсменами), всплывали только на уровне таможни — уголовных дел по этому поводу не заводилось, санкции ограничивались простым изъятием вещей, которые до черного рынка не доходили, и указывать непременно спекулянтские цели их ввоза в конкретных, с указанием ФИО, случаях представляется затруднительным. Случаев же, чтобы захваченный с полицией крупный спекулянт вывел судебные органы на свой «источник», судебной практике неизвестно: формулировка в подобных делах принята однозначная: «скупал у неизвестных лиц». Поэтому такие связи и каналы еще ожидают своего исследователя.

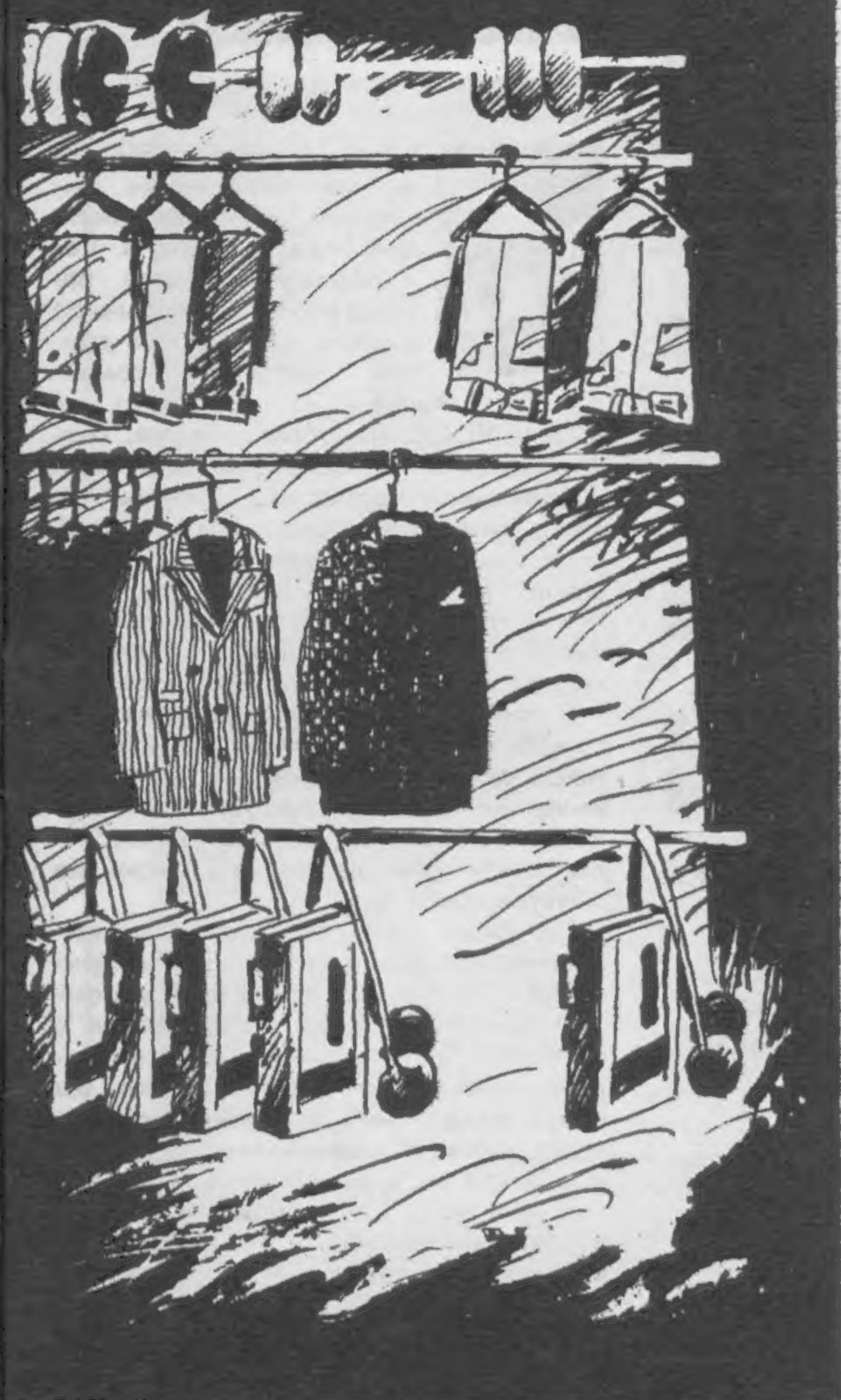
Основной доход приносит спекуляция радио- и телеаппаратурой (магнитофонами, диктофонами, видеоманитофонами, стерео- и квадросистемами), компьютерами, фотоаппаратурой, музыкальными инструментами, одеждой и обувью. Вести ее можно как легально, так и нелегально.

Спекуляция (то есть «скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы») является узаконенной, если перепродажа осуществляется в санкционированных государством формах (через комиссионные магазины); разница в ценах выступает при этом как «законная» спекулятивная добавка. Судя по количеству и темпам поступления товаров, ее получает довольно большое количество различных лиц и достаточно регулярно. Не исключено, что для некоторых она превратилась в постоянную статью дохода.

Когда предложение по тому или иному виду товаров становится особенно массовым, делают попытки снизить цену — привести ее в соответствие с ценами на отечественную продукцию данного класса (в частности, так произошло недавно с западными магнитофонами). Но приводит это обычно лишь к тому, что подешевевший дефицит вообще перестает сдаваться в магазины, зато активизируется его продажа на черном рынке — так, «Шарпы», «Грюндиги» и прочее сейчас исчезли с прилавков (и даже из-под прилавков), а цены на них на черном рынке резко возросли.

Вообще в «комки» попадает незначительная часть ввозимого товара: и не все принимают, и все не сдают — большая часть циркулирует на черном рынке.

Что-то реализуется самими везунами (обычно привезенное по предварительным заказам); что-то — их родственниками (парнишка, у которого

«предки в Африке», становится источником дефицита для всей своей институтской группы и т. д.), а еще часть — людьми вовсе не знакомыми.

Чеки Внешпосылторга, например, по таксе 1 : 2 можно без труда купить у «березок», причем у лиц, давно и безвозвратно утративших гражданскую невинность, явных ловкачей и пройдох — их с такими лицами никто бы и никогда за рубеж не пустил. Продавцы компьютеров («Синклеров» и «Макинтошей» по 1—1,5 тысячи рублей) на Садовой-Кудринской и Ленинском — публика цивилизованней, но тоже без царя в голове: многие не скрывают живейшего интереса к возможности оптовой продажи товара, готовы предъявить всю партию и оставляют телефон — наверняка западнее Юрмалы не бывали.

Характерная черта этого канала черного рынка — то, что поставленное на серьезную основу дело, как правило, делается чужими руками. В некоторых случаях имеет смысл говорить о существовании разветвленной сети перекупщиков и «коробейников», связь с которыми поддерживается не напрямую, а через особо доверенное лицо. Правда, иногда приходится использовать посредников и при легальной продаже товара; всякой компактной мелочи (цепочек «венецианского» серебра, гонконгских часов, итальянских «стрекоз» и т. п.) ввозится столько, что сдать хотя бы часть ее в комиссионные удастся лишь с помощью массы подставных лиц.

Такие подставные лица, комиссионеры или коробейники (те, кто за неимением капитала не производят предварительной скупки товара, а получают его под честное слово, с выплатой доли в прибыли по неопределенному результату), появляются на сцене тогда, когда крупный везун оказывается перед дилеммой: и вещей много, и связываться со всякими непотребными людьми не хочется, — и обращает свой взор на порядочных людей. Рекрутируются они, как правило, из образованных малоимущих слоев; движет ими обычно не алчность, страх и т. п., они высматривают многочисленные очереди в московских комиссионках или отправляются с грузом компактной «мелочевки» в другие города, предлагают свой товар на работе, по соседству, приятелям («вот, просил знакомых привезти, да размер не подходит»).

В случае добавочного спроса, когда воспаленный близостью дефицита свидетель купли-продажи чуть не плачет, они снисходительно обещают: «Спрошу, вдруг у них еще есть», — и не подводят; в случае опережающего спроса на них можно выйти через знакомых, которые слышали, что «у Вадика что-то такое бывает», — такой везучий коробейник может обрести постоянную клиентуру.

Спекуляция, став обычным и обыденным явлением, не встречает активного нравственного неприятия: в ряде случаев она если не одобряется, то снисходительно оправдывается: ну, подрабатывает человек, крутится как может — так не проживешь ведь на одну зарплату...

Пожалуй, именно такое смещение нравственных акцентов, ставшая зыбкой и расплывчатой грань между «плохо» и «хорошо», «достойно» и «недостойно» в том нешироком слое, который должен бы в лучших традициях российской интеллигенции жить скромно, но честно и этим гордиться, представляется наиболее негативным приложением практики везунства.

ПО ВОДЕ ХОДИТЬ, ДА НЕ ЗАМОЧИТЬСЯ

Почти повсеместно в нашей стране существуют две торговли и две сферы обслуживания: одна — общедоступная, открытая, другая — для «своих» людей. По данным социологических исследований, за товары и услуги переплачивает 83 процента населения. (В том или ином виде: имеет своего «мясника», «своего» парикмахера, блат в «обуви» и т. д.).

В сфере обслуживания нет такой услуги, за которую нельзя было бы переплатить: оплачивается со спекулятивной надбавкой «особое» внимание к себе (по существу, добросовестное выполнение работником своих обязанностей) — чтоб парикмахер постриг, и на улицу выйти было не стыдно; чтоб кран не потек сразу по уходу слесарей и т. д., и т. д.; так же оценивается и оказание незаконной услуги — постановка на квартирную очередь в обход существующих правил; продажа места на закрытом кладбище и т. п. Спекуляция на горе встречается в последнее время наиболее часто: кладбища стойко удерживают первое место по вымогательствам и поборам (далее последовательно идут: таксисты, санитары, телемастера, парикмахеры, работники автосервиса, швейцары и врачи), там же зафиксирована и самая высокая разовая сумма побора — 3 тысячи рублей (для сравнения: наименьшая сумма побора, после которой наступило уголовное дело, составила 60 копеек; обвиняемым был таксист). Часть переплат в торговле приходится на промышленный дефицит, который есть во всех группах товаров (мебель, бытовая техника и т. д.). Есть такие, преимущественно малые, города, где любая мало-мальски приличная вещь вообще не доходит до прилавка. Этим объясняется массовое паломничество «в Москву, за покупками», не-привередливость периферийного жителя, не-понятная москвичам: «Ну, приезжие! На что только не бросаются!»

Но самым ходовым товаром в целом по стране являются продукты питания: так, по ориентировочным данным, население ежегодно переплачивает при покупке колбасы полтора миллиарда рублей. По отношению к ряду местностей с низким уровнем снабжения можно говорить о наличии у торговых работников постоянного рынка сбыта через постоянную клиентуру основной массы ограниченных продовольственных поступлений, оставшейся после того, как в подсобке отоварились все законно привилегированные местные лица, родственники и «нужные люди» продавцов: «Портфель заказов» обычно бывает сформирован надолго вперед: будущие поступления (например, мясо и масло по государственным ценам, шоколадные конфеты, сыр и т. п.) распределены заранее: такая система, например, типична для большинства городов и весей средней полосы России.

Но утечка продовольствия имеет место и в более благополучных регионах страны, по некоторым видам продуктов — в массовых масштабах. Особо наглядным становится этот факт в случаях резкого повышения цен на ту или иную продукцию. Когда исчезает возможность ее продажи по спекулятивным ценам, вчерашний дефицит в огромных количествах появляется на прилавках (последний из примеров такого рода — радостное изобилие копченой колбасы: оно особенно пикантно, так как объем ее поступлений в торговую сеть после подорожания не увеличивался).

Кроме добровольного черного рынка, покупатель, уже помимо своей воли, включен и в его замаскированные формы. К ним относятся: классический обсчет, обмер и обвес покупателя; всевозможные технологические операции с продуктом — нарушение правил хранения для повышения веса товара, например, в подвалах рядом с мешками сахара ставятся ведра с водой, мясо и масло продаются замороженными; пересортица; различные «добавки» в сметану — кефир с творогом, в черную икру — собственноручно смолотой селедки и т. п.

В среде самих продавцов мнение, что честно в торговле не проживешь, считается аксиомой: надувательство и обман покупателя предполагается как бесспорная данность, что закрепилось в существующей в подавляющем большинстве продуктовых магазинов системе «подкормки» по цепочке: продавец — зав. отделом — директор —

база. При этой системе люди, элементарно честные или просто не умеющие мошенничать, естественным путем выживаются из торговли (если не платишь директору, директор не «везет» на базу; нет товара — нет плана; зарплата в таком случае составляет от 80 до 100 рублей, и половину ее будешь отдавать на те или иные вычеты, которых в действительности на каждого продавца приходится немало — больший, чем положено по норме, процент усушки-утруски; ошибки не в свою пользу, «небольшая» — килограммов 50 с тонны — недостача в привезенном с базы товаре и т. д., платить за все это приходится из своего кармана, что дается безболезненно только при «левых» доходах).

При этом не всегда удается отделить корыстные преступления от «теневой» экономики в торговле, когда передача сумм от рядовых продавцов до торгового начальства считается «нормальной» чертой «нормально» функционирующего процесса реализации товаров. Пример: недавно был возвращен на доследование ряд уголовных дел из шлейфа большого московско-торгового («трегубовского») дела. Причина? Некоторым подследственным удалось убедительно описать картину в торговле, при которой они «не корысти ради, а токмо волею» господствующих здесь порядков шли на нарушение правил торговли, финансовые злоупотребления.

Тем не менее деятельность на черном рынке в целом приносит недурные результаты: расходы торговых работников в целом по стране на 60 процентов превышают их официальные доходы; по данным одной из республик, работникам торговли и сферы обслуживания принадлежит около 70 процентов машин иностранных марок («рено», «понтрак», «мерседес», «вольво» и т. п.).

Они же являются самыми активными участниками «серого» рынка: трогательная дружба, основанная на полном взаимном «соответствовании» товарами и услугами, связывает как отдельных людей, так и целые коллективы: «Сапожок» с «Океаном», «Антиквар» с автосервисом. Эти связи образуют чрезвычайно прочную «блатную» сеть, надежно защищающую ее обитателей от проблем и сложностей жизни.

«Дружба» целых коллективов, обладающих тем или иным дефицитом, — характерная черта сдвинутого «серого» рынка. Еще недавно от такой «дружбы» чувствительно страдали актеры лучших московских театров: на премьерах самые выигрышные сцены, остроумные реплики, шутки с двойным подтекстом вызвали неадекватную реакцию зала потому, что лучшие билеты на лучшие спектакли получали работники лучших московских магазинов и других торговых предприятий, а работники театров получали пищу материальную — дефицит по государственному ценнику.

«Социализация» — еще одна современная особенность «серого» рынка: средством расплаты за дефицит все чаще становятся блага, удовлетворяющие социальные или духовные потребности. Учителя, например, могут оказывать повышенное внимание детям торговых работников, давать им дополнительные уроки на дому (наверное, именно этим объясняется высокий процент медалистов среди этой категории учащихся), обладатели товарного дефицита «дружат» с медиками, адвокатами, преподавателями вузов и т. д. Оказание «серых» услуг может приводить в противоречие с законом (например, протекционизм при поступлении в вузы) или с теми или иными из установленных правил (помещение в «спецбольницу»).

«Серый» рынок чреват скрытыми опасностями и подводными рифами. Дело в том, что односторонних — «вы нам дайте, а мы вам шипс» — услуг на «сером» рынке, как правило, не бывает. Поэтому безобидная услуга может привести к непредвиденным последствиям и даже стать основой коррумпированности. Так происходит, например, когда те или иные организации того уровня, когда привилегий в снабжении еще не положено, но уже хочется, идут на контакт с торговлей и организуют незаконные спецраспределители. В таких случаях попытки, скажем, горкома или исполкома отреагировать на жалобы трудящихся и наладить бесперебойное снабжение с легкостью парируются работниками торговли: «Откуда ж чему взяться, если мы все вам отдаем!» — контакт служит удобным прикрытием собственных махинаций с продуктами, а часть втянутых в него ответственных невольно располагается в конечном счете к покровительству.

И все-таки наиболее неприятным и отталкивающим представляется не вещное оформление принципа «ты — мне, я — тебе» в действительности, а перенесение его в морально-психологическую сферу — как стимула, установки поведения (в виде бездуховности, все больше тяготящей современного человека).

Здесь мы уже затронули тему и «розового» рынка. Под ним следует понимать приоритетные условия снабжения тех или иных категорий населения, тех или иных регионов. Это и система заказов на крупных предприятиях, и система спец-

распределителей для номенклатурного круга работников, и неравномерность распределения потребительских ресурсов по регионам. Проблема состоит не только в том, что существование подобных «розовых» рынков (оправдываемых необходимостью в условиях дефицита обеспечить максимум отдачи от ведущих групп работников или отраслей) создает предпосылки для утечки дефицитных товаров на черный рынок. А в том, что их существование, дающее право определенным группам на обладание дефицитными высококачественными товарами, создает прецедент. И для необоснованного расширения специстем распределения (сошлемся на пример Казахстана, где до 30 процентов мяса и мясоспродуктов уходило в незаконно созданные распределители). И для лиц, близких к дефициту по роду занятий. Кроме того, множественность официально существующих рынков приводит к тому, что относительно менее обеспеченные слои «оттираются» на «коммерческие» рынки (колхозный рынок, коопторговля), в то время как относительно обеспеченные через систему спецзаказов имеют возможность покупать продукты по государственным низким ценам.

«НЕСУНЫ» И «НЕСУШКИ»

Написано о них чрезвычайно много — и что несут, и откуда несут: всплыл и описан даже город, жители которого почти целиком жили на доходы от унесенного, — Мичуринск.

Такие массовые, «скопом», действия несунув хороши тем, что их невозможно не заметить, а следовательно — и не сократить. Куда опасней скромный, не зарывающийся несун, который несет постоянно, но понемногу, и реализует исключительно среди надежной клиентуры. Борются с несунунами труднее, чем с другими каналами черного рынка, так как они наиболее удобны и выгодны для покупателя: все несомое ими — наилучшего качества (например, индийский чай, так как отсыплют его несунуны из «чистого» бункера; мясо — лучше рыночного и т. д.), то есть несун работает на покупателя, как на родного. Поскольку он отмеряет на глазок — стремится отмерить побольше и, как правило, перевешивает; цены устанавливает на уровне государственных, а то и ниже...

Вред от каждого конкретного несунуна вроде бы и небольшой, но это только видимость. Несмотря на формальное ужесточение мер, количество несунунов не сократилось: по ряду предприятий пищевой промышленности по-прежнему задерживается при контрольных проверках каждый третий работник. В массе они — большая сила, глубокий и хорошо отлаженный канал черного рынка. Механик кондитерской фабрики «Калев» (Таллин) Исак был задержан с полчищем при мелком хищении; при обыске у него нашли наворованных ценностей (в виде коньяка, спирта, жевательной резинки, шоколада и т. п.) на сумму по розничным ценам в 100 тысяч рублей.

Судебная практика показывает, что крупное «несунство» «всплывает» за воротами предприятий в других преступлениях — спекуляции, подпольной производственной деятельности. Так было, например, в деле с хищениями обтирочных концов, на которых оседала золотая краска с кистей на Дулевском фарфоровом заводе (золото шло на изготовление коллекционных монет «царской чеканки»). Но надо ли дожидаться, пока несунуны проявят себя на более жестко наказуемом уголовном поприсе? Видимо, нет.

Как быть? Высказывается такое предложение — привлекать несуну по совокупности его деяний за достаточно длительный период времени. Тогда из мелкого расхитителя он превратится в крупного со всеми вытекающими отсюда последствиями по ужесточению наказания. Но чтобы добиться «укрупнения» несунуна, надо, видимо, действовать методами сыска и включенного наблюдения. Но не приставишь же к каждому потенциальному несуну милиционера...

Однако практика «торговых дел» (с наказаниями вплоть до исключительной меры) показывает, что резкого улучшения ситуации в торговле не произошло (напомним о публикациях о положении в торговле в Ростове-на-Дону после нашествия «ростовского дела»). Стало быть, надо докапываться до первопричины.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Черный рынок ведет к многообразным негативным последствиям в самых разных сферах: экономической, социальной, нравственной. Понятно поэтому, что перестройка должна иметь в качестве одного из своих результатов исчезновение этого явления из нашей жизни.

Как это сделать? Прежде всего не специальными мерами по «пресечению» и «ужесточению»... При всей важности активизации мер правового и морального воздействия кардинально решить проблемы черного рынка можно только путем ликвидации его объективных, заложенных в действующую экономическую систему причин. Поэтому конкретные способы ее решения совпадают с радикальной перестройкой хозяйственного

механизма, которая и происходит сейчас у нас в стране.

Одним из существенных направлений реформы является полноценное насыщение рынка на основе расширения производства товаров и услуг для населения, резкого повышения их качества, ориентации на потребителя. Отрасли потребительского комплекса должны быть реформированы в первоочередном порядке. Первые шаги подобной перестройки уже сделаны в сельском хозяйстве, легкой промышленности, торговле, бытовом обслуживании. Но о заметных сдвигах говорить пока не приходится. Значит, нужны дополнительные меры, связанные с ограничением административных методов контроля предприятий данной сферы, с переходом к оптовой торговле средствами производства, с ликвидацией элементов монополизма.

Ликвидации монопольного положения производителей и усилению воздействия потребителей на формирование производственных программ, объем, качество и ассортимент выпускаемой продукции должно способствовать также развитие индивидуальной трудовой деятельности и новых форм кооперации — в бытовом обслуживании населения, в общественном питании, в производстве товаров из отходов крупного производства. Эти виды деятельности должны получить развитие не потому, что они «затыкают дыры», до которых не доходят руки у государственных предприятий и организаций, а прежде всего потому, что они являются формой организации труда и производства, весьма эффективной в ряде отраслей производства товаров народного потребления и оказания услуг. Они должны быть реальным конкурентом государственных предприятий в обеспечении потребностей населения.

Необходимо активизировать действие механизма ценообразования как для стимулирования выпуска товаров, в наибольшей степени отвечающих запросам населения, так и для применения экономических санкций за выпуск товаров, этим потребностям не отвечающих. Чтобы решить эти задачи, необходима комплексная реформа розничных цен. Так вопрос был поставлен на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Реформа розничных цен будет способствовать устранению черного рынка, поскольку в ходе ее осуществления должна установиться устойчивая связь между денежными доходами, спросом населения и их потребительским эквивалентом. А это значит, что подрываются экономические основы спекуляции, ослабляется такой мотив хищений и несунства, как отсутствие в продаже тех или иных товаров, ликвидируется множественность потребительских рынков, создающая возможности для махинаций с дефицитом.

Действенным средством преодоления черного рынка в сфере традиционно бесплатных и льготных услуг способно стать изменение порядка их финансирования. В частности, заслуживают внимания предложения о расширении платности за предоставление этих услуг сверх среднего социального стандарта. Думается, что может быть изменен и финансовый механизм функционирования этих отраслей. Они могут быть переведены полностью на самофинансирование и самоокупаемость. Но это не значит, что для потребителей услуг, скажем, здравоохранения, они должны стать платными. Счет, выписанный больному, должен оплачиваться органами государственного социального страхования, профсоюзами, предприятиями. «За бортом» могут оказаться лишь тунеядцы. Одновременно зарплата занятых в отраслях «бесплатного» обслуживания сможет напрямую быть увязанной с объемом и качеством выполненной работы, стать легально высокой (такой, например, как в работающем на подряде МНТК «Микрохирургия глаза», руководимом С. Н. Федоровым).

Стоит рассмотреть вопрос об устранении множественных официально существующих потребительских рынков, в частности спецраспределителей. Отмену натуральных привилегий «номенклатурному кругу» работников следует компенсировать соответствующим повышением оплаты, разумеется, увязав его с реально выполняемыми работниками управленческих органов функциями. Эффективным способом преодоления «несунства» представляется действительно, а не существующее только на словах участие рабочих в управлении хозяйственной деятельностью предприятий — «чувство» хозяина не может появиться, сколько бы к нему ни призывали, вне реального жизненного контекста.

Главное во всех этих и других подобных мерах одно — «легализация» экономических методов хозяйствования, позволяющая устранить явление «теневой» экономики, одним из проявлений которой и является потребительский черный рынок.

Наталья ШКАРОВСКАЯ

Весной и летом 1986 года на территории Инского дома-интерната для престарелых в Кемеровской области наблюдалось необычное оживление. Одна за другой приезжали комиссии — из Москвы, из областного комитета КПСС, из облисполкома, горкома, райкома, поселкома, шли письма, звонили телефоны, снимало телевидение. Все хлопоты были связаны с именем проживающего здесь Ивана Егоровича Селиванова, ветерана труда, художника-любителя, о чьей творческой судьбе поведала тогда одна из центральных газет.

Солнце славы не часто освещает самобытных художников из народа. Чаще всего устраивают их выставки, реже их картины приобретают музеи, еще реже открывают мемориалы, почти никогда им при жизни не обустривают быт.

Его имя стало появляться на выставках лет двадцать пять назад. Привлекли внимание портреты, скромные бытовые сценки, исполненные с какой-то детской непосредственностью взрослого человека, как бы вновь увидевшего красоту окружающего мира. Изображенные спокойно и с достоинством взирали на зрителя — и жена Селиванова, и он сам, и девочка-подросток, и железнодорожник, и собака с человеческой тоской в глазах. На некоторых листах были полустертые надписи: «учебная работа № ... за 195... год». Природный талант Селиванова открывал зрителям и «Девочку с курами», и самих кур с петухами, и «Льва в лесу», и «Стадо».

Иван Егорович Селиванов родился в 1907 году в Шенкурском уезде Архангельской губернии в крестьянской семье. По воспоминаниям Ивана Егоровича, среди лесов на всхолмленных равнинах сеяли мало. Большая родительская семья не сводила концы с концами. Бедствовали. После смерти отца даже нищенствовали. Суровые зимы и короткие лета заставляли жить в единении с природой, а это определяло отношение к земле, к труду на ней, к человеку, к животным, в конечном итоге — ко всему мирозданию. Многие от народного мировоззрения и его нравственных основ сохранил Селиванов, покинув деревню совсем молодым в 1925 году. Хотел повидать белый свет, большие города, приобрести профессию. Иван Егорович начал разнорабочим на стройках в Архангельске, Онеге, на Урале, в Мурманске, в Орле выучился на печника. В 1936 году в Запорожье встретил свою Вареньку, как все сорок лет, вплоть до ее смерти, называл жену. После женитьбы стали жить в Ленинграде. Но началась война. И когда эшелон эвакуированных прибыл в Кемеровскую область, на станции около города Прокопьевска решили остаться. Потом перебрались в город, приобрели дом, работали. Иван Егорович и слесарил, и штукатурил, плотничал, работал в кузне, ну, а печником был отменным. О художестве и не помышлял.

Как многие самодеятельные художники, Селиванов пришел к творчеству неожиданно. И первое потрясение было, так сказать, не артистическим. Увидел Иван Егорович в витрине магазина картину. Его настолько поразил цена, что он, как человек практически, решил сам написать что-то подобное. Но, конечно, не справился, умения не было. Прочитал в газете, что Заочный народный университет искусств (ЗНУИ) в Москве объявляет ежегодный прием. Поступил туда. Учился, как и все, по переписке, сначала у педагога-методиста Веры Федоровны Лузан, потом у Юрия Григорьевича Аксенова. И хотя официальные отношения с учебным заведением давно закончились, Селиванов почти четыре десятка лет шлет туда свои работы. Он послал Аксенову огромное количество притч и дневниковых записей, называя их «описанием для развития личной мозговой системы». Это уди-

ЭТО ОЖИВЛЕНИЕ ПРИНЕСЛИ К ПОДРОБНОМУ ИЗУЧЕНИЮ

И. Е. СЕЛИВАНОВ. РОД. 1907. АВТОПОРТРЕТ. 1986.

МОЯ РОДИНА,
МОЙ ДОМ. 1980.

вительные по обнаженности чувства и «корявые» по языку заветные мысли Селиванова о жизни, о труде, об искусстве. Вот некоторые из них:

«Я только что окунулся из деревни в большой губернский город в поисках счастья. Счастье, где ты есть? Почему ко мне не подходишь? Иль ты боишься меня?»

«Важное качество — это красота труда. Конечно, вся наша жизнь зависит от труда. Но самое важное качество: красота труда — это указатель-маяк к прекрасной жизни человечества. Но нудность и жадность людская сковали душевность людей, и они ползают, как черви».

«Сила ты, сила, духовная сила, но нет сильней тебя, богатыря».

«Я очень люблю животных. Кого хочешь по памяти могу нарисовать. Природа дарит нам настроение, ощущение красоты. Без этого никакого художника быть не может».

Внимательные и терпеливые педагоги ЗНУИ вели Селиванова не только к ощущению, но и постижению красоты. В ответ могли получить довольно ершистые «откровения» своего ученика: «Ваша грамота (художественная. — Н. Ш.) отскакивает от меня, как от стенки горох». И все же, как ни хорохорился Иван Егорович, отстаивая свои принципы, он узнавал от учителей законы искусства в рисунке и живописи. Отрицал перспективу, но учился объему, твердой графической линии, мазку.

Сосуществующее в сознании Селиванова крестьянское и современное, городское мировосприятие наи-

СОБАКА. 1957.

более проявилось в изображении людей и животных. Имея «притяжение любви к природе», Селиванов писал животных, которых любит и жалеет. А вот натюрморты и пейзажи, наиболее почитаемые самодеятельными художниками жанры, он не писал. Неинтересны ему и бытовые сцены. Почти никогда в рисунках не вспоминал Селиванов свою деревню, ни родных, с которыми расстался еще в молодости. Зато всегда любил присматриваться к открыткам, альбомам, книгам, кадрам кинофильмов. После просмотров рисовал Павку Корчагина, Анну Каренину, Спартака, Даню, индийских красавиц. Каждый портрет подписан: «Смотрел 24 сеанса». Это желание художника остановить миг кинокадра, зафиксировать понравившийся, но ускользающий образ близко народному пониманию категории вечности — увековечиванию сущего и своего в нем мгновения.

В лучших работах Селиванова — а это в основном портреты — проявился дар живого схватывания натуры (за двадцать лет он сделал сорок портретов жены). Ему присуще органическое ощущение объемности и весомости предметного мира. Намеченные образы по отточенности линий напоминают традиционные резные барельефы народных мастеров, хотя с декоративным бытовым крестьянским творчеством Селиванов не был связан. Особенно уда-

Продолжение на вкл. 3.

**Борис
ЧИЧИБАДИН**

ДЕБЮТ В «ОГОНЬКЕ»

1.

2.

Харьков

1917 • 1987

АКТИВНЫЙ БОРЕЦ ЗА ПОБЕДУ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, СТОЙКИЙ БОЛЬШЕВИК, КРУПНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ЯН ЭРНЕСТОВИЧ РУДЗУТАК ПРОЖИЛ КОРОТКУЮ ЖИЗНЬ. НО ОН УСПЕЛ МНОГОЕ СДЕЛАТЬ ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ И УПРОЧЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА, ОСТАВИТЬ ДОБРУЮ ПАМЯТЬ В ПАРТИИ И НАРОДЕ.

ЯН

Игорь ДОНКОВ, Александр НИКОНОВ

По личному свидетельству председателя военного суда генерала Бернацкого, арестованных избивали ногами, резиновыми палками. Все 22 арестованных социал-демократов, доставленные в виндавскую тюрьму, имели, по заключению врача, «значительные следы побоев». Заключение молчали.

Уездная тюрьма в Митаве славилась тяжелыми условиями. Именно туда было решено отправить двадцатилетнего Яна Рудзутака. Юноша находился в руках так называемой добровольной дворянской полиции, помогавшей властям бороться с революционерами. Если суд хоть как-то пытался обосновывать обвинения, то добровольная полиция не нуждалась даже в видимости законности. Ее правило — убийство «при попытке к бегству». Предводитель отряда, начальник уездной виндавской полиции барон Ропп предварительного отправил Яна в «дом пыток», который находился в лесничестве его имения...

Так враги революции собственноручно формировали характер профессионального революционера, представителя блестящей плеяды ленинцев Яна Эрнестовича Рудзутака. Годы жизни: 1887—1938...

Ян родился в семье латышского батрака. Был пастухом у богатого хуторянина. Две зимы ходил в приходскую школу. Шестнадцатилетний Ян после первых же столкновений с хозяином бросил работу и уехал — без паспорта и денег, вопреки желанию отца.

Рига встретила молодого бунтаря неприветливо — ни работы, ни знакомых. Скитания по улицам города, случайные заработки: мостил улицы, помогал садовнику, был грузчиком в театре... Жил нелегко, но стремился учиться — так проявлялось главное свойство одаренной натуры. Через всю жизнь Ян Эрнестович пронес любовь к театру, искусству, с которым впервые встретился не с парадной стороны, а с черного хода, за кулисами, где таскал ящики с реквизитом, устанавливал декорации.

День, когда Ян поступил на завод «Отто Эрбе», во многом определил его судьбу. Весной 1905 года большевики наладили работу типографии с латышским шрифтом, провели первую открытую кампанию по организации профсоюзов. Во всех этих событиях участие принимал и Ян Рудзутак, молодой агитатор. Он учился выступать, спорил, распространял листовки. В сложный период идейных размежеваний Ян осознанно и твердо шел за ленинцами. А тот период в истории нашей партии был очень сложным. Отступление революции, правительственный террор... Принадлежность к большевикам грозила не просто тюрьмой — смертью...

В январе 1907 года по заданию ЦК Социал-демократии Латышского края Ян Рудзутак восстановил разгромленную жандармами Виндавскую партийную организацию и возглавил ее. Полиции никак не удавалось арестовать ни активного Либиха, ни тайношественного Пумпура: под этими именами скрывался Ян Рудзутак! Хотя, быть может, шпики не раз встречали на улицах Виндавы молодого человека в форме курсанта Рижского мореход-

ного училища. Не знала полиция и того, что под видом торговых грузов для Кронберга и Рассы в город прибывали тюки с оружием и нелегальной литературой, а в конвертах с пометкой «Е.В.П.» под видом запросов о кассовых отчетах приходили зашифрованные указания ЦК СДЛК.

Конечно, нельзя готовить революцию, оставаясь невидимкой для рабочих масс. Жизнь революционера — риск. Ян, прекрасный конспиратор, постоянно рисковал. На его след жандармов вывел провокатор. Операцию по поимке «опаснейшего политического преступника», как называли Рудзутака, возглавил генерал Астафьев.

Мастерство конспиратора не дало следователям улик. Несовершеннолетие подсудимого сократило срок: 10 лет каторги. Яна из Рижского центра перевели в Бутырскую тюрьму, где его встретили фразой: «Живыми из Бутырок не выходят»...

Но он вышел — после десяти лет одиночной камеры: освободила Февральская революция. В Бутырской «одиночке» Ян изучил три иностранных языка. Истосковавшийся по практической деятельности, он сразу же после выхода из тюрьмы получает первое партийное задание — проводить работу среди текстильщиков Москвы. Напряженной жизнью живет он эти восемь месяцев до Октября. Активная работа в Московском Совете рабочих депутатов, во Всероссийском центральном совете союза текстильщиков, который он возглавлял, частые выступления и беседы на фабриках — на сон отводится лишь три-четыре часа в сутки... Еще в сентябре 1917 года на Всероссийской конференции профсоюза текстильщиков он говорил: «Мы погибнем, если не примем решительных мер против буржуазии. Нам нужен, как воздух, свой, рабочий, контролирующий аппарат! Но буржуазия не отдаст без боя свои позиции. Теперь начинается борьба не на жизнь, а на смерть с классом имущих!»

Октябрь 1917 года. Ян стал одним из активных борцов за победу революции в Москве. Вскоре его деятельность обрела государственные масштабы. В первые годы молодого Советского государства Ян Эрнестович работал председателем Московского совнархоза, был членом Президиума ВСНХ, председателем Центротекстиля, генеральным секретарем ВЦСПС, возглавлял Главное управление водного транспорта.

Первая встреча с В. И. Лениным произошла 23 мая 1918 года в Кремле на заседании президиума ВСНХ. У них установились самые теплые деловые отношения. Более пяти лет Ян Эрнестович работал под непосредственным руководством Владимира Ильича Ленина, получал от него указания, советы, учился решать государственные вопросы. Владимир Ильич не раз советовался с Рудзутаком, обменивался с ним записками, письмами и, конечно, связывался по телефону, вызывал в Кремль, направлял срочные бумаги с пометками: «т. Рудзутак (от Ленина)». «Рудзутак», «Рудзутак: что сделали?»; а на некоторых надпись: «Лично. Секретно. т. Рудзутак (от Ленина)». К сожалению, многие из писем не найдены. Ленин спрашивал при решении важных вопросов: «Говорили с Рудзутаком?». Запрашивал секретарей: «Прошу Рудзутака шифром сообщить мне подробности», «Нельзя ускорить приезд Рудзутака?». На ответах Яна Эрнестовича. Ленин обычно писал «От

Рудзутака» и оставлял их среди самых неотложных бумаг.

Как в калейдоскопе, менялось служебное положение Я. Рудзутака, чаще всего он работал сразу на нескольких постах. Владимир Ильич беспредельно верил ему, видел в нем единомышленника, стойкого революционера и многоопытного хозяйственника. Ленин доверительно поручал Яну Эрнестовичу многие важные задания, в том числе оперативного характера, когда требовались организованность, умение увлечь, личная самоотверженность. В мае 1919 года председатель Главвода Я. Рудзутак едет с мандатом Ленина в Астрахань, чтобы наладить там вывоз необходимых грузов, в том числе караванов с хлебом.

Ленинская школа! Доверие Владимира Ильича — лучшее подспорье для Я. Рудзутака. А сложных вопросов было немало — и на профсоюзной работе, и в аппарате ВСНХ, и на Генуэзской конференции, и на работе в Средней Азии, и тогда, когда Ян Рудзутак был секретарем ЦК РКП(б).

Повседневная работа требовала нечеловеческого напряжения. Все чаще давали себя знать последствия отсидок в камерах царских тюрем, и «вечные» раны от кандалов, и чрезмерные физические перегрузки первых будней Советской власти. Серьезное лечение, длительный отдых — нет, Ян Эрнестович считал это непозволительной роскошью. Не щадил ни сил, ни здоровья. Только личное вмешательство Владимира Ильича позволило врачам отправить Я. Рудзутака за границу на лечение. Двенадцатитомная «биохроника» В. И. Ленина вобрала в себя десятки напоминаний, строгих предупреждений о необходи-

мости срочного лечения: «Настаиваю абсолютно...» — писал Владимир Ильич.

Они часто встречались. Очевидно, испытывали большое личное удовлетворение от встреч. В часы редкого отдыха тянулись друг к другу. А любимым из всех видов отдыха была охота! Наблюдательный и внимательный, Ян Эрнестович оставил об этих встречах задушевные воспоминания. Вот эпизод, поведенный Я. Рудзутак после одной вылазки на природу:

«Зимний вечер. Привал в крестьянской избе. Ильич упорно отказывается от стакана чаю, пока все присутствующие еще не получили своей порции. Его жестяная коробочка с сахаром переходит из рук в руки... Заведет беседу с хозяином избы об их житье-бытье, чем плохо, чем обижают органы и отдельные агенты власти, что нужно, по мнению крестьян, делать, чтобы устранить недостатки. Он умел не только учить, но и учиться. И часто, несмотря на зимнюю стужу, слушая беседы этого великого и в то же время такого простого и близкого человека, казалось, что сквозь бревенчатые стены избы, сквозь вековую тьму пробился сноп весеннего солнца и от человека к человеку потекли журчащие, бодрящие, весенние ручейки».

Владимир Ильич поддержал тезисы Я. Рудзутака о производственных задачах профсоюзов. В разгар дискуссии о профсоюзах В. И. Ленин в одной из речей заметил: «Последнее, что я хотел вам сказать и за что я вчера должен был себя обругать дураком, это то, что я проглядел тезисы т. Рудзутака... Вот это — платформа, она во сто раз лучше и того, что

РУДЗУТАК

написал т. Троцкий, много раз обдумав, и того, что написал т. Бухарин... совершенно не обдумав. Нам всем, цекистам, не работавшим многие годы в профдвижении, надо бы поучиться у т. Рудзутака...

Указывая на важность и новаторский дух тезисов Рудзутака, Владимир Ильич писал: «Гвоздем всей дискуссии 30 декабря я лично считаю оглашение тезисов Рудзутака... все деловое и существенное профсоюзами сказано, принято, решено, и притом еще до постановки вопроса в Цека». «Все деловое и деловое,— считал В. И. Ленин,— вошло в тезисы Рудзутака», в сравнении с другими у него все сказано «не только проще, понятнее, но и теоретически правильнее... вернее и полнее». Именно ЦК РКП, отмечал Владимир Ильич, надо хорошенько обругать... «за то, что он тезисы Рудзутака «проглядел», и из-за этой своей ошибки дал разрастись самой пустопорожней дискуссии»; ошибку надо исправлять. Ленин призвал членов партии «дружно работать на основании тезисов Рудзутака».

Вскоре после профсоюзной дискуссии Яна Эрнестовича избрали генеральным секретарем ВЦСПС.

В январе 1922 года Политбюро ЦК по предложению Ленина включило Я. Рудзутака в состав советской делегации на международную Генуэзскую конференцию. Решался вопрос об уплате довоенных царских долгов. Делегация была вооружена ленинскими указаниями. Случилось так, что нарком Г. В. Чичерин допустил отступление от полученных установок и дал Ллойд-Джорджу обещание, что при выполнении известных условий бывшим собственникам в России будет предоставлено право пользоваться предприятиями или получить вознаграждение за них. На месте, в Генуе, не удалось добиться единства взглядов, и Рудзук вынужден был обратиться к Владимиру Ильичу. «Считаю мнение Рудзутака, выраженное в его телеграмме от 22 апреля,— пишет В. И. Ленин в Политбюро ЦК,— вполне правильным». Под диктовку Ленина в Геную пошел ответ: «Не отступать от директив ЦК».

С той дипломатической миссией у Рудзутака были связаны и веселые моменты. Так, когда он поднялся на трибуну сессии ВЦИК, чтобы доложить об итогах конференции, сквозь раздавшиеся аплодисменты послышался шутиливый возглас: «Почему же без фрака, как положено дипломату?» Ян Эрнестович весело ответил: «Фрак все заложены в погашение военных долгов».

Большой вклад внес Я. Рудзук в дело укрепления советской государственности, дружбы народов нашей страны. Ряд лет его деятельность была тесно связана с республиками Средней Азии. Он выезжал туда в годы гражданской войны в качестве председателя Турккомиссии ВЦИК и Туркбюро РКП(б), затем возглавлял Средазбюро ЦК РКП(б).

Здесь в полной мере раскрылись лучшие качества «уравновешеннейшего», как его охарактеризовал Ленин, Яна Эрнестовича Рудзутака. Он предостерегал от чрезмерного увлечения национализацией, обобществлением, требовал учитывать местные особенности. В ноябре 1919 года в Ташкенте он подчеркивал в своем докладе, что «здесь, в Туркестане, мы должны подходить очень осторожно. Мы не можем превратить вчерашнего хозяина в коммуниста, мы должны действовать здесь не приказами, а убеждением, доказывая, что наш способ лучше».

В марте 1920 года Я. Рудзук назначили председателем Совнаркома Туркеспублики. «Тов. Рудзук самый желательный человек в этом отношении»,— подчеркивалось в реко-

мендации ТуркЦИКа. Под его руководством были выработаны меры по возвращению земель трудовым дехканам; разработаны декреты, сыгравшие важную роль в привлечении трудовых масс коренного населения на сторону Советской власти и укрепления союза рабочего класса с дехканством.

25 июня 1921 года Политбюро вызвало Яна Рудзутака в Москву для информации о проделанной работе. Однако серьезная болезнь задержала выезд. Ленин настаивал на лечении на месте. Но дела не ждали. И 5 августа Владимир Ильич запросил Дзержинского: «Мне сообщили, что Рудзук приезжает к 15—VIII, надо бы ускорить его проезд».

В 1922—1924 годах Ян Эрнестович являлся председателем Средазбюро ЦК РКП(б). Приступив к новой работе, Я. Рудзук нередко встречался с Владимиром Ильичем. Так, 23 сентября 1922 года он два с половиной часа беседовал с выздоравливающим вождем. Рекомендации, ленинские мысли легли в основу доклада на VII конференции Компартии Туркестана.

XII съезд РКП(б) (1923 г.) избрал верного ленинца Яна Рудзутака секретарем ЦК РКП(б) с оставлением его на работе в Средней Азии.

В осуществлении национально-государственного размежевания, в решении национального вопроса в Средней Азии Ян Эрнестович видел великие перспективы. Результаты деятельности комиссии Средазбюро ЦК РКП(б) были изложены в проекте постановления Политбюро ЦК РКП(б), а 12 июня 1924 года Политбюро приняло решение о национально-государственном размежевании республик Средней Азии.

...Смерть Ленина потрясла Яна Эрнестовича. Вместе с другими самыми близкими соратниками Ильича он внес гроб с телом вождя в Мавзолей, тогда еще деревянный. Выступая в траурные дни на одном из митингов, взволнованно говорил:

— Великий человек, любимый вождем, могучий и непримиримый в ненависти к классовым врагам, не знающий отступлений. Гениальная ясность мысли, ясность задач, которые он ставил перед партией, гениальная простота формулировок и железная твердость в проведении намеченной линии отличали Ильича. Его никто не заменит...

В октябре 1924 года Ян Эрнестович стал наркомом путей сообщения. За шесть лет работы он многое сделал для развития советского транспортного хозяйства, модернизации его парка. Он лично испытывал первый отечественный тепловоз! Одновременно занимался водным транспортом, постройкой морских и речных судов, шоссейными дорогами... Я. Рудзук деятельно участвовал в выработке экономической политики Советского государства, в решении ее конкретных проблем. Вплоть до 1937 года он был заместителем председателя Совнаркома, тогда и проявил себя крупнейшим экономистом. Он возглавлял правительственную комиссию по организации долгосрочного финансирования промышленности, Комитет по химизации народного хозяйства СССР при СНК; уделял огромное внимание укреплению связей науки с практикой социалистического строительства.

Я. Рудзук отвечал тем, кто требовал проводить индустриализацию за счет крестьянства: «Мы считаем, что те технические материальные средства и та организованность рабочего класса, которую мы имеем в настоящий момент, являются достаточными, чтобы на основании этих элементов строить и построить социалистическое общество в нашем государстве...» В 1929 году Я. Рудзук ставил вопрос о том, чтобы «в возможно короткий

срок удовлетворить потребительские нужды широких масс населения». Эту задачу он рассматривал как стратегическую. Таким образом, Ян Эрнестович привлекал внимание современников к фактору, который мы сейчас называем «человеческим фактором».

Ряд лет Ян Эрнестович работал председателем Центральной контрольной комиссии ВКП(б), а также наркомом рабоче-крестьянской инспекции СССР. Высокообразованный, принципиальный человек высокого революционного долга, он зарекомендовал себя на этом посту стойким борцом за генеральный курс партии. И непримиримым врагом всех противников ленинизма.

Являясь по своей натуре, как принято сейчас говорить, человеком дела, Я. Рудзук за текущими заботами умел видеть перспективы развития страны, всегда поддерживал все передовое.

Я. Рудзук решительно боролся за внедрение в практику хозяйственной работы ленинского стиля: «Главная наша задача заключается не столько в том, чтобы изобличать, сколько в том, чтобы предупредить ошибку, помочь выправить дело. Это основное. Ценить и судить о нашей работе мы должны по тем результатам, которые мы получаем на фабриках, заводах, железных дорогах, совхозах и колхозах. Иначе мы будем болтунами, а не бойцами-коммунистами». Актуально звучат эти слова и сегодня!

XVII партсъезд избрал Я. Э. Рудзутака кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Сдержанный на слова и эмоции, на вид даже сумрачный, он любил и глубоко понимал людей, искусство. Как-то А. В. Луначарский в шутку заметил: «Ты, Ян, хлеб у меня отбиваешь». Ян Эрнестович любил бывать в театрах: Малом, театре Революций, бывшем Корша и других. Не пропустил интересных симфонических концертов. Коллекционировал грамзаписи, за которыми к нему нередко обращались из радиокомитета с просьбами предоставить их для передачи в эфир. Частыми гостями у него дома бывали В. Качалов, И. Москвин, М. Блюменталь-Тамарина. Он высоко ценил творчество И. Козловского, С. Лемешева, М. Рейзена, В. Барсовой. Хорошо знал живопись, дружил со многими художниками: В. Мешковым, П. Шухминим и другими. Страстно увлекался кино, по совместительству был еще и председателем Госкинокомитета, а В. Пудовкин и С. Эйзенштейн находили у него настоящий талант кинематографиста.

Жизнь Яна Эрнестовича трагически оборвалась в самом расцвете его творческих сил. Ему было всего 50 лет... Произошло все внешне неожиданно и коварно, 24 мая 1937 года газеты опубликовали приветственную телеграмму руководителей партии и правительства покорителям Северного полюса. Ян Эрнестович обратил внимание, что среди подписавших телеграмму нет его фамилии! Но подпись его запрашивали... Неужели опять журналисты напутали? Никакой «ошибки» не было. В последнее время Я. Рудзук чуть ли не каждый день терял друзей и соратников — оклеветанных и отстраненных от работы, исключенных из партии. Он пытался вступить за одних, просил внимательно разобраться в «деле» других. Помогало мало. Вот и его черед... Предчувствие не обмануло. В тот же майский день Яна Эрнестовича арестовали на даче у Николиной Горы. Обвинение было шаблонное, дикое: «шпионаж в пользу Германии». Ни суда, ни следствия. Объяснений никто не требовал. Никаких очных ставок, тем более с руководителями партии, не было. А ведь он столько лет работал с ними рука

об руку... Более года, наполненных нравственными и физическими страданиями, «вины» своей не признавал. Все обвинения Ян Рудзук категорически отвергал. 29 июля 1938 года Ян Эрнестович был расстрелян.

Что произошло? Теперь мы многое узнали.

Сталин давно неприязненно относился к Яну Эрнестовичу,— то ли не мог простить ему близости с Лениным, то ли не верил в его личную преданность, а может быть, постоянно ощущал в нем противостоящую силу, видел конкурента, врага его, Сталина, действий и целей. Опасный человек! Ленин называл Рудзутака человеком «уравновешеннейшим», который «не умеет говорить громко, внушительно, красиво». Ленин всегда его поддерживал, к его мнению прислушивался, назначения предлагал ему самые ответственные... Сталин помнил возражения Яна Эрнестовича в связи с предложенной им, Сталиным, реорганизацией органов ЦКК — РКК вопреки ленинским советам. Понимал, что Рудзук, верный ученик Ленина, человек чистый и честный, принципиальный и на редкость последовательный в своих убеждениях и действиях, прошедший школу работы под руководством В. И. Ленина, для него, Сталина, ненадежен в той ситуации, которая сложилась в стране к середине 30-х годов... Не просто ненадежен, но и опасен... Рудзук — еще одна жертва Сталина, не терпевшего людей незаурядных, масштабных, самостоятельно мыслящих, авторитетных в народе. А главное, верных ленинскому стилю партийной жизни.

Парадокс — на фоне успехов социализма в стране насаждался дух доносов, сыска и поиска «вредителей». Сталин цинично объяснял проводившиеся репрессии необходимостью очищать партию и страну от «шпионов, убийц, вредителей», отчего якобы советский строй, несомненно, укрепитесь. «В 1937 году,— говорил он в марте 1939 года на XVIII съезде ВКП(б),— были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали Советской власти 98,6 процента всех участников голосования. В начале 1938 г. были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали Советской власти 99,4 процента всех участников голосования. Спрашивается, где же тут признаки «разложения» и почему это «разложение» не сказалось на результатах выборов?»

Такова сталинская арифметика. После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС взят курс на демократизацию жизни, на гласность. Отечественная история нуждается в устранении искажений, «белых пятен». Надо избавить историю от догм и схоластики, от канонизированных героев. Самое время повести прямой, откровенный разговор о делах партии, о трудном пути Советской страны, славное 70-летие которой мы скоро встретим.

Мы все родом из Октября. И важно, чтобы история работала на сегодняшний день, на созидание.

Ян Эрнестович Рудзук останется в памяти народа. Он обладал чертами, которые мы хотим видеть в руководителях и представителях нашего поколения.

Василий АФОНИН

РАССКАЗ

Рисунки
Виктора СКРЫЛЕВА

Мне не было еще и пятнадцати, когда старшего брата проводили на службу в армию. Брат попал во флот, и служить ему предстояло ровно четыре года. В память о нем осталось ружье, старая, обшарпанная, но ловкая, хорошего боя одностволка шестнадцатого калибра, с которой он охотился в тайге, скрадывал по осеням в перелесках молодых тетеревов, слетающих под вечер на кормежку в хлебные полосы, стрелял на Шегарке уток.

В тайгу брат отправлялся с кем-нибудь из опытных охотников, и охота почти всегда заканчивалась удачей. Однажды они с Ефимом Родионовичем Маляновым убили в последних днях марта большого медведя, рано поднявшегося из берлоги. Брат и один не оплошал бы в тайге, будь у него добрая собака, хотя собак держали мы все время. В деревнях собаки почти в каждом дворе, есть рослые, статные и довольно злые, не подпускающие к дому чужих, но редкая понимала охоту — брала след, держала зверя.

С этим ружьем иногда и я выходил за деревню. Ружейных припасов было мало, потому в кармане моем лежало всего три-четыре патрона. Осенняя охота на птиц нравилась мне больше, чем весенняя. Охоте я учился на молодых непуганых тетеревах в пору листопада, в пору уборки хлебов. Тетерева к сентябрю уже настолько подрастали, что взлетали из травы на кусты и деревья, а шорох падающих листьев глушил шаги.

Зимой тетерева осторожны, стоями сидят они на высоких березах, склевывая почки, обзор им кругом широкий, на выстрел не подпустят. А куропатку подстрелить зимой еще сложнее.

Молодые утки перед отлетом так спокойны, что можно подойти близко, не прячась. Весной же утка необычайно пуглива, за версту видит тебя, взлетает. И укрыться весной негде, и не подползти — сыро, грязь.

Порох брат от случая к случаю покупал, но дробь постоянно не хватало. Как-то привез он из города несколько тяжелых пластин свинца толщиной в карандаш. Эти пластины выравнивали мы на березовом чурбаке молотком, делая их тоньше, затем резали на узкие полоски, а полоски мелко рубили, чтобы из нарубленного сделать дробь. Сечку ссыпали на большую сковородку, кругообразными движениями начинали катать сечку, превращая ее в дробь.

Катать приходилось довольно долго. Дробь получалась неправильной формы, чаще всего клиновидная и разной величины, потому что разной величины были кусочки свинца. Накатав достаточно, принимались дробь сортировать. Отбирали сначала самую мелкую — «бекасник», затем среднюю — «утиную» и, наконец, крупную — «волчью картечь». По деревням в пору ту многие готовили дробь подобным образом. Кому лень было крутить сковородки, стреляли сечкой. Сечка летит враспыленную, на недалеком расстоянии, и мудро поразить такой дробью даже сидячую птицу.

Если не было фабричной дробы, не было свинца, некоторые рубили зубилом на дробь гвозди.

Стрелять гвоздевой дробью — портить ружье, гвоздевую дробь не обкатаешь сковородками, она царапает стволы, стволы быстро ржавеют, покрываются раковинами, и ружье можно выбрасывать. Взрослые гвозди не рубят, делают это обычно подростки, кому не жаль ружьем, доставшихся от отцов.

Свинец мы с братом гвоздями не заменяли, но сечкой мне приходилось стрелять. Как-то убил я влет, случайно, конечно, крякового селезня, что меня удивило и обрадовало одновременно. По дороге во Вдовино, на Косаринском болоте, задолго до того, как срезали по нему кочкорезом кочки, а следом распахали, засеяв многолетними травами, охотился я на болоте на уток.

Убить молодую утку осенью просто любому, но если тебе четырнадцать лет и ты застрелил весной пуганую не раз на перелете, чуткую птицу, то можешь гордиться.

Чтобы попасть в силосную яму, мне необходимо было свернуть с не подсохшей ничуть дороги на вспаханную перед заморозками и снегом полосу, раскисшую от полой воды так, что резиновые сапоги засасывало, срывая с ног. И как бы я ни пригибался, держа ружье в опущенной руке, прячась за высокие края развороченной ямы, утки всегда взлетали, слыша, замечая издали меня.

Стая поднималась, а я шагал уже в полный рост, прыгивал в яму, делал из кусков спекшегося силоса подобие скрадка, чтобы скрыть хотя бы голову и плечи, влезал в него и лежал часами, ожидая возвращения птиц, время от времени поглядывая в кочки. Если утки летели со стороны Шегарки, а чаще всего они оттуда и появлялись,

то, увидев меня в яме, резко поворачивали обратно. Но когда залетали со стороны болота самого, с дальнего конца его, шли низко над болотом, то я не видел был им, и утки садились напротив ямы, по краю, где воды было глубже, кочки — реже, и они свободно могли плавать, кормясь.

До воды было далековато, саженой тридцать, рубленый свинец рассеивался веером, едва вылетев из ствола, и мне редко случалось подстрелить утку, хотя стрелял я лежа, в спокойном состоянии, тщательно прицеливаясь. Так за двадцать с лишним дней охоты в апреле убил я трех уток на болоте и одну влет.

Пролежав один раз в яме до полудня, без добычи брел я домой. Остановившись у Косаринского омета очистить с сапог грязь, увидел я, как с левого берега стремительно и высоко шла надо мною пара кряковых — утка и селезень. Вскинув ружье, ударил я, как учил брат, чуть впереди носа красавца селезня. Утки пролетели мимо, огорченный, смотрел я им вслед. Вдруг селезень приотстал, косо пошел вниз и упал на левом берегу в озимые хлеба.

Вскрикнув радостно, заметался я по берегу, но что было делать? Лед недавно сошел, Шегарка была широка еще, вода холодна, моста поблизости никакого не было, лишь в деревне. Следовало возвращаться в деревню, а потом идти обратно на Косари, до деревни же четыре версты. Заметив, где примерно упал селезень, побежал я в Жирновку и снова из Жирновки, боясь, как бы селезень, если подранок, не взлетел, не затерялся в полосе или в кустах, как бы на него не наткнулась лисица. Селезень лежал в озимых.

ОХОТА

АЛОСЕИ

кусочек свинца пробил ему клюв подле головы. В этот день прошагал я грязными проселками около двадцати верст ради одной утки, но радость покрыла все — усталость, томительные часы ожидания в яме, прежние промахи. И дома поверили, что селезня убил я влет. На следующий день мать сварила вкусный утиный суп...

А мне хотелось в тайгу. Там глухари, там рябчики, там... На уток я уже поохотился, поохотился на тетеревов, убил куропатку за огородами своим. Но в тайгу меня не брали, сам же я идти не решался. Одно дело съездить на быке, запряженном в сани, в лес за дровами — в четырнадцать лет я уже самостоятельно возил дрова, другое — пойти на охоту. Нужны охотничьи лыжи, собака. Лыжи можно взять братовы, хотя они велики и тяжеловаты для меня. А собака? Был у нас темно-серой масти молодой пес Пират, доставшийся от уехавших из деревни Гулыниных, на дворе пес был на своем месте, но в тайге от него толку не было никакого, он даже в паре с опытной собакой не шел по следу. Целый день бродить по тайге одному, если и нападешь на след, то без собаки...

Мне нравилось наблюдать и помогать брату, когда с вечера начинал он собираться на охоту, чтобы рано утром выйти из дому. Вечер, за окнами темь. В избе тепло, мы уже поужинали, печка-голландка протопилась, сквозь дырочки чугунной дверцы видно, как дотлевают в печи последние угли, подернутые сизой пеленой. Над столом на стене висит десятилинейная лампа, свету от нее достаточно. Мы с братом сидим друг против друга на широкой лавке, негромко разговариваем, снаряжая патроны. Брат показывает, как правильно забить в патрон капсюль, чтобы вошел он ровно и плотно, сколько пороха необходимо засыпать под картечь, сколько под пулю, какие ставить пыжи, постукивая легонько молотком, чтобы осадить пыжами в патроне порох и дробь. А пули следует закреплять мылом — мыло пулю держит лучше, чем пыж...

Охота на лосей начиналась в марте, когда уже ощутимо пригревало солнце, иной раз до капели с крыш. После февральских метелей слежавшийся снег твердел, верхний слой его, подтаявший за день, схватывался ночными морозами, образуя наст, или чурым, настолько прочный, что зачастую взрослому человеку можно было свободно идти и даже бежать по насту без лыж, не проваливаясь. Но лось тяжелее человека, и он

проваливается, каким бы крепким наст ни был. Лось не может убежать ни от человека, ни от собаки, потому что шершаво-острые края чурьма режут ему до крови ноги, особенно передние. Сдерживаемый собаками, лось стоит на одном месте, отбиваясь от них головой, копытами, а человек подходит почти вплотную и убивает его из ружья.

В этом и состоит лосиная охота. Начало ее — уйти подальше от деревни к лосиным урочищам, осиновым островам среди хвойного леса, напасть с помощью собак на след и догнать по следу лоса. Во время наста лоси передвигаются медленно, ходят мало, держась в густых молодых осинниках, кора и тонкие ветви которых составляют зимой корм лосям. Ни в ноябре — декабре, ни в январе, ни в феврале выюжном на лосей не охотились. Только март, пока снег, предутренние морозцы — их называли утренниками. Ну, может, начало апреля, если весна затяжная. Спадут морозы, рухнет наст, охота прекращается. Начинается другая, весенняя, на птицу...

Жесткий наст дерет широкие охотничьи лыжи, как наждак, подбивают их шкуркой лосиной, снятой с передних ног: волос на шкурке короткий, плотный, крепкий. Скользя по чурьму лыжи с подбивкой, легко бежать на них, и стуку нет, пугающего всякую дичь.

Существовали или нет после войны законы, запрещающие вольную охоту на лосей? Наверное, существовали. А может, ничего такого и не было, не до лосей. Во всяком случае, не слышно было разговоров об этом ни от тех, кто охотился, ни от тех, кто не охотился. Но и громко не говорили об охоте, хотя все друг о друге знали. Лось — мясо, охотился не всякий мужик, а два-три человека на деревню, потому как два-три собаки в деревне стоящих было. А то и одна. А то и ни одной. Собака такая ценилась ничуть не ниже коровы...

— С кем договорился назавтра? — спрашиваю я брата, расставляя рядками заряженные патроны: пять с пулями, пять с картечью, пять с обычной дробью, если попадут глухарь или рябчик.

— С Мишкой Самохиным, — отвечает брат, вкладывая патроны в патронташ.

— В какую сторону?

— На Каврушинские острова.

— А собаки?

— Маляновы возьмем.

— Пойдут они за вами?

— Пойдут, привыкли к Мишке. Мы с ним ходили уже.

— Хорошо след берут?

— Когда как. Лохматый лучше. Первым берет, гонит. Гладкий лукавит, распугивает дичь. Не охотничий он.

— Пирата возьми нашего.

— Зачем? Мешать только.

— Пусть бы приучался с опытными.

— Брали. Носится по лесу, гавкает на любую птаху...

— Надо бы нам с тобой завести охотничью собаку.

— Видишь, не получается.

— От Индуса бы Колченкова щенка достать.

— Как угадаешь. Да и разбирают таких щенков нарасхват. Вот останешься тут за меня, выискивай щенка, а то и двух сразу. Приучай к охоте. Вернись, а они уже псы. И будем с тобой охотиться.

— Подберу, — обещаю я. — Лучше двух, как у Маляна.

— Ну ладно, — говорит брат, уложив все, — давай спать, мне вставать...

— Я почитаю еще.

Иногда из соседней деревни Вдовино, где мы учились в семилетке, приходил приятель брата по школьным годам, Колька Веревкин, кудрявый смешливый парень, работавший киномехаником, привозивший фильмы и к нам, в Жирновку. Они заранее договаривались об охоте, и тогда брат шел к Бойковым просить пса Жулика, лучшую охотничью собаку в деревне. Иван Нестерович либо сын его, Тимофей, разрешали взять собаку, и брат к ночи приводил Жулика домой. В руках брата обязательно было ружье. Жулик, стоило только окликнуть его, следовал за любимым, у кого в руках или за спиной было ружье. Жулик был из тех собак, что рождены для охоты.

Если ни старый, ни молодой хозяин долго не отправлялись на охоту, Жулик сам убежал в тайгу, верхним чутьем либо по следу находил лоса, держал его сутки, двое, оглядываясь в сторону деревни, ожидая, что вот сейчас на лай кто-то покажется из сосняка с ружьем, выстрелит и все сразу закончится. Тогда он ляжет подле, хватая снег, мучимый жаждой и голодом, зная, что скоро начнут обдирать, разделявать тушу и аволу накормят его.

Когда лось оказывался поблизости от деревни — морозными гулками утрами лай, крики, ржанье слышны за несколько верст, то на редкий силовый лай Жулика кто-нибудь да прибегал с ружьем, не хозяева, то просто деревенские, но если это было за бором, на дальних осинового острова, то, охрипнув, обессилив от непрерывного лая, бросив лоса, обессиленного не меньше, Жулик возвращался в деревню, шагом, опустив голову и хвост, слизывая на ходу горячим и влажным языком упавшие с веток на чурьм комочки снега, чтобы заглушить голод.

Из всех собак в его пору в верховье Шегарки чутьем, неутомимостью, умением искать и держать зверя Жулик уступал лишь Индусу, такому же крупному, желтому с подпалинами псу, жившему в Юрковке, самой крайней деревне к истоку речки. Хозяину Индуса, старику Колченкову, предлагали за пса немалые по тем временам деньги, но он не соглашался продать. Взяв след, размашистыми бросками, на пружинящих как бы мускулистых ногах, настигнув лоса, закружив его на одном месте, Индус начинал гнать лоса к деревне, причем гнал молча и только за огородами подавал голос. Хозяин налегке выходил из избы, стрелял без суеты, будучи уверенным, что лось нигде не денется. Если самому было недосуг, старик посылал сына Пашку...

Приведенный братом, Жулик оставался у нас в избе до утра. Он лежал возле порога, положив большую остроухую голову на вытянутые лапы, внимательно глядя коричневыми, крапленными, мерцающими при свете лампы глазами. Любимой мог приблизиться к Жулику и погладить его, он разрешал. Поужинав, брат с приятелем сидели на лавке у окна, обсуждая предстоящую охоту. Иногда Жулик вставал, стуча когтями по мытому выскобленному полу, подходил к брату, клал ему на колени голову и, закрыв глаза, долго стоял так, а брат, почесывая пса за ушами, ласково разговаривал с ним...

Призывали брата на службу поздней осенью. Прощаясь, он подал мне ружье: уже из-за стола вылезли все, вышли на крыльцо.

— На, охотись теперь за двоих. Да береги, чисто вовремя. Ружье хоть и старое, а и новым не уступит. Припасы на первое время есть. Порох закончится, так Колька Веревкин даст пачку, а пуль и дробь наделаешь из свинца. Как медведя заставишь — сразу мне письмо. Да смотри, шкуру не испортишь...

По воскресеньям сидя дома, сделав уроки, по-

могнув матери на дворе, вытаскивал я из-под кровати небольшой картонный ящик, где хранились припасы. В спичечный коробок ссыпаны были аккуратные, желтые, блестящие внутри капсулы — пятьдесят штук. Мне нравилось пересчитывать их на ладони, отделяя по одному. Медные с прозеленью, потемневшие от употребления патроны были пусты. Я брал один, второй, подносил к носу, нюхал, но запаха сгоревшего пороха не ощущал — давно не заряжали патроны, давно не стреляли. В картонной пачке пороха оставалось меньше половины. На пачке была нарисована сосна, на суку, в лучах утреннего солнца, распустив крылья, вытянув шею, сидел токующий глухарь. На самом дне ящика лежали три небольшие плитки свинца. Вычищенное и смазанное напоследок братом ружье висело в кладовой на гвозде, вбитом в стену. Задвинув ящик под кровать, я ложился и, отлекаясь минутами, прислушиваясь к шуму метели, принимался читать удивительную книгу, ставшую одной из любимых книг в жизни, — «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии». В книге было два раздела, второй раздел — «Записки об ужении рыбы» — был не менее интересен...

Вот и март. Первая неделя, вторая. Все холода, хотя метели давно стихли. Небо никак не могло очиститься от зимней облачности до синевы, приподнявшись над деревней, полями и лесами. Чувствовалось по всему, что весна будет затяжной.

На охоту собрался я на исходе месяца. Возвращаясь из интерната, субботним вечером, после бани, сидел я на корточках, перед протопившейся печкой, открыв дверцу, плавил на углях в консервной банке свинец, чтобы отлить пули, как мы делали с братом. До этого два вечера подряд катал на сковородке дробь, сортировал ее, заряжал патроны. Специального приспособления для отливки пуль у нас не было. Я взял небольшую круглую брюкву, срезал ножом пласт, откуда росла ботва, чтобы брюква ровно стояла на полу, срезал пласт с корневой части, патроном двадцатого калибра, меньшего, чем калибр ружья, сделал три углубления в брюкве и залил их расплавленным свинцом. Брюква шипела, спекаясь. Свинец застыл. Перевернув брюкву, вытряхнул я цилиндрики, разрезал каждый на несколько частей, и получились тяжелые, цилиндрические же пули. Можно было, подправив их слесарным ножом и молотом, заряжать патроны. Порох в пулевые патроны я уже засыпал и наложил пыжи — сначала картонные кружочки, затем войлок и снова картон.

Отец лежал на кровати, поглядывая на меня. Ему нездоровилось, побаливала культя оторванной на войне ноги. Мать еще не вернулась из бани. Сейчас придет, и мы сядем ужинать.

— На охоту завтра хочу пойти, тять, — сказал я, заделав мылом пули.

— С кем пойдешь? — помолчав, спросил отец.

— Один схожу, мужики не возьмут.

— А собака? Без собаки в тайге делать нечего, понимаешь сам.

— С Пиратом.

— Пират — пустобрех. Не для тайги он.

— Попробую с ним. Не найдет след — вернусь.

— Ну иди. В какую сторону надумал, чтобы искать в случае чего?

— За Моховое болото, куда за дровами ездим. Дойду до конца дороги, а там просека начнется. В конце просеки...

— Не заплутай. Помни, что за спиной — Шегарка, течет она с запада на восток, а ты идешь на север. Просеки все тянутся строго на север. Заблудишься — лезь на дерево, высматривай просеку. Любая из них выведет на край бора, к сенокосам. Запоминай.

— Запомню.

— Доведется стрелять — бей в переднюю лопатку. Вернее всего.

— Это я знаю.

— Хлеба захвати, спички. Хоть костер разведешь. Ну ешь да ложись. Мать разбудит пораньше. Пока позавтракаешь...

Из дому вышел я в семь часов утра и сразу же за огородами углубился в перелески, тянущиеся от деревни к сосновому бору. Надетая на свитер фуфайка была перепопоясана патронташем, отяжелевшим от разряженных патронов, патроны располагались в патронташе так, что слева направо заткнуты были сначала пять пулевых, затем пять с дробью, и еще пять с обыкновенной дробью. На правом боку к патронташу пристегнут был охотничий братов нож в мягком брезентовом чехле. Ружье, стволом вниз, висело на правом плече, на спине рюкзачок, в нем кусок хлеба, кусок сала, большая, темного стекла бутылка с горячим чаем. Тепло от бутылки чувствовал я сквозь фуфайку и свитер. В кармане брюк лежала коробка спичек.

Дорога, по какой долгие годы ездили на Моховое болото за дровами, выбираясь за конюшней за деревню, тянулась, с многочисленными поворотами, по хлебным полям и сенокосам, но я шел напрямую, туда, где дорога заканчивалась и видны были пни спиленных берез, обрубленные верхушки их, сучья, развороты саней, а с полверсты на закат от вырубов начиналась просека. Пират бежал то следом, то сбоку, фыркая, вынюхивая что-то в снегу.

Вчерашним днем пригрезало ощутимо, но в ночь не подморозило сильно, наст был слабым, это чувствовалось уже и по тому, что не скребло промерзшим снегом не подбитые лосиной братовы лыжи, которые были уже охотничьих, но держали хорошо. Сняв ружье, я прикладом попробовал наст, он легко провалился, и я подумал, что охота не будет удачной, если даже и встречу лося.

В морозном декабре и в еще более морозном январе, в феврале буранным, лежа под байковым одеялом на железной интернатской кровати или дома на теплой печи, подложив под голову изношенные валенки, представлял я себе множество раз, как пойду в марте на охоту, сразу же набреду на след, Пират, понюхав след, коротко взлазит от возбуждения, кинется по следу, скоро настигнет лося, я прибежу на лай, первым, нет, вторым выстрелом убью лося, сниму шкуру, разделю тушу, заверну мясо в шкуру, замечу место и поспешу домой, неся в рюкзаке печень, сердце, почки, их мать вечером пожарит на сковороде с луком и салом.

Родители будут необычайно удивлены и обрадованы, они расскажут по деревне, никто сначала не поверит, а потом поверят, мужики станут расспрашивать об охоте в подробностях, качать головами, потому что никто еще из подростков на Шегарке самостоятельно не убивал лося, об этом узнают в соседних деревнях, в школе, ровесники будут завидовать мне и проситься со мною на охоту.

И будет у нас в семье мясо, много, несколько пудов, мать наделает впрок пельменей, заморозит их, пельмени можно будет брать с собой в интернат, а дома по вечерам котлеты и тушеное мясо в воскресные дни, а не надоевшая картошка с простоквашей...

Выбравшись с полей на выруб, свернул и нашел просеку и двинулся по ней на север. Просека была очень пряма, конца ее не было видно — верхушки сосенок, росших по краям, сливались вдали. Шел я довольно долго, просека закончилась, я постоял немного, раздумывая, идти ли все прямо, либо повернуть куда. И снова пошел, чуть отклоняясь влево в сторону Юрковки. В тайге направление потерять просто, ориентиров никаких нет, кажется, идешь на юг, но раз обогнул валежину, второй, и движение твоё изменилось, ты уже лицом к западу, хотя и не знаешь этого — нет солнца. Но я не боялся заблудиться, я вовсе не думал об этом, надеясь, что если начну плутать, то все одно выберусь на одну из просек, а она выведет меня на край бора, к сенокосам.

— След, Пират! След! Ищи! Ищи давай! — приказывал я псу, как приказывают молодым, впервые попавшим в лес собакам охотники, потому что старые собаки сами знают, что надобно делать. Но Пират и не думал искать, он все крутился подле, не отбегая и на сотню сажений, и было ясно, что я зря взял его, нужно было не ходить совсем, либо идти одному, не надеясь на него, либо попросить у Бойковых Жулика. Но я не был уверен, что Бойковы дадут мне собаку, как и не был уверен, что Жулик пойдет за мной.

Сколько времени прошло, какое расстояние одолел я по лесу — не знаю. Так далеко от деревни я никогда еще не уходил. Давно уже рассвело, но солнце не показалось, день был пасмурный. Начал я уставать, остановился около старой толстой сосны, повесил на короткий сухой сук ружье, снял, повесил рюкзак, вынул бутылку, отпил глотками чаю, есть пока не хотелось. Опустив бутылку в рюкзак, сел на валежину, откинулся спиной к стволу, вытянув ноги, освобожденные от лыж. Пес улегся рядом.

Тихо было, лишь перестук дятлов слышался иногда. Тайга окружала меня. Старые суковатые сосны, высоко вознося кроны, росли вперемешку с березами, реже встречались ель, осинových островов пересек я немало. Снегу в тайге было больше, чем в полях, хотя и здесь он подтаивал день ото дня, освобождая валежники, пни упавших, подгнивших от времени деревьев. Пушистый подлесок поднимался всюду, валялись сухие сучья, обломленные февральскими ветрами. Сразу же за сосной, за которой я сидел, полого уходил вниз распадок, поросший молодым чистым сосняком. Запах талого снега, запахи оттаявшей коры и хвои держались в воздухе.

Так я и сидел, прислонясь спиной к сосне, не зная, что делать. Судя по всему, близился полдень. Охота не получалась. Ни одного лосиного следа не попало, как вошли мы в лес на вырубках Мохового болота, да если и набредем случайно, возвращаясь, то не возьмет след Пират, не погонит по нему, нечего и надеяться. Вот он лежит поодаль, а настоящая охотничья собака без устали рыщет по тайге, время от времени прибегая к хозяину, чтобы напомнить о себе. Надобно потихонечку поворачивать обратно, высматривая по пути на деревьях рябчиков и глухарей. Рябчики держатся выводками, подпускают близко. Подстрелить пару рябчиков, и то не впустую день, а без добычи и в деревню стыдно показаться.

Вдруг левым ухом уловил я слабый совсем звук за сосной, то ли ком снега свалился с дерева, то ли... Волки в наших местах не водились. Один раз в снежную бурную зиму забрели они на Шегарку из Красноярской тайги, много бед понаделали по деревням, перебили их порядочно, но волки не задержались, не остались, исчезли так же внезапно, как и появились. Медведи были. Выбирались из тайги летом на спелые овсы, сталкивались с ними бабы и в малолетках. По рассказам мужиков знал я, что иногда медведь рано, в марте еще, выходит из берлоги, если туда попадает вода из-под тающего снега, либо, вспугнутый осенью, покидает берлогу и уже не ложится, бродит-шатается по тайге. Таких медведей называют шатунами, и ничего хорошего от встречи с ними не жди.

Приподнявшись с валежины, прячась за сосну, прижимаясь к ней, я осторожно выглянул. Из распадка, по поредевшему на склоне сосняку, бесшумно и вразброд, спокойно поднималось стадо лосей — шесть голов, а уши их чутко двигались, поворачиваясь. Лоси нас не видели, а едва ощутимый ветерок, тянувший со стороны распадка, относил наши запахи в тайгу. Я замер да так и стоял, прижавшись к стволу, не высываясь более, лоси же все поднимались и вышли на ровное место сажень в пятидесяти от нас — впереди шли две важенки, за ними еще две, а чуть позади — самцы, и тут Пират заметил их.

Вскочив, с заливыстым лаем, приседая и подпрыгивая, он стал гоняться за лосями, распугивая их, как гонялся на поляне за пасущимися телятами. Лоси разбежались. Когда, опомнившись, сорвал я с сучка ружье, последний лось далеко мелькал среди деревьев, и стрелять в него не было смысла. Разогнав лосей, Пират вернулся и подбежал ко мне, ласкаясь.

— Пошел вон, дурак! — закричал я, озлясь. — С тобой разве на охоту ходить! Коров пасти и то... стыдно! Держать надо, а ты...

Надев рюкзак, взяв ружье, пошел я на закат, вяло передвигая лыжи, переживая, не глядя на пса, стараясь успокоиться и не думать о случившемся. Пират плелся позади, чуть ли не наступая на концы лыж. Я опять грозно прикрикнул на него, пёс начал отставать, отставать и вскоре исчез совсем. Я понял, что он убежал домой. Так было лучше. Попадись глухарь либо выводок рябчиков, начнешь подкрадываться, он же первый и вспугнет.

Версты через три услышал я впереди лай. Это не был лай Пирата, да и не мог он оказаться здесь, я продвигался по лесу параллельно Шегарке, к Юрковским болотам. Но и не Жулик Бойков подавал голос, нет. Лай был чистый, звонкий, переходящий на визг. Юрковские собаки держат лося, догадался я, ожидая выстрелов. Убыстряя шаги, шел я на лай, но выстрелов не было, и тогда я побежал, понимая, что охотников нет, собака одна давно закружила лося и уже изнемогает от усталости. Я бежал, бежал и бежал, придерживая ружейный ремень, чтобы ружье не болталось за спиной, спина взмокла, мокрой была голова, но передыхать я не хотел, боясь, что лай замолкнет и я собою в сторону.

Но лай не утихал, он слышался все ближе, и, обогнув осинник, увидел я на краю вывороченную ветром сухую осину, она, падая, зацепилась прочно верхушкой за толстый сук приземистой суковатой сосны, да так и зависла, а за осинкой — выворотнем, на истоптанном снегу, прыгая на трех ногах, поджимая переднюю правую, вислоухий желтый с подпалинами пёс облизывал лося. Это был Индус, я узнал его. Однажды сын старика Колченкова, Пашка, приходил зачем-то в Жирновку, Индус прибегал с ним.

Видно было, что Индус поранил ногу, это мешало ему пригнать лося в деревню. Угнув тяжелую горбоносую голову, отфыркивая, темнотой лесной бык наступал, стараясь ударить копытом пса, и тогда пёс отскакивал, взвизгивая. Пугаясь, что, увидев меня, лось вырвется от раненой собаки, прячась за выворотнем, подбежав к осине, я вскинул ружье и, задержав дыхание,

чтобы унять волнение, успокоить на минуту руки, ударил, целясь в переднюю лопатку. До лоса было саженой тридцать пять — сорок, но я промахнулся.

Пес залаял яростнее, лось, развернувшись круто, кинулся к выворотню. Не помню, как оказался я на осине, как, сидя уже в развилке, успел перезарядить ружье и оттуда, сверху вниз, выстрелить еще раз, в горб лосиний, где двигались лопатки, но не задетый пулей лось длинными скачками убежал в чащу, а Индус, взвизгивая, спотыкаясь, падая мордой в снег, кинулся за ним.

Затих треск валежника, собачий лай, а я все сидел на осине. Голова моя гудела от звона, руки были мокры. Слез, меня шатало. Помыл снегом руки, остужая, положил комочек снега в рот. Надобно было идти домой. И я пошел. Я пришел в сумерках, просека вывела к дальним сенокосам. Пират был дома, лежал на сеновале. Мать с отцом сидели за столом, ужинали. На столе дымилась паром вареная картошка, на тарелки нарезаны были сало и хлеб. Раздеваясь, почувствовал и я голод, и вспомнил, что в рюкзаке еда, чай. Все это я целый день носил за спиной.

— Ну как, — спросил отец, усмехаясь, — поохотился? А Пират давно прибежал. Мы с матерью ждем, что и ты скоро...

Я сел к столу и за едой рассказал все.

— Не горюй, — заметил отец, — на то и охота. Успеешь еще. Для первого раза тебе достаточно и того, что случилось. Ешь да ложись. Заморился. Целый-то день на ногах. Лось вон на печь, теплая еще.

Допив чай, взобрался я на русскую печь, угремся и сразу заснул.

...Двадцать с лишним лет унесло с той поры ветрами, утекло с речной водой. Многих деревень, начиная с Юрковки, не было уже по Шегарке, похоронили многих и в края проводили чужие. И родились многие, повзростали за годы эти, а уж мое поколение старилось.

Перед отъездом родителей из Жирновки жил я у них. Мы подружился с Герасимом Ивановым, конюхом, чья усадьба находилась на той же улице, что и наша, но в самом конце ее, близ перелесков. Герасим был на два года старше меня. Рыжеватый, бедовый видом, всегда веселый, мастеровой на удивление, он очень нравился мне. Одиннадцать детей было у них с Фаиной. Бывало, зайдешь к ним в избу, Фаина сидит на лавке, кормит грудью маленького, а остальные на полу на разостланном ватном одеяле кувыркаются друг через друга, возятся, сопят, вот свалку устроили. Никто не плачет.

— Гер, ты хоть различаешь детей в лицо? — спрашивал я с улыбкой конюха. — Старших твоих помню, что в школу ходят. А остальных...

— А как ты думал, — смеялся конюх, — кошка и та различает котят...

Охоту любил Герасим. Ружья были, собак водил. Собаки видом неказистые, но в лесу цепки. Двухлеток был теперь у него на дворе. Как-то в апреле, во второй половине, приходил он ко мне звать на охоту. День праздничный. Тепло, дороги подсыхают, лишь по кочкам в сограх держится еще вода. Трава молодая показалась, разбухшие на деревьях почки вот-вот должны были лопнуть, развернуться зеленой.

— Какая охота, Гера, — сказал я. — Ружья в руках не держал столько лет. Да и нет у меня ружья.

— Ружье я тебе дам. Пошли. Праздник, что делать. Вдвоем веселее. Может, утку где сшибем. Хочу щенка своего потаскать, пусть привыкает к лесу, воде. Глядишь, толк будет со временем.

— А куда ты хочешь?

— К Юрковке... дальше. По Шегарке, а на обратном пути краем болота захватим, поглубже к бору. Сапоги резиновые есть? Тогда все. Собирайся, подожду тебя за огородами.

Обутые в резиновые сапоги, с ружьями за плечами, выбрались мы за деревню и пошли в сторону Юрковки. Неспешно, с разговорами, как на прогулку. За усадьбой Кулешовых Герасим свернул было к берегу, но я отговорил его, и мы пошагали по едва заметному проселку — по дороге этой полевой редко ездили теперь, да и ходили редко. На Шегарке могли оказаться утки, я был уверен, что они плавают сейчас там по омутам и заводям, сам я стрелять не собирался вовсе, но Герасим из своей бескурковой двустолки редко давал промахи даже влет, а уж по сидячей птице...

Так миновали мы Юрковку, место, где совсем недавно была деревня, прошли мимо брошенных изб и одиноких тополей, удалились от нее еще версты на три и стали углубляться в осинники, к бору, но до бора соснового было порядочно. В осинниках чистейшая снеговая вода отражала небо и облака, между кочек, стебли в воде, цвела куриная слепота, над кочками зеленели узкие

стрелы молодой осоки, на высоких сухих прогреваемых местах зацветала медуница. Голые осинники просматривались почти насквозь, где-то в тальниках трещали дрозды, облюбовывая места гнездовий. Было тепло, почти жарко, от множества запахов, лесного воздуха покрывало голову, и никуда не хотелось идти, хотелось сесть на пенек, повесив ружье на осинку, закрыть глаза и сидеть до сумерек, прислушиваясь к звукам леса.

Бродили мы по осинникам более часу, приближаясь постепенно к бору, чтобы пройти краем бора и выбраться к жирновским полям, пока Герасим, оступившись, не набрал в сапог воды. Тогда сел он на валежину, прислонив ружье к пню, стянул сапог, вылил из него воду, установил сапог так, чтобы солнце попадало в голенище, за пнем, где было больше воды, прополоскал портянку, отжал, скручивая, расстелил на валежине сохнуть, снял второй сапог, разложил и эту портянку, закурил, да так и сидел, блаженствуя, шевеля пальцами ног.

Сел и я поодаль, тоже закурил, но разуваться не стал. Хорошо было нам, молча сидели, а будто разговаривали.

Вдруг собака Герасима, лежавшая на сухом месте за промоиной, вскочила с лаем, кинулась к тальникам, и там, вздыбив шерсть на загривке, стала лаять коротко и зло, то пятясь, то подаваясь вперед, не решаясь, однако, прыгнуть в самую гущу тальника.

Тальники росли за моею спиной. Встав, повернулся я, взглядываясь, и вздрогнул от неожиданности: в густых таловых кустах, на расстоянии ружейного выстрела, головой ко мне, шевеля ушами, спокойно стоял молодой безрогий лось. И оттого, что был лось комылым, неуклюжим каким-то показался он мне, а уши — непомерно большими. Непуганый, не обстрелянный еще, не облаянный собаками, лось, вероятно, стоял в кустах давно, видел, как проходили мы, садились, разговаривали, слышал. Но не уходил. И собака не сразу учуяла его. Но ведь учуяла же, чужой звериный запах поднял ее...

— Что там? — спросил Герасим и потянулся к ружью. С валежины ему ничего не было видно. Я поднял ружье и, целясь четверти на две выше лосиной головы, ударил по кустам. Пуля срезала талую ветку, лось шарахнулся, развернулся почти на задних ногах, и попер в глубь осинника, только сучья трещали. Собака метнулась за ним.

— Кто?! Кого стрелял?! — вскинулся Герасим.

— Лось!

— Не может быть! Ну да, лось! Треск какой! Что же ты меня...

— Да не успел я.

— Попал? Нет? Куда бил?

— Под лопатку. Должно не попал, тальники помешали.

Где-то, далеко уже, взлаяла и замолкла собака.

— А-а... уйдет! — вскричал Герасим, схватил портянку, но влажная портянка не заматывалась как следует, он бросил ее, натянул на босые ноги сапоги, ружье в руки и бежать к собаке, а я остался на месте, снова сел, прислушиваясь, поглядывая туда, где скрылся конюх.

Прошло некоторое время — ничего, ни лая, ни голоса. Потом, с перерывами, три выстрела подряд. Я похолодел. Неужто они догнали его?! Не должно быть. Собака неопытная... да и не слышно ее. Но выстрелы.

Смотрю, показался Герасим. Ружье на плече, в правой опущенной руке головами вниз три рябчика. Собака ступала вослед за ним.

— Не настигли. — Герасим сел рядом. — Вода, кочки, следа нет. По насту пес закрутил бы его. Как же ты промахнулся?

— Давно не стрелял. Да и тальники... сам по суди.

— Ах, жалко. Я и взглянуть не успел. Слышу — кусты ломит.

— Не переживай, — утешил я. — На то и охота. Успеешь еще.

День-то какой, не нарадуешься. Звенит, переливается все.

— Оно-то так, да вот мяса дома нет ни кусочка, поприели к весне. Сейчас бы Фаина котлет нажарила, мяска бы натушила с картошкой.

— Зато рябчиков настрелял, суп сварите.

— На нашу артель разве трех надо рябчиков, — Герасим засмеялся. — Что, домой? Да, портянки же намотнуть, забыл впопыхах.

И мы напрямую пошли в свою деревню, рассуждая о случившемся. Это была последняя моя весна на Шегарке. Давно уже ружейные выстрелы и запах сгоревшего пороха не волновали меня, милее было слышать шум влажных весенних ветров в оттаявших ветвях перелесков, шорох листопада, бульканье текущих в речку ручьев. Давно уже носил я в себе глубокую печаль — предчувствие долгого расставания с родиной.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОТ ПРОТИВ- НОГО

Е

сть несколько неизменных тем, которые тянутся от книги к книге, иллюстрированных Стасисом Эйдригавичюсом. Одна из них — Дорога. Вот она переснает рельсы железнодорожного полотна, накрывает их, как рушником, и показавшийся поезд должен рассечь ее — ведущую к дому, а может быть, уводящую из дому... Вот могучая ветвистая яблоня в цвету. Необозримый космос. Ветвь — дорога, на развилке которой стоит дом. Оттуда вышли люди и спускаются вниз, за пределы своего мира — в белое неведомое пространство. Кто они — дети, взрослые? Или взрослые дети? Последнее вероятнее всего, ибо Эйдригавичюс открыл для себя этот обобщенный человеческий тип и обходится его языком, его жестами. Пересечение пространств, взаимопроникновение миров — не просто прием, но ключ к мировоззрению. Задолго до литовского художника русский поэт так сказал об этом: «Пройду, как образ входит в образ и как предмет сечет предмет».

Единство взаимопроницающих миров — модель целостного мировоззрения.

Дорога у Эйдригавичюса неизменно связана с Домом. Дом, гнездо — еще одна тема с бесчисленными вариациями. Она звучит единой мелодией, услышанной, возможно, в колыбели... Дорога от такого дома, как бы продолжительна ни была, ведет к сердцу.

Дом — родовое место. Ничто, связанное с ним, не пропадает. Дым, круто протянутый к девяти братьям из народной сказки, чтобы они держались за него, как за канат.

Дым не улетучивается, не уходит в никуда. Дым — контур круга, в который вписывается человеческая жизнь. Старик курит трубку, и дымом из нее восходит к трубе домика на краю света. Ситуации внутри круга часто парадоксальны, как, например, эта: жениха и невесту связал подснежник. Сблизил, окрутил нежными стеблем и замкнул, как узников... Или известная «Репка», персонажи которой расположены внутри овода от тележного колеса. Баба за деду, дед за репку, репка за... непонятно за что: за землю или за внутреннюю плоскость железного овода?.. Туда же бежит внучек. Еще одно усилие — и вытащат репку! Природный цикл замкнется. А потом внучек встанет на место деда, и все закрутится сначала.

Содержание иных «детских» рисунков Эйдригавичюса может показаться сюрреальным. Глазам ребенка зло представляется страшнее, беспощаднее. И художник не затуманивает его. В этом он близок народному духу. Сказки — в любом фольклоре — пестрят ужасами. Адаптировать сказки — в целом всегда нравственно сбалансированные — значит обеднить детское воображение. Зло существует в природе, в мире, и не замечать его опасно. Человек в детстве запоминает его особенно остро и благодаря своим ощущениям способен выработать стойкое неприятие зла.

А чистота детского помысла способна исцелить раненую природу. В руках Мастера (неважно, сколько ему лет) топор — животворящий инструмент. Щепка под его лезвием не откалывается от полена, а отвечает. На нее садятся певчие птицы...

Стасис Эйдригавичюс с великим терпением и методичностью принципиального педагога приходит на помощь к своим взрослым детям, донося — часто от противного, — где пребывают свет и добро.

Александр ЗОРИН

ПОЛЕ ВЕЧНО

175 ЛЕТ ИСПОЛНЯЕТСЯ

ВЕЛИКОМУ ДНЮ НАШЕЙ ИСТОРИИ, ГЛАВНОМУ СРАЖЕНИЮ 1812 ГОДА. БОРОДИНО!
КАКОЕ ДАЛЕКОЕ И ВСЕГДА БЛИЗКОЕ СЛОВО! С НИМ СВЯЗАНЫ БОЛЬ И СКОРЬБЬ ПО ДЕСЯТКАМ ТЫСЯЧ
ПОГИБШИХ. ОНО ОЛИЦЕТВОРЯЕТ ВЕЛИЧИЕ ДУХА, СЛАВУ И ГЕРОИЗМ РУССКОГО НАРОДА.

Леонид ПЛЕШАКОВ

В Бородино из Москвы лучше всего добираться электричкой. Уже на станции мемориальная доска сообщает тебе о прибытии в историческое место, а если отсюда взять влево, то примерно через полкилометра окажешься на Утицком кургане, самой южной оконечности обороны русских войск, который и поныне хранит приметы великого сражения.

Бой за деревню Утица и возвышенность, лежащую восточнее ее, не был ключевым событием Бородинской битвы. Но именно сюда и на деревню Бородино (не нужно путать ее с железнодорожной станцией с таким же названием) ранним утром седьмого сентября 1812 года Наполеон бросил корпус Понятовского и часть корпуса Богарне, чтобы этими вспомогательными ударами на флангах отвлечь внимание Кутузова от главного, направленного против Багратионовых флешей у села Семеновского и Курганной высоты, где находилась батарея Раевского.

Бородино и Утица, расположенные одно — на Новой Смоленской, второе — на Старой Смоленской дорогах, стали, грубо говоря, двумя крайними точками, между которыми развернулись все основные события того героического и трагического дня, вошедшего в историю под именем Бородинского сражения.

Пожалуй, нет в биографии России другой битвы, которая бы длилась всего один день, а была бы так же близка каждому из нас, как эта. И объясняется это не только ее масштабностью, ее местом в Отечественной войне 1812 года и даже не ролью, которую она сыграла в разгроме «Великой армии» Наполеона...

Ступая впервые на эту, казалось бы, так хорошо знакомую землю, неожиданно убеждаешься, что все основанные на книгах представления о ней мало соответствуют яви. Тут все вроде бы знаешь, но выглядишь по-другому.

Я вообще убежден, что в Историю нужно ходить пешком. В наш динамичный век, с его торпливым отношением ко всему, в том числе и поглощению информации, пеший ход хотя бы в какой-то мере позволяет отринуться от привычной суеты. Он дает возможность спокойно соотнести прежние знания с тем, что открываешь для себя вновь, и даже пофантазировать на их тему. На автомобильных скоростях под асфальтовым шелест шин на это не остается времени. Все внимание — дороге.

Память, не как знание старых фактов и дат, а как состояние, овладевает тобой постепенно. На Утицком кургане у обелисков пехотинцам и гренадерам 1812 года ты еще сторонний наблюдатель. А когда, миновав станцию, выходишь на шоссе, ведущее в село Семеновское, то с каждым шагом все больше чувствуешь себя очевидцем давно минувших событий. В столетний юбилей Бородинского сражения здесь было установлено 33 памятника. Они стоят у самой дороги, в еще не скошенном пшеничном поле, у самой околицы села Семеновского, и дальше, то на вершине кургана, то на опушке леса, то на лугу. Разные по форме и материалу, из которого они сработаны, все эти стелы, обелиски, массивные надгробия с орлами, крестами, пушечными ядрами и без оных поставлены примерно в тех местах, где седьмого сентября 1812 года стояли пехотные, кавалерийские корпуса, дивизии, полки, артиллерийские батареи Кутузовской армии. Теперь, читая выбитые на граните и камне имена воинских частей, можно с известной долей точности представить расположение русских позиций, мест наиболее яростных схваток, атак и контратак, укрытий, где ожидали своего часа резервы, чтобы идти на подкрепление сражавшимся. И ты уже в их власти.

Когда осенью 1975 года Советский Союз посетил президент Франции Валери Жискар д'Эстен, день 15 октября был целиком отдан культурной программе высокого гостя. Вначале он посетил Ясную Поляну, а потом вместе с сопровождавшими его французскими государственными деятелями ознакомился с Бородинским военно-историческим музеем-заповедником.

Валери Жискар д'Эстен был первым президентом Франции, который побывал на Бородинском

поле, о чем говорит небольшая медная доска с соответствующими словами, прикрепленная к постаменту памятника французам, похороненным на Бородинском поле.

У этого памятника своя история. В преддверии сотой годовщины Бородина Россия и Франция договорились, что в юбилей сражения на поле брани будет установлен памятник воинам Наполеона. Этот акт, подводя черту под прежними неурядицами, помимо всего прочего, имел и откровенно насущные политические цели: он должен был лишний раз подчеркнуть нерушимость союза двух стран, укрепить внутренние связи Антанты — до начала мировой войны оставалось-то всего два года. Гранитный памятник, увенчанный орлом с надписью по-французски «Павшим Великой армии», решили установить близ Шевардинского редута на вершине холма, где находились во время битвы ставка и командный пункт Наполеона. Пароход, который вез готовый памятник из Франции в Россию, по дороге затонул. Поэтому в юбилейные торжества в положенном месте был установлен лишь деревянный макет, замененный годом позже каменным дубликатом.

Но это, как говорится, давняя история, а мы вернемся к визиту президента. Объясняя необычность своего маршрута Ясная Поляна — Бородино, Валери Жискар д'Эстен сказал, что всю жизнь преклонялся перед гениальным творением «Войны и мир» и хотел своими глазами увидеть дом, где жил и работал Лев Толстой, и поле Бородинского сражения, так великолепно описанное им.

А потом президент попросил показать на местности, где был нанесен удар казаков Платова и кавалеристов Уварова по левому флангу и тылу французской армии — удар, по мнению многих западных историков, лишивший в тот день Наполеона блестящей победы.

А дело было так. Взяв к полудню после восьмого штурма Багратионовы флеш и овладев деревней Семеновское, Наполеон сосредоточил 35 тысяч войск и около 300 орудий для начала атаки на центральный опорный пункт русских — Курганную высоту с батареей Раевского, которая до того уже побывала в руках французов, но была снова отбита. Как раз в момент перед решительным наступлением императору доложили о неожиданном появлении русской конницы в тылу и на левом фланге, что вызвало там панику. Наполеон снарядил к месту прорыва, укрепляет свое левое крыло, возвращается. Но потеряны два часа, которые позволили Кутузову перегруппировать войска и усилить центр обороны. Ценой величайшего напряжения, используя свое превосходство в коннице, французам все-таки удается вновь овладеть батареей Раевского, но развить успех они не могут — из-за небывалых потерь, огромной усталости и упорного сопротивления русских, которые отошли на новые рубежи в полном порядке, не потеряв связи с остальной армией.

Первой, кто из русских поставил памятник на Бородинском поле, была Маргарита Михайловна Тучкова, жена Александра Алексеевича Тучкова. В войне с Наполеоном участвовало пять братьев-генералов Тучковых. Один попал в плен под Лубино, два пали на Бородинском поле. Самый младший, Александр Алексеевич был убит во время отражения пятой атаки французов на Багратионовы флеш. Говорят, что Маргарита Михайловна приехала в Бородино в начале зимы, когда поле все еще оставалось усталым десятилетиями тысяч человеческих тел. Их захоронением занялись специальные команды только весной следующего года, а до того они лежали там, где их постигла смерть.

Не найдя тело мужа, Маргарита Михайловна совершила на месте его гибели условное погребение и поставила часовню. В 1839 году она основала тут Спасо-Бородинский монастырь, куда постриглась настоятельницей. Одна из Багратионовых флешей оказалась внутри монастыря.

В 1834 году был объявлен конкурс на проект монумента, который предполагалось установить

в двадцать пятую годовщину сражения на самом видном месте поля брани — Курганной высоте, где сражалась батарея Раевского. В мае 1837 года состоялась торжественная закладка памятника, а два года спустя, в июле 1839-го, его чугунная громада, увенчанная шишковатым куполом и крестом, вознеслась над курганом. В том же июле у подножия памятника в специальном склепе был похоронен прах генерала от инфантерии Петра Ивановича Багратиона, командующего Второй Западной армией, смертельно раненного осколком ядра при отражении восьмой атаки французов на флеш у села Семеновского. Он умер семнадцать дней спустя в деревне Симы Владимирской области, где был и похоронен. Через двадцать семь лет по инициативе Дениса Давыдова прах Багратиона был перевезен для перезахоронения на Бородинском поле.

В столетнюю годовщину Отечественной войны 1812 года на Бородинском поле появились 33 памятника (о них уже говорилось), установленных на средства, собранные личным составом полков и дивизий, унаследовавших имена некогда сражавшихся здесь частей. «Нашим славным предкам от благодарных потомков» — выбито на них.

Но все это относится к прошлым поколениям.

Как же мы чтим память героев, наследниками и продолжателями дела которых объявляем себя с гордостью и по праву, но, бывает, и с нескрываемой назойливостью? Увы, в отличие от слов в делах мы не преуспели.

Я пришел на Бородинское поле в одну из суббот начала нынешнего августа, когда поток экскурсантов был особенно многочисленным: близило 175-летие битвы — как-никак круглая дата, к ней готовились. Старый музей, как и положено у нас в случаях, когда надо бы наоборот, был закрыт на ремонт. Группа молодых и в возрасте людей, ронявших вокруг симпатичной девушки в белом свадебном платье, открывая проволочку, на которую была «закрета» калитка, потекла в музейный дворик, к главной его аллее, образованной двумя рядами бронзовых трофейных пушек. Пощелкали фотоаппаратом, посмеялись чему-то очень веселому, потянулись к кафе, где гостей ждал свадебный стол. Ввиду такого торжества для несвадебной публики кафе было закрыто. Два крошечных киоска предлагали проголодавшимся только коржики и какие-то соки, которые надо было истрелять прямо тут же, «на пленэре». Но сидеть на ветру хотелось немногим, поэтому столики под деревьями пуствовали.

Через дорогу от музея начиналась дорожка и вершина Курганной высоты, где среди обычного строительного мусора высилась металлическая колонна и громоздкое непонятного назначения фанерное сооружение, похожее на голубятню. Каждый, кто поднимался сюда, отодвигал полиэтиленовую пленку, заглядывая внутрь «голубятни» и видел уже позолоченный, грубо сваренный из железа крест и шишковатую маковку.

В 1932 году чугунный монумент, благополучно отстоявший на Курганной высоте почти сотню лет, по чьему-то высочайшему распоряжению был снесен. Одновременно был взорван и снесен с останками Багратиона. Дикость, глупость, варварство? Подбирайте любые слова этого ряда — и они все равно не отразят истинный масштаб свершенного. Там мы отметили 120-летие Бородинской битвы. Ровно тридцать лет потребовалось нам, чтобы осмыслить, что мы тогда сотворили. В 1962 году было принято решение о восстановлении памятника на Курганной высоте. Еще двадцать пять лет ушло на то, чтобы оно обрело реальные очертания. Пятьдесят пять лет потребовалось нам на очищение от совершенного греха. Как медленно пробуждается в нас совесть! Как трудно не на словах — на деле быть достойными великих предков! Когда мы растеряли чувство благодарности, чувство уважения к героическим делам предшественников!

По обочине пшеничного поля спускаюсь с холма. В его пологие склоны то здесь, то там врезаны крупные бетонные лбы дотов с амбразурами, обращенными на запад. Узкие ходы сообщения, окопы зигзагом расходятся в стороны. Там

ОИ СЛАВЫ

ПОЛКОВОДЕЦ
М. И. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ.
Худ. Р. Волков, 1813 год.

ей день пребудет
вечным памятником
мужества и отличной
храбрости россий-
ских воинов...» Эти
слова Кутузова вы-

несены на титульный лист книги-альбома, вышедшей только что в издательстве «Мысль» и посвященной одному из крупнейших событий XIX века — Отечественной войне, которую вели русская армия и народ против Наполеона.

По сути, здесь иллюстрированная летопись целой эпохи, но в центре ее — событие, расписанное буквально по часам и имя которого составило само заглавие: «Бородино, 1812».

Шевардинский редут и Багратионовы флеши, Семеновский овраг и батарея Раевского, Утицкий курган и собственно село Бородино — вот огненные координаты этой композиции; Кутузов и Бонапарт, Барклай-де-Толли и Даву, Багратион и Мюрат, Раевский и Богарне, Ермолов и Коленкур — вот персонажи этой величественной трагедии. А еще народ: защитники русской земли.

«Бородино, 1812» — энциклопедия всей темы, ибо тут отражены и дипломатические отношения России и Франции накануне войны, и сама война от перехода неприятелем Немана до Березины, и традиции Бородина в дни Великой Отечественной войны, и, наконец, то, как отразился 1812 год в русской литературе и музыке, живописи и графике, скульптуре и архитектуре.

А о ценности, какую представляет собой обширнейшая иконография книги-альбома, лучше всего расскажет наша вкладка, полностью составленная по изобразительным материалам, взятым из «Бородино, 1812».

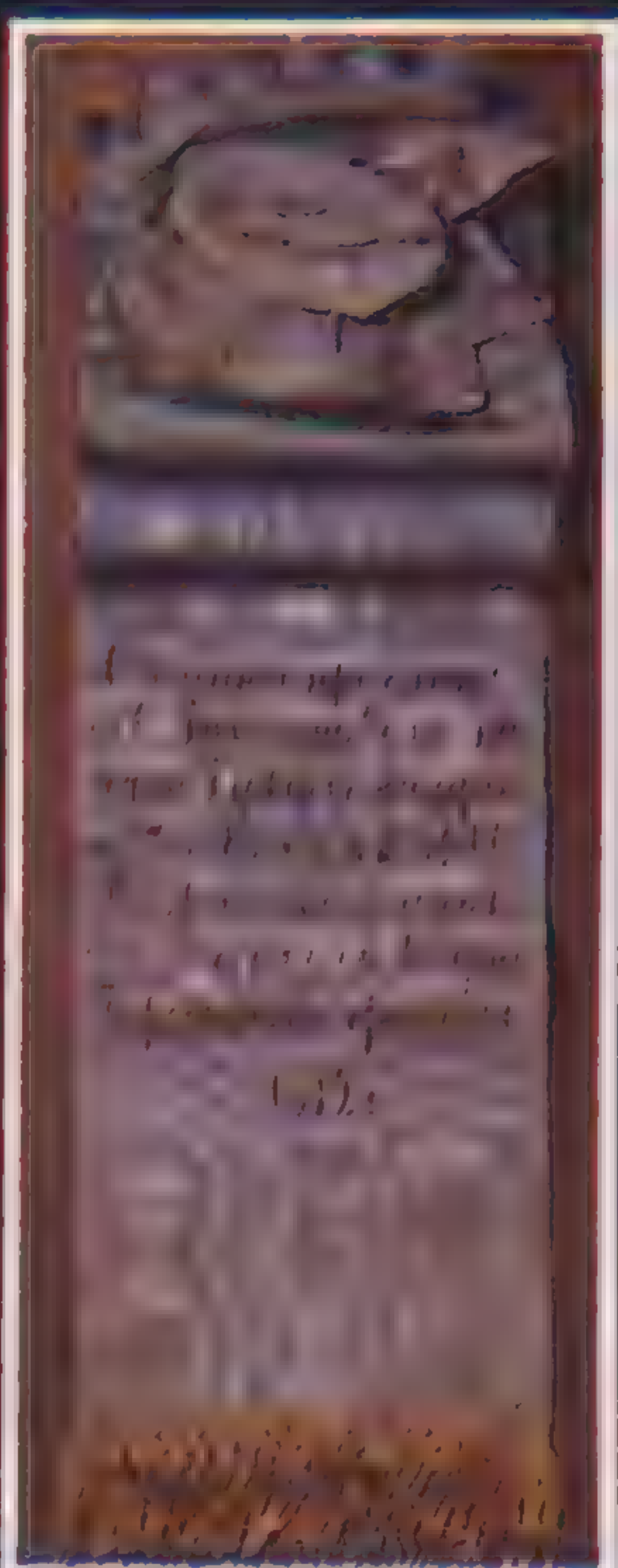

СРАЖЕНИЕ У СМОЛЕНСКА
18 АВГУСТА 1812 ГОДА
Неизвестный художник,
раскрашенная гравюра,
1-я половина XIX века.

ГЕНЕРАЛ
М. Б. БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ
Худ. Д. Доу. 1829 год.

ГЕНЕРАЛ П. И. БАТРАТИОН
Неизвестный художник,
1830-е годы.

ЛЕНТА ОРДЕНА
СВ. АНДРЕЯ
ПЕРВОЗВАННОГО,
ПРИНАДЛЕЖАВШАЯ
П. И. БАТРАТИОНУ

КАВАЛЕРИЙСКИЙ БОЙ ВО РЖИ
ФРАГМЕНТ ПАНОРАМЫ
«БОРОДИНСКАЯ БИТВА»
Худ. Ф. Рубо, 1912 год.

НАПОЛЕОН I
НА БОРОДИНСКИХ ВЫСОТАХ
Худ. В. Верещагин, 1897 год.

КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА
Н. А. ДУРОВА, ГЕРОИНЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
Неизвестный художник,
1810 год.

РЯДОВОЙ
ЛАЗАРЬ ТИМОФЕЕВ
Худ. П. Лебединцев, 1856 год.

УНТЕР-ОФИЦЕР
ЛЕОНТИЙ ШИТИКОВ
Худ. П. Лебединцев, 1856 год.

ХОРУГВИ МОСКОВСКОГО
ОПОЛЧЕНИЯ 1812 ГОДА.

ПОЖАР МОСКВЫ.
ФРАГМЕНТ РАСКРАШЕННОЙ
гравюры Жебеле по
оригиналу Нотоффа,
1816 год.

Г. КУРИН,
КРЕПОСТНОЙ КРЕСТЬЯНИН,
КОМАНДИР КРУПНЕЙШЕГО
ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА.
Худ. А. Смирнов,
1810-е годы.

ОТСТУПЛЕНИЕ
ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ
ИЗ РОССИИ.
Ксилография по
оригиналу Л. Потта,
2-я половина XIX века.

«ПОСТОЙ-КА, НЕ В СВОИ
ТЫ САНИ, БРАТ САДИШЬСЯ».
Раскрашенная гравюра
И. Иванова, 1813 год.

«ФРАНЦУЗЫ — ГОЛОДНЫЕ
КРЫСЫ В КОМАНДЕ
У СТАРОСТИХИ ВАСИЛИСЫ».
Раскрашенная гравюра
С. Шифляра, 1813 год.

В. КОЖИНА — КОМАНДИР
ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА
В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ.
Худ. А. Смирнов,
1810-е годы.

ФРАНЦУЗЫ ГОЛОДНЫЕ КРЫСЫ, ВЪ КОМАНДѢ У СТАРОСТИХИ ВАСИЛИСЫ.

МЕДАЛЬ
«В ПАМЯТЬ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1812 ГОДА».

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ШЕСТВИЕ
ГВАРДИИ 31 ИЮЛЯ
1814 ГОДА ЧЕРЕЗ
ТРИУМФАЛЬНУЮ
ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ В ЧЕСТЬ
ОКОНЧАНИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1812 ГОДА.
Гравюра И. Иванова,
1814 год.

на пьедестале. Это уже из другой войны, из другого сражения на Бородинском поле. Это реальные памятники и свидетели подвига тех, кто защищал здесь Москву в октябре 1941 года, кто поднялся вровень с героями 1812 года.

Дорога выходит к Колочи. Под мостом в мелкой прозрачной воде мечутся стайки пескарей. Сырой берег в зарослях ольхи, ивы, высокой сочной травы. Где-то тут утром седьмого сентября 1812 года кавалеристы Евгения Богарне старались прорваться к центру русских позиций, чтобы надвое расщепить армию Кутузова, и напоролась на картечь...

Прямо за мостом пересекаю магистраль (Новую Смоленскую дорогу), поднимаюсь в гору к небольшой церквушке, купол которой тут виден почти отовсюду. У входа читаю:

«Памятник архитектуры XVII века. Церковь Рождества 1697—1701 г. Свидетель Бородинского сражения. Охраняется государством».

Охраняемый государством памятник весьма обшарпан. Вокруг бревна, доски, стружки, мусор, короче — стройка. Объясняют: сейчас здесь идет подготовка экспозиции, которая станет частью Бородинского мемориального комплекса. На втором этаже — макет Смоленской дороги во время наступления и отступления армии Наполеона. На первом — катафалк, на котором везли тело Кутузова из Германии.

Дело к вечеру, тороплюсь в Горки. По Смоленской дороге двумя встречными потоками катят автомобили. Трудно представить, как тут выглядело все в 1812 году.

Горки и вправду лежат чуть выше окрестностей. А на самой высокой точке деревни расположилась ставка Кутузова. Наверное, в подзорную трубу отсюда были видны отражавшие атаки и переходившие в контратаки полки, рейды кавалерии, огонь артиллерийских батарей. Но простому глазу такое расстояние не одолеть. Сейчас только памятники Бородинского поля (не все, конечно) метят давние позиции.

Как известно, русская армия оставила Москву 14—15 сентября. За день до этого Кутузов поднялся на Поклонную гору. Генералы его штаба предложили дать тут бой приближающейся армии Наполеона. Кутузов осмотрел предполагаемые позиции своих войск — они показались ему уязвимыми — и решил отступить.

Наполеон оставался в Москве всего тридцать четыре дня. Зимовать в разоренном его мародерами, сгоревшем городе, вдали от тылов и баз снабжения своей армии, при растянутых коммуникациях, подвергавшихся постоянным нападениям партизан, он считал рискованным. Император решил переждать зиму между Днепром и Западной Двиной, чтобы с весной 1813 года продолжить кампанию и завершить ее победой. При отходе на намеченные рубежи он намеревался разгромить оружейные и продовольственные базы русской армии, находившиеся в Туле и Малуге, и заодно пополнить и за их счет свои истощенные запасы. Но, известно, — потом были бои под Тарутином и Малоярославцем, после которых армия Наполеона была вынуждена повернуть на разоренную Смоленскую дорогу навстречу своей гибели.

...Еду в Малоярославец. Конечно, по хронологии надо бы сначала попасть в Тарутино. Впрочем, по карте получается, что туда ближе все-таки из Малоярославца. Да к тому же с расстояния в 175 лет недельная разница в боях — мелочь.

Малоярославец — невелик городок. Тут все рядом. От вокзала до музея рукой подать. Он переехал недавно в новое здание. Широкие окна, наверное, много света, но дверь на запер: понедельник — выходной день. Через квартал — сквер. В углу его, прямо у проезжей дороги, небольшое каменное строение с плитой.

«Это здание (б. часовня) сооружено в 1860 году в память воинов, павших 12/24 октября 1812 года, участником сражения майором Максимовым». Перед зданием две бронзовые пушки, ядра. На фронтоне — цитаты:

«Малоярославец — предел нападения, начало бегства и гибели врага».

«Гордитесь именем русских, ибо сие имя есть и будет знаменем победы».

Автор обеих — Кутузов. Чуть в глубь сквера — памятник, построенный в 1912 году по почину командира 5-го Армейского корпуса генерала от кавалерии А. И. Армеева на суммы, отпущенные военным министерством и пожертвованные частями 5-го армейского корпуса, калужской земской управой, городом Малоярославцем и разными лицами по подписному листу.

Рядом у перекрестка установлен щит, на котором схематично обозначены главные точки того октябрьского боя двенадцатого года.

Когда стало ясно, что Наполеон намерен пробиваться на Калугу через Малоярославец, Кутузов приказал генералу Дохтурову занять город. Туда же был послан и атаман Платов со своими казаками. Следом за ними от Тарутина выступили и главные силы русской армии. Дохтуров, задержанный в дороге неожиданными препятствиями, прибыл к городу только на рассвете 24 октября,

когда там уже находились передовые части французов. Немедленно предпринятая атака послужила началом ожесточенного сражения, возобновлявшегося по мере прибытия к той и другой стороне подкреплений и продолжавшегося весь день. Город восемь раз переходил из рук в руки. Малоярославец был почти весь истреблен пожаром. К концу боя город остался за французами, но русская армия, расположившись на Калужской дороге, преградила дальнейшее их движение по намеренному Наполеоном пути, заставила их отступать в направлении Смоленска...

Как пройти к обозначенному на схеме месту командного пункта Кутузова, никто объяснить не может. Иду в горисполком, расспрошу об этом, о том, как готовится город к юбилею, а заодно отмечу и командировку.

Мои вопросы и просьбы Виктора Николаевича Кузьмина, секретаря горисполкома, явно озадачили:

— Для того чтобы вам отметили командировку, вы должны иметь точное предписание, в какую организацию направлены, кем, по какому поводу, кто вас тут сопровождает.

— Я журналист и приехал в город по случаю юбилея войны 1812 года. Какие тут могут быть предписания? Достаточно, думаю, командировочного удостоверения...

— Этого мало. Дайте предписание! — И он уходит, считая разговор оконченным.

Выручает меня зампред горисполкома Николай Ильич Егоров. Он сообщает, что когда-то в городе был установлен чугунный памятник. Сам он его не помнит — молод, но старожилы говорят, что впечатлял. О месте командного пункта Кутузова он тоже сказать ничего точного не смог: «Идите к реке, там покажут».

Но мне не везло, никто из встреченных горожан не мог толком ответить на мой вопрос. Спускаюсь по улице Горького к Черноостровскому монастырю и буквально упираюсь в то, что ищу.

В самом центре пустыря — из железных уголков и металлической сетки ограда-клетка, внутри которой стоит на трех ножках голубоватый металлический ящик. На дверце ящика охрой: «Опасно. Газ!» И вот чуть дальше, ну, метрах в десяти всего, стоит сам памятник.

Он огорожен низким железным заборчиком и представляет собой кирпичный оштукатуренный постамент, на котором на ребро установлена плоская каменная плита. Высота всего сооружения около двух метров. Оно густо побелено, поэтому вырезанные на каменной плите буквы, чтобы их лучше было видно, аляповато обведены дешевой бронзовой краской. Кое-где штукатурка цоколя пообвалилась. Ее подновили, но забелить не успели. Штукатуры явно понадеялись и латали чербины практически песком. Наверное, поэтому и не стали белить: все равно отвалится снова.

Читаю на плите: «На этом месте был командный пункт М. И. Кутузова во время сражения за Малоярославец 12/24 октября 1812 года». Вокруг памятника, за оградой буйная дикая трава, какая обычно растет у болот. А в сторону газового пункта разрослась даже аккуратная куртина чакана с коричневыми шишками. Грунт явно держит поверхностную воду, и даже привычные ко всему осины по краям пустыря тут растут какие-то скукоженные, потерявшие почти полностью листья, хотя у домов — буйные яблоневые сады, огороды с поспевающей овощью, отчего вся улица напитана дразнящим запахом укропа.

Знакомой дорогой возвращаюсь в центр города. Где же стоял чугунный памятник, который, если верить Ефрону и Брокгаузу, был сооружен тут в память сражения в Малоярославце в 1844 году? У церкви Успенья Божьей Матери спрашиваю древнюю старуху. Нет, она не знает, сама приехала сюда только после войны. Наконец, семидесятипятилетняя уроженка города Лидия Васильевна Семенова все прояснила. Памятник стоял вот тут, на площади, прямо в торце бульвара, снесли его в 1932 году, как раз когда снимали и колокола с церкви. Помнит она, что был на верху этого железного столба золотой орел. Говорили, что точно такой же был поставлен в Смоленске и в Бородине. Но она тех не видела.

Выбираюсь за город. Объяснили, что в Тарутино можно проехать автобусом из Обнинска. Голосую до Обнинска. Но напуганный указом о нетрудовых доходах частный и государственный транспорт сквозит мимо, автобусов же все нет и нет. И вдруг, ну просто счастье, передо мной, скрипя тормозами, осаживает бензовоз. Игорь Георгиевич Янов везет горючее в Михнево для своей мехколонны и, конечно же, меня подбросит до Обнинска. Узнав, зачем мне туда, он вдруг вспоминает: да, по дороге попадалось такое название «Тарутино». Там еще указатель с силуэтами каких-то солдатиков в «допотопной» форме. И тут я понимаю, что мне повезло больше, чем я ожидал.

На стилизованном указателе на Тарутино действительно два солдатика. Только один все-таки в нашей форме, а другой и правда кутузовский. Прощаемся, иду к укрепрайону. Он за заросшим травой земляным валам легко читаются позиции кутузовских войск. В центральной флеш — мемориал: усталая плиткой земля, аккуратные ели, липы, клены. Стриженный ку-

старник, цветы. Справа — невысокий курган с черной чугунной колонной на пьедестале. На ее вершине литой орел держит в лапах сломанные стрелы. На пьедестале надпись:

«На сём месте российское воинство под предводительством фельдмаршала Кутузова, укрепясь, спасло Россию и Европу».

А еще ниже:

«Сей памятник воздвигнут на иждивение крестьян села Тарутина, получивших от графа С. П. Румянцева безземельную свободу».

Отдельно на сером гранитном обелиске металлическая плита вот с таким текстом:

«Село Тарутино... озаменовано было славною победою русского войска над неприятельским. Отныне имя его должно сиять в наших летописях наряду с Полтавою и река Нара будет для нас так же знаменита, как и Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные ополчения Мамая. Покорнейше прошу... чтобы укрепления, сделанные нами близ села Тарутина, укрепления, которые устрашили полки неприятельские и были твердою преградой, близ коей остановился быстрый поток разорителей, грозивший наводнить всю Россию, — чтоб сии укрепления остались неприкосновенными. Пускай время, а не рука человеческая, их уничтожит; пускай земледелец, обрабатывая вокруг их мирное свое поле, не трогает их своим плугом; пускай в позднее время будут они для россиян священными памятниками их мужества; пускай наши потомки, смотря на них, будут воспламеняться огнем соревнования и с восхищением говорить: «Вот место, на котором гордость хищников пала перед неустрашимостью сынов Отечества!»

М. Кутузов».

В другом конце комплекса длинная бетонная стена с вмурованными десятью досками. На девяти фамилии советских солдат. На десятой только надпись: «Фамилии не установлены».

Перед стеной три прямоугольные клумбы. На первой — красная гранитная плита с бронзовым лавровым венком и бронзовой же лентой и надписью:

«Вечная память солдатам, сержантам и офицерам 17 и 53 стрелковых дивизий, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины».

Октябрь—декабрь 1941 г.г.

...Семнадцатого октября русская армия пятью колоннами выступила из Тарутина. К рассвету части, которым надлежало нанести удар по наполеоновскому авангарду, заняли исходные позиции против левого фланга противника. В семь часов утра французы еще спали, казачьи полки Орлова-Денисова начали атаку.

Через выпас спускаюсь к ближнему дому. Оказывается, участковая больница. За столиком под полыхающей рябиной несколько человек. Кто поднимает дорогу?

— Я и покажу, — поднимается мужчина с орденом Отечественной войны первой степени. — Я там не раз бывал.

Мы проходим к краю парня, чтобы были видны и тот берег Нары, и проселочная дорога за селом. Оказывается, мне надо держаться по ней. Сначала будет деревня Корсаково, потом Чернишня. Ее тоже надо пройти, а когда переправлюсь через речку Чернишню («Там мостки есть»), надо по дорожке взять чуть вправо. Вот тут на опушке и должен стоять памятник.

Спрашиваю Григория Денисовича Митрохина, где воевал, когда.

— Да я начал-то войну поздно, только в 43-м. Когда осенью сорок первого немцы стали подходить к нашей деревне (она тут рядом, в соседнем районе), меня с другими мужиками послали эвакуировать на восток колхозный скот. Погнали мы его во Владимирскую область. Пока гнали — немец к нам пришел. Мы двинули дальше и дальше, аж до Чувашии, до города Алатырь. Там и задержались. Сначала я работал. А когда в сорок третьем исполнилось восемнадцать, меня взяли на фронт. Первый раз меня ранило в Белоруссии. Второй раз — под Каунасом. Ну, ничего, выжилась — и снова на фронт. Дошел до Берлина. Но его не брал. 28 апреля в пригороде германской столицы меня ранило снова, тяжело. Так что в Берлине я и не побывал...

За Кузовлевым на ячменном поле надрыываются комбайны, оттуда по набитому проселку мимо меня проскакивают самосвалы с кузовами, налитыми зерном. Где же памятник?

Голосую проезжающему водителю.

— Да вот же он, в тех березках, неужто не видите?

И правда что-то белеет. Подхожу. Памятник — метров восьми стела на высоком постаменте. Если бы не знал, что ищу, я бы ни за что не догадался, что это за сооружение. На его лицевой стороне (можно предположить) была когда-то установлена плита с соответствующей случаю надписью. Никакой плиты сейчас нет. Остался каменный венок из лавровых и дубовых листьев, который ее обрамлял. А что обрамлял — неизвестно. Зато других надписей хоть отбавляй. «Оля+Витек». «Сергей». «Оля — тренер».

НАПОЛЕОН В РИМСКОЙ ТОГЕ

ВЗГЛЯНИ, ЧИТАТЕЛЬ,
НА ЭТУ СТАТУЮ —
ПОДУМАТЬ
ТОЛЬКО, ВЕДЬ
ЭТОТ МОНУМЕНТ
ВЫСОТОЙ
БОЛЕЕ ДВУХ МЕТРОВ
И ВЕСОМ
ОКОЛО ПОЛУТОРА
ТОНН (ЧИСТЫЙ МРАМОР)
МОГ СТОЯТЬ
В МОСКВЕ НА
КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ ИЛИ
В ЛЕНИНГРАДЕ —
НА ДВОРЦОВОЙ ПЕРЕД
ЗИМНИМ, ЕСЛИ БЫ
НАПОЛЕОН
ПОКОРИЛ РОССИЮ
В 1812 ГОДУ...

Владлен СИРОТКИН,
доктор исторических наук,
профессор

К

ак и всякий завоеватель, Наполеон стремился повсюду увековечить свой образ. Необычного в этом ничего нет. Вспомним — и Гитлер привез в Москву в 1941 г. гранит и мрамор для сооружения грандиозного памятника в честь «окончательной победы» III рейха над «мировым большевизмом». Его вдохновлял (пусть и неудачный) пример Наполеона. Недобитые гитлеровские генералы позднее писали: «Наполеоновская кампания 1812 года стала предметом особого изучения. Места боев «Великой армии» были нанесены на наши карты. Мы знали, что вскоре пойдем по следам Наполеона».

Необычно в этих статуе и бюсте Наполеона другое — сам образ завоевателя, запечатленный известными французскими скульпторами Антуаном-Дени Шодэ (статуя) и Жаном Гуденом (бюст).

Для нашего читателя и зрителя такой Наполеон разительно контрастирует с привычным нам, традиционным (и, безусловно, гораздо более достоверным) образом «маленького напала» в распахнутом походном сюртуке, жилете и знаменитой треугольной шляпе.

Но если взглянуть на эти «римские образы» Наполеона с другой, французской стороны, то ничего необычного в этом нет. Шодэ, Гуден, знаменитый французский художник Жак Луи Давид — все они творили в духе римских традиций. Это понятно — Французская революция, из недр которой вышел и генерал Бонапарт, отвергла старый порядок, религию, феодальное искусство и обратилась за именованием других и античным образцам, полагая, что древняя Римская республика и Римская империя наиболее адекватно отражают дух революции. Кстати, организовав в 1918—1920 гг. массовые революционные праздники в Петрограде и Москве, мы также использовали римскую символику: девушки на колесницах в римских тогах с пальмовыми ветвями в руках, «античные» юноши в сандалиях... Как отмечал еще Карл Маркс, «Камилль Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон... осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени — освобождение от оков и установление современного буржуазного общества».

Но и 1812 году весь прежний реальный революционный багаж Наполеон уже растерял — от революции остались одни декорации. Провозгласив себя в 1804 г. императором, Напо-

Из готовящейся в Воениздат биогрфии «Наполеон Бонапарт: мифы и действительность».

леон превратился в монарха-деспота, бросив народ своей страны в кроваво-пролитные захватнические войны во имя корыстных интересов верхушки французской буржуазии и военщины. «...Когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы», — отмечал В. И. Ленин, — тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона».

Именно такой национально-освободительный характер носила и Отечественная война 1812 г.

Однако одной из характерных особенностей захватнической по своей сути Первой империи Наполеона во Франции было сохранение внешних революционных атрибутов. Фуражки и кивера солдат и офицеров «Великой армии» украшали и в 1812 г. трехцветные кокарды времен революции, полки шли в бой под трехцветным знаменем революции и даже под звуком революционного гимна — «Марсельезы», как это, скажем, имело место на Бородинском поле 7 сентября 1812 г. во время шестой атаки батареи Раевского.

И все же, вероятно, спросит читатель, к чему нужен был весь этот «революционный» маскарад? Ведь все равно из посмертной переписки Наполеона давно всем ясно, что никакой революции он в России совершать не собирался. Все верно. «Я буду вести с императором Александром джентльменскую войну при 2 тыс. пушек и 500 тыс. солдат, но не намерен совершать в его империи революцию», — писал Наполеон накануне вторжения в Россию.

Однако в истории то, что ясно потомкам, далеко не всегда было ясно современникам. Да и мы, потомки, спустя 175 лет после победоносного окончания Отечественной войны, все ли мы знаем о том, какие гигантские усилия прилагал Наполеон для идеологической подготовки войны с Россией? Всем ли нам известно, что по первоначальному плану он собирался воевать с Россией три года, штурмовать Москву только в 1813-м, а Петербург — в 1814 году?

А для такой затяжной кампании ему надо было прежде всего разложить русские тылы, посеять смуту между крепостными и помещиками, вызвать национальную рознь на религиозной основе, подорвать русские финансы путем заброски накануне войны более 20 млн. русских фальшивых ассигнаций.

«Римская тога» была лишь одним из элементов этой пропагандистской войны. Вы обратили, конечно, внимание на то, что Наполеон держит в руках свиток. Что в нем? Ответ дают тысячи листовок, брошенных в русские тылы задолго до вторжения, где крепостным обещалась «воля». А вот и результат: в апреле 1812 г. московская полиция арестовала двух дворовых крепостных — Петра Иванова и Афанасия Медведева, которые распространяли по трантирам и кабакам од-

ну из таких листовок, говоря: «Скоро Москву возьмут французы; скоро все будет вольные...» Никакой «воли», конечно, Наполеон не дал, но смуту посеял.

Занимая русские города, Наполеон тут же создавал марионеточные «муниципалитеты» (создан был такой и в Москве из русских и иностранных купцов), а в их резиденциях приказал устанавливать свои бюсты.

Мудрено ли, что многие русские помещики, не шибко разбиравшиеся, в отличие от нас, в тонкостях перерождения революции в революционную фразеологию, всерьез считали Наполеона «Робеспьером на коне», «начальником гильотины». Отражая эти страхи широких кругов помещиков перед войной 1812 г., будущий декабрист М. И. Муравьев-Апостол писал: живи Наполеон в Италии, он «был бы начальником бандитов; в Испании предводительствовал бы разбойникам; сделался бы в Германии атаманом грабителей, а в России — Пугачевым».

Описывая посмертное бегство дворян из Москвы накануне вступления в «первопрестольную» армию Наполеона, один из обывателей позднее вспоминал: «Боялись не одних французов, ждали с ужасом волнений среди черни и крепостных, повторения пугачевщины, беспорядков, мятежа и резни дворян».

Вот для чего прежде всего Наполеону нужны были и его статуи и его бюсты, хотя перед своими приближенными он не скрывал истинного смысла всей этой пропагандистской кампании. Еще за год до вторжения в Россию, в июне 1811 г., Наполеон в доверительной беседе с только что вернувшимся из Петербурга послом Арманом де Коленкур раскрыв свою политическую карту, которую он собирался разыграть с Александром I. «Он говорил», — писал Коленкур в своих мемуарах, опубликованных только в 1933 г., — о русских помещиках, которые (если начнется война) испугаются за свои поместья и заставят императора Александра, после удачной для нас битвы, подписать мир».

Удачной битвы не последовало, мир подписать не удалось, «Великая армия» была разгромлена, а Наполеон бежал из России, бросив нераспакованными свои статуи в подвалах кремлевских дворцов.

В октябре 1812 г. их обнаружили вошедшие в Москву передовые наемные разведчики. В громоздких ящиках нашли и топографические планы водворения статуй. А именно на этих самых точках позднее, уже после заграничного похода русской армии и ополчения и полного разгрома империи Наполеона, в Москве на Красной площади был водружен памятник герою освободительной борьбы 1612 г., — гражданину Минину и князю Пожарскому от «благодарной России» (старое место, у ГУМа, напротив Мавзолея), а в Петербурге, на Дворцовой площади, — Александровская колонна (она стоит там и поныне).

Одна из статуй Наполеона, в римской тоге, сохранилась в СССР до наших дней — она находится в запасниках музея-панорамы «Бородинская битва» в Москве.

«Уфа». «Кострома». Ну и еще всякая всячина из того набора, который публиковать не принято. Вокруг памятника — трава опять же по пояс: нынешнее лето дождливое — вот и прет как на дрожжах лебеда, пшима, пырей, еще какая-то дичь. Рядом под ивовым кустом несколько свежих бутылок из-под «Шемахи». И указ им нипочем, этим «любителям истории»...

...Тогда, 18 октября 1812 года, сражение закончилось только под вечер. Французы потеряли убитыми и ранеными 2500 человек, тысяча была взята в плен. Русские захватили почти весь обоз и 38 орудий. Под Бородином было взято только 13 пушек, впрочем, и потеряно столько же. Разбитый авангард Мюрата бежал до самого Воронова. Узнав о поражении своего любимого маршала, Наполеон объявил войскам, что «идет поразить Кутузова на том самом месте, где русский полководец только что одержал победу». Но Кутузов не стал преследовать остатки мюратовского отряда. Он вернулся в Тарутинский лагерь. А сунуться туда император, естественно, не решился, отлично понимая, какая там его поджидает встреча...

Господи! Да почему же мы такие уродились? Почему не ведаем, что творим? В Норвегии для плота Тура Хейердала, на котором он пересек Тихий океан, построили специальный павильон — для связки бревен, с шалашом и парусом. Нашлись и деньги и «фондируемые стройматериалы». Неужели наш Кутузов нам менее дорог? Неужели у нас не хватило ума, такта, чтобы понять, почувствовать беспардонность, кощунство самой идеи устраивать бутафорские экспозиции в мемориальной церкви? Для чего же мы пишем, что она — памятник, охраняемый государством? Охраняемый от кого, кем?

Хочу быть точно понятым. Мой дед, крестьянин с Орловщины, родился в год отмены крепостного права и прожил девяносто пять лет атеистом,

хотя условия его забитой деревни предрасполагали к другому образу мыслей. Не верили в бога мои родители, я тем более. И все-таки, несмотря на такие, казалось бы, глубокие корни безбожия, я не могу простить тех, кто сегодня так безмозгло надругался над церковью Рождества, что стоит над речкой Колочей в великой деревне Бородино.

Вдумайтесь: она, эта церковь, единственный дошедший до нас материальный свидетель Бородинского сражения. Единственный! Это на ее купол, на ее кресты обращали взоры герои 1812 года, идя на ядра и пули французов, на штыки и сабли, идя на верную смерть. Это, глядя на нее, они просили защиты и помощи, ну а если что, то успокоения душе. Эта церквушка была их святейшей, их моральной опорой. А мы влезли в нее с картонными киверами, пенопластовыми пушками и верстовыми столбами, якобы что-то символизирующими. Почему мы не восстановили ее такой, какой она была тогда, 175 лет назад, с ее крестами, иконостасом, паникадилами, свечами, запахом ладана? Все эти культовые атрибуты, очевидно, не вернули бы нас в лоно религии, зато позволили бы лучше понять их, наших предков, коим мы так истово поклоняемся на словах.

Как же крепко сидит в нас дух той эпохи, когда культуру, понятия о ее ценностях утверждали динамитом. Ведь это тогда проросло наше отношение к наследию прошлого, а урожай приходится пожинать и поныне. Ведь это мы их вырастили, этих недоумков, которые ехали из Уфы и Костромы, из Москвы, Ленинграда, чтобы на святых камнях гвоздем начертать свои не вошедшие в историю имена, утвердить матерщину на месте, политом кровью наших предков.

Мы в разной мере и в разной форме, но все клянемся в любви к своим историческим корням. Пройдите маршрутом, который проделал я, — сгореть можно от стыда на полдороге. Ну ладно молодые, глупые не успели набраться ума, многого не понимают. Ну, а поколение постарше, особенно те его представители, что, как сами полагают, несут культуру в массы! Вы знаете, что больше всего заметно в мемориальном комплексе Тарутина? Правильно — памятник кутузовским солдатам, танк и стена с именами наших красноармейцев. Но еще — дощатое сооружение перед самым комплексом, прямо на пшеничном поле, наверное, чтоб повиднее было. Сооружение, похожее на то, куда ходят в деревнях справлять известную нужду.

А на Бородинском поле? Там придумали еще почище. Там все так блестяще организовали, что доты, полные кровью наших отцов и дедов в сорок первом, кое-где и в самом деле превращаются в отхожие места. Потому что специально оборудованных для этих целей заведений поблизости просто нет.

Мы все время ломаем голову: чем занять наших подростков? Придумываем всякие мероприятия, одно другого замысловатей. А они не идут. А может, поступить проще: взять походную кухню да шанцевый инструмент и — в дорогу: где подрывать бруствер у старого окопа, подновить памятник, посадить цветы или просто пройти те версты и километры, которые отшагали наши предки под ядрами и картечью, а отцы и деды — под вой «мессершмиттов» и «юнкеров».

Уверен, Смоленская дорога стоит того, чтобы каждый прошел ее пешком хотя бы раз в жизни.

АНАТОЛИЙ ЛУНАЧАРСКИЙ 1875—1933

Народный комиссар просвещения
в правительстве,
возглавляемом Лениным.
Человек гигантской эрудиции.
Работу
профессионального революционера
всегда сочетал с работой
профессионального литератора.
Луначарский еще до Октябрьской
революции предостерегал
от вульгаризаторского толкования
литературы как узкоклассового
понятия, а после революции защищал
от нападок пролеткультовцев русскую
классику. По многочисленным
драматургическим и поэтическим
опытам Луначарского были разбросаны
блестки его редчайшего по широте
человеческого дарования.
Одну из этих блесков мы и приводим.

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ «КОНЦЕРТ»

Какой звенящий, пестрый шум!
Какое многолюдство!
То ярмарка. Тили-бум-бум!
Торгует осторожный ум,
Мотает безрассудство.
Все эти люди — торгаши,
Хотят преумноженья.
На пляске смерти попляши.
Лови же! Препрыгают гроши

В неистовом движении.
Средь накопителей, плутов,
Приятель-расточитель.
Блудниц он ищет и шутов
И от щедрот платить готов:
В лакеи не хотите ль?
Все продается. Пламя дум,
Возвышенное чувство.
Изволь продать —
тили-бум-бум!
И превращай в шурум-бурум
Науку и искусство!..

Наймись в рабы, наймись
в шуты,
Чтоб черт побрал излишних!
Служи, шути — тили-ти-ти!..
Ты — для других, бесправен ты,
Лакей животных пышных.
Тили-ти-ти, тили-бум-бум,
Тили-на-на, тили-ла-ла!
Да здравствует базарный шум!

ПОЭТИЧЕСКАЯ АПОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

ПОЛИКСЕНА СОЛОВЬЕВА (ALLEGRO) 1867—1924

Дочь историка С. М. Соловьева.
Поэтесса из символистского
окружения.
В стихотворной повести «Перекресток»,
пожалуй, одна из первых
в литературе поставила проблему
женской эмансипации.
Известна как иллюстратор своих книг.

Я пришел не за тем,
чтоб тебя упрекать,
Я в полях растерял все упреки:
Васильки меня стали во ржи окликать,
Низко кланялся колос высокий.
Позабыл я весь гнев свой больной...
Рожь кругом расходилась волной,
Как вода от движенья весла,
И всю злобу мою — унесла!..

АННА РАДЛОВА

(псевдоним
Анны
Дармолатовой)
1891—1949

Радлова не стала знаменитой, но имя ее
в литературных кругах всегда пользовалось
уважением, и она была своей
в кругу больших мастеров.
Ее отличали высокая культура и четкий вкус.
Радлова переводила Шекспира, Марло,
Мопассана, Жюль Верна. Ее поэзия имеет право
быть в нашей антологии как искорка пусть
неосуществленного, но существовавшего
таланта.

ПОТОМКИ

И вот на смену нам, разорванным и пьяным
От горького вина, разлук и мятежей,
Придете твердо вы, чужие нашим ранам,
С непонимающей улыбкой своей.
И будут на земле расти дубы и розы,
И укрошенными зверьми уснут бунты,
И весны будут цвести и наступать морозы
Чредой спокойною спокойной простоты.
Неумолима душа твоя, потомок,
Осудит горькую торжественную быль,
И будет голос юн и шаг твой будет звонок,
И пальцы жесткие повергнут лавры в пыль.
Эпический покой расстелет над вселенной,
Забвения верней, громадные крыла,
Эпический поэт о нашей доле пленной
Расскажет, что она была слепа и зла,
Но может быть один из этой стаи славной
Вдруг задрожит слегка, услышав слово «кровь»,
И вспомнит, что навек связал язык державный
С великой кровью великую любовь.

Ноябрь 1920 г.

БОРИС САДОВСКОЙ 1881—1952

Его книжка «Самовар» (1914 г.), представляющая собой сборник
од этому медному идолу русских патриархальных вечеров,
явление поистине примечательное. Садовской воспарил
над жанровостью типа «Чашечка в Мытищах» и воссоздал из
самоварного дыма утерянную философию медлительного,
подслащенного чуть горьковатым вареньем черноплодной рябины
русского эпикурейства. Но поскольку эпикурейство русское, то и
оно чуть горьковатое, с грустцой.

Такого полнокровного сангвинистического классицизма нельзя,
пожалуй, найти ни у кого из традиционалистов. За свою непохожесть,
за свою уникальную верность золотому знамени самоварного полка
Садовской, несомненно, заслуживает переиздания как поэт.
Заслуживает он его и как прозаик, ибо его крепкая самобытная
историческая проза была достойной предшественницей
книг Ю. Тынянова.

СТУДЕНЧЕСКИЙ САМОВАР

Чужой и милый! Ты кипел недолго,
Из бака налитый слугою номерным,
Но я любил тебя как бы из чувства долга,
И ты мне сделался родным.
Вздыхали фонари на розовом Арбате,
Дымился древний звон, и гулякая метель
Напоминала мне о роковой утрате;
Ждала холодная постель.

РОДИТЕЛЬСКИЙ САМОВАР

Родился я в уездном городке.
Колокола вечерние гудели,
И ветер пел о бреде и тоске
В последний день на Масляной неделе.
Беспомощно и резко я кричал,
Водою теплой на весу обмытый,
Потом затих; лишь самовар журчал
У деревянного корыта.
Родился я в одиннадцатый день,
Как вещий Достоевский был схищен.
В те времена над Русью встала тень
И был посея кровавый ей взборонен.
В те времена тревожный гул стонал,
Клубились слухи смутные в столице,

С тобой дружил узор на ледяном окошке,
И как-то шли к тебе старинные часы,
Варенье из дому и в радужной обложке
Новорожденные «Весы».
Ты вызывал стихи, и странные рыдания,
Неразрешенные, вскипали невзначай,
Но остывала грудь в напрасном ожидании,
Как остывал в стакане чай.
Те дни изношены, как синяя фуражка,
Но все еще поет в окне моем метель,
По-прежнему я жду, как прежде, сердцу таяно
И холодна моя постель.

И на Екатерининский канал
Уже готовились идти убийцы.
Должно быть он, февральский этот зов,
Мне колыбель качнул крылом угрюмым,
Что отзвуки его на грани снов
Слились навеки с самоварным шумом.
Как уходящих ратей барабан,
Все тише бьют меня мои мгновенья,
Но явственно сквозь вечный их туман
Предвечное мне слышится шипенье.
Все так же мне о бытии пустом
Оно поет, и вещий Достоевский
Все так же, руки уложив крестом,
Спит на кладбище Александро-Невском.

УМНОЙ ЖЕНЩИНЕ

Страшно жить без самовара:
Жизнь пустая беспредельна,
Мир колышется бесцельно,
На душе тоска и мара.

Оставляю без сознания
Бред любви и книжный ворох,
Слыша скатерти шуршанье,
Самовара воркованье,
Чаю всыпанного шорох.

Если б кончить с жизнью тяжелой
У родного самовара,
За фарфоровую чашкой,
Тихой смертью от угара!

Не говори мне о Шекспире,
я верю: у тебя талант,
и ты на умственном турнире
искуснее самой Жорж Занд.

Но красотой родной и новой
Передо мной ты расцвела,
Когда остались мы в столовой
Вдвоем у чайного стола.

И в первый раз за самоваром
Тебя узнал и понял я.

Как в чайник длительным ударом
Звенела и лилась струя!

С какою лаской бестревожной
Ты поворачивала кран,
С какой улыбкой осторожной
Передавала мне стакан!

От нежных плеч, от милой шеи
Дышало счастьем и теплом:
Над ними ангел, тихо рея,
Влюбленным трепетал крылом.

О, если б, покорившись чарам,
Забыв о книгах невзначай,
Ты здесь, за этим самоваром,
Мне вечно наливала чай!

ДОБРУ ВНИМАЯ...

Калью Суур — один из самых активных эстонских (а если взглянуть шире, то и советских) фотографов. Количество союзных и международных выставок, в которых он участвовал, — более 120. Персональных выставок — 40. Публикаций в прессе — вряд ли кто возьмется пересчитать. Награды, дипломы, премии... Суур — обладатель почетного звания АФМАП (художник Международной Федерации фотографического искусства — ФИАП). Ограничиться сказанным — значит поставить знак равенства между Сууром и другими фотографами страны, получившими международное признание. А это будет несправедливо. Эстонский фотомастер заметен и среди них.

Он начинал снимать в те годы, когда эстонская светопись «купалась» в формотворчестве, смаковала метафору и аппетурную, обожала философские ассоциации, тяготела к фотографии (как сей-

ФОТОВЕРНИСА Ж. ОГОНЫКА

час говорит) «концептуальной». Самовыражение любой ценой, уход от «чистой фотографии» — так впоследствии охарактеризовал поиски своих коллег их лидер Пеэтер Тооминг. Долгое время он возглавлял творческую группу «Стодем», куда и пришел в 1964 году Калью Суур. Участники ее в общем-то исповедовали те принципы, о которых говорилось выше. Но Калью работал без ухищрений — репортажно. Снимал повседневную жизнь людей, их быт, заботы и радости.

Итак, долгое время в строю эстонских фотохудожников Суур шагал не в ногу. Правда, на пятки ему не наступали. Его добродушный общительный характер легко сглаживал творческие разногласия. Сегодня эстонская фотография — зримое свидетельство правоты тогдашнего ее новобранца. Судя по последним выставкам эстонских фотохудожников, в том числе и совсем молодых, в ногу с Сууром идут теперь многие.

У него еще одно замечательное качество — чувство юмора. Мимо смешного в жизни его объекты не пройдет. Как, впрочем, и мимо того, против чего так ополчились сегодня сатирические перья. «Ненавижу человеческую глупость», — сказал мне недавно этот удивительно мягкий и «чистосердечный» человек.

Михаил ЛЕОНТЬЕВ

●
МОНА.

●
ПРОПАВШАЯ
ИГРУШКА.

●
КОСА.

●
ОЖИДАНИЕ.

●
ДУЭЛЬ

ДАЮ УРО

Из Москвы в Ашхабад прилетел полковник Мальцев. При встрече с Ростиславом Знаменским он рассказал, что попутчик, с которым Ростислав летел в самолете, был вовсе не сценарист Петр Сушков, а перевозчик наркотиков. Его надо задержать, чтобы узнать адреса подпольных лабораторий по изготовлению отравы и адреса тех, кому он ее вез. Так как Знаменский — единственный, кто знает этого самозваного сценариста в лицо, его просят помочь в розыске преступника. Вместе с Мальцевым он улетает в Москву, где работает переводчиком в Госкино, приглядываясь к зрителям на закрытых просмотрах иностранных фильмов. Сопровождающий Знаменского старший лейтенант милиции Петр Брагин знакомит его со своими товарищами, с которыми служил в Афганистане. В один из вечеров все они отправляются в ночное кафе, где Брагин видел подозрительного человека. Они встретили здесь Сушкова, но преступнику удалось скрыться.

У «мерседеса», когда они подошли к нему, стояли два молодых лейтенанта. Не празднично, а как на посту, заняв позиции, чтобы можно было перекрыть к машине подходы.

Увидев Знаменского, шедшего впереди, лейтенанты насторожились, напрыгнули. Но тотчас же увидели и полковника Мальцева, которого сопровождал в бинтах под фуражкой старший лейтенант их же службы. Немая, так сказать, произошла сцена.

— Вы что тут делаете, ребятки? — спросил полковник.

«Ребятки» вытянулись, козырнули. Один из лейтенантов узнал полковника.

— Товарищ Мальцев, это вы?

— Это я.

— Вот служу в восемнадцатом. — Лейтенант сиял, радуясь встрече, поделился радостью встречи с напарником: — Я у товарища полковника в семинаре занимался. Товарищ полковник, это ваша машина?

— Наша.

— А мы думали... Ее вчера патрульные засекли... Потом... Да вы, наверное, слышали... — Лейтенант приблизился к полковнику, шепнул: — Налет вчера был... А эта машина...

— Знаю, знаю. — Полковник Мальцев миновал шепчущего лейтенанта. — Так это ваши ребятишки нашу машину засекли? Ну, молодцы! А вы, лейтенант, стало быть, ее стережете?

— Стало быть... Похоже, ошибка вышла?..

— Какая же ошибка? Все правильно. Злоумышленник паркует свою машину, приметную из приметных, как раз напротив отделения милиции. Все как по нотам. Маскировка! Кто может подумать, что эта машина на подозрении, если она припаркована возле милиции? Никому в голову не придет. Но не тут-то было! — Петя Брагин и Знаменский уже сидели в машине, и Петя бурлил полковника глазами, торопя. Сел в машину и полковник Мальцев, приветливо козырнув молодым лейтенантам. — Нет, не зря я вам лекции читал. Поехали!

Машина с места рванулась, развернулась, явно нарушая правила, и помчалась по Последнему переулку, оставив молодых лейтенантов в недоумении и растерянности.

14

Полковник знал адрес. Вернее, он знал путь, по какому следовало ехать. И он стал давать отрывистые указания Знаменскому, куда свернуть, когда подготовиться к повороту. Вот и весь разговор в машине, где все нарастала напряженность, невыносимость какая-то. Казалось, от Петра Брагина исходит жар, он как головешка был, выхваченная из пламени, сама еще в пламени. Он си-

дел рядом со Знаменским и прожигал глазами путь. Даже мельком, невзначай не рисковал Знаменский взглянуть в эти глаза, в это лицо, испепеленное будто. Бинты, охватившие лоб Петра, были не белее его лица.

Путь оказался недолг. Машина скользнула в какой-то богом забытый переулок, где все было старым и ветхим, где ничего не напоминало о семи десятилетиях, миновавших после революции, а именно все напоминало и утверждало былую Москву, но из той ее части, где всегда было сиротливо и хмуро, где уездный некий городок как бы представлял себя в первопрестольной. Хмурые домики, ветхие, в два этажа, ну, три, а были и об один этаж. Казалось, тут все замерло, ожидая бульдозера, «бабу», рушащую стены, тягачей с панельными сочленениями будущих великанов. А пока... А пока вот в одном из самых представительных тут домишек, почти в три этажа великана, разместился наркологический пункт. Судя по вывеске, кособокато прибитой у обшарпанной двери, но новой, совсем еще со свежими буквами, наркологический этот пункт возник тут весьма недавно. Ну, когда спохватились, что и у нас, оказывается, есть, имеются люди, погружающие себя время от времени в дурман. Зачем им это? Ведь никаких же социальных предпосылок у нас для этого нет. Ведь нет же! Иное дело на Западе. О, там это уже эпидемия. Там это национальная трагедия. Сопоставление цифр, сколько у нас дурманных себя и сколько у них там, скажем, в Штатах, такое сопоставление просто-напросто нелепо. У них — с десятком миллионов, у нас — ну, с пятком десятков тысяч. Словом, тут мы отстали невероятно, и замечательно, что отстали. Так-то оно так, но и в пяти десятках этих была для всякого своя беда, своя была одна-единственная Ира. Цифры безлики, нет смысла ими жонглировать, когда за каждой палочкой стоит человек.

И без указания полковника, лишь увидев эту за стеклом вывеску, такую сиротливую, что сердце сжалось, Знаменский остановил машину, вдруг разувшись это делать, рывком, запнувшись, оробев вдруг.

Вышли из машины. Мешкая, выходили. И не спешили к двери. Полковнику понадобилось закури́ть, хотя редко когда закури́вал. Знаменский завожился с замками, будто именно тут, в этом пустынном переулке, кто-то обязательно позарится на его «мерседес».

Петя Брагин тоже замешкался. Но его мешкотность была иной, чем у его спутников, иного калибра был страх его. Это был ужас. Он, паренек этот молодой, в зримый вступал ужас. И в одоление самого себя. В другую зону жизнепробытия он вступал, где мудрость, где умение прощать обитают. А как он мог там зажить, совсем не готовый к столь высокому жизнеобитанию? Он был простой наш паренек, с самыми простейшими представлениями о жизни. Он любил девушку, их развели его служба в армии, его служба в Афганистане, а потом два года в милицеейской школе. Но они собирались пожениться, и она должна была его дожидаться. Все. Чего проще? Чего яснее? Но не дождалась. И сгинула просто-та, нет ясности, одна печаль и боль, один ужас и ужас. Но он разве был из простоты житейской доставлен к этой двери? Он из Афганистана сюда подкатил. А там жизнь показала ему эту самую оборотную сторону медали. И потому он мог все же и такое понять, чего не дано, казалось бы, ему было понять, этому простейшему, веселому пареньку. Он мог вступить в зону высокого. Он мог, он решился переступить обшарпанный порог. Он первый вошел в этот дом.

Как исхитряются люди, делая ремонт, отводя помещение под некую лечебницу, все миглом вгонять в такую унылость, в такую пластиковую безликость? Как-то все же исхитряются, хотя это требует особого умения, особого равнодушия, безразличия, скудодушия. Чего еще? Но достаточно, ничего прибавлять не нужно, чтобы выставить безликим линолеумом этот коридор, чтобы уставить его стульями, которые были списаны лет двадцать назад за уродство и коленогость, но жили, ждали своего часа на складе, чтобы все

двери, выходящие в коридор, были на одно лицо, а на подоконнике единственного окна в конце коридора стоял горшочек с геранью, сиротливой хуже осени.

Отворилась одна из дверей, выглянул какой-то бородатый и слегка взлохмаченный дядя лет под шестьдесят. Глаза были у него зоркие, миглом все углядывающие. Борода была такая, когда человек в силе, хоть и пестрит борода сединами. Он был в халате, этот бородач зоркоглазый, свежем халате, изумившем в этом унынии своей радостной белизной.

— Вы ко мне? — спросил бородач. — По поводу вчерашнего поступления? — Он заговорил с полковником, его изучая, а Брагина и Знаменского оставляя на потом.

— Где Ира? — шагнул к бородачу Петя Брагин, и бородач чуть откатнулся от его пламени. — Ведите!

Бородач отворил пошире дверь, рукой приглашая войти.

— Все по ходу пьесы, — сказал он.

— И тут тоже пьеса, — сказал Мальцев, глянув на Знаменского.

Вошли. Узкая в одно окно комнатка, свергающая в уныние.

— Что же вы так бедненько тут устроились? — спросил Мальцев.

— А мы и есть бедненькие, товарищ полковник, — сказал бородач. — Цветы и ковры — они не для нас, нам они даже как-то были бы не к лицу, униженным-то и оскорбленным.

— В философию облачете эту скудность? — сказал полковник Мальцев, недобро глянув на бородача. — Сказали бы, что средств отпустили мало, я бы вас понял. Но нет, вот уже и философия готова. Умеем мы это.

— Умеем, это мы умеем, — покивал бородач, довольный, кажется, что строгий полковник начинает входить во гнев. — Да и никак нельзя нам без философии. Здесь — никак нельзя. Мы здесь души врачеем. Именно что униженных и оскорбленных. Средства, говорите? Они нам нужны. Но не для украшения стен и полов, не для ковров и обоев под шелк. Украшайте этим всем свои привилегированные санатории разных там управлений. Нам средства нужны для препаратов, которых еще нет. Их надо найти. Нужны лаборатории, нужны умные и умнейшие головы. Вот на что нам необходимы средства. Нам деньги нужны на профилактику, а это уже миллионы и миллионы. Вам ли не знать, что означает это слово, профилактика эта, когда речь идет о наркомании? Мании! Как эту манию разжать, обезвредить и, да, да, вычернить всенародно, убогость ее выставить на всенародный позор — как? Вот это требует усилий, громадных, и, разумеется, денег, средств. А ковры — это дешевка. Моим, кто у меня здесь, ковры без надобности. Они все познали. Им скудные стены и полы роднее. Я вот им себя дарю, а я не коврики. Разрешите представиться. — Бородач выбрал первым Петю Брагина, протягивая ему свою сильную, поросшую волосами руку, хотя спор-то вел с полковником. — Доктор медицинских наук Христофоров Николай Николаевич. А вы, как полагаю, Петр Брагин? Рад, что появились. Я и рассчитывал, что появитесь. Хотя учтите, вам, именно вам вход запрещен. Выставлено условие. Сразу же. Не хочет она вас видеть. Ей, когда пробудилась, никто так не страшен, как вы.

— Разве я ее трону? — У Петра Брагина голоса хватило лишь на шепот.

— Глупый. Она глаз твоих боится. Вот как пылают. Умерь огонь. Прости ее, мальчик. Прости. Сумеешь? — Доктор не стал ждать ответа, отвернулся к полковнику, протянул ему руку, повторяя: — Доктор медицинских наук Христофоров Николай Николаевич. — Он счел нужным еще добавить, специально для полковника: — Доктор-то я доктор, но в этом недуге еще не более как стажер. Виню себя, клянусь себя. Ну, вы там шляпили, какой с вас спрос. Но я-то, я-то, старый дуралей, ведь я врач, нарколог, черт меня подери. Куда смотрел?! Виновен, виновен!

Затем он обернулся к Знаменскому, ему протянул руку.

— Вас не разберу, худо прочитываетесь. Машины вашу роскошную углядел в окне. Зачем вы здесь? Почему? Из иного мира гость. Ну, мир-то у нас один, мирки разные. Так вот вы, молодой человек, из иного мирка, не для сих мест гость. Кто это вас? Во вчерашней атаке участвовали? Стало быть, на нашей стороне? Рад за вас. Стойте, стойте, где-то я вас встречал!..

— Ростислав Знаменский,— сказал Знаменский, отводя глаза от пронизывающих, в сталь по цвету глаз Христофорова.

— И фамилия на слуху. Журналист? Телевидение? Узнал? Так?

— В прошлом,— сказал Знаменский, пытаясь высвободить руку, но доктор наук медицинских посильнее имел руку, чем натренированный теннисист. И зачем-то доктору наук требовалось длить свое рукопожатие.

— А все-таки журналист? Не люблю журналистов. Ваш брат все знает, всех учит. А заболит — глядишь, и перетрусил, и пал духом, и мнителен, и несведущ. Не обижайтесь. Опираюсь на опыт.

— Он милиционер у нас,— сказал полковник Мальцев.

— Ах, вот как? Не похож. Впрочем, ныне все меняется, все меняется. Что ж, поздравляю, милиции нужны интеллигенты с несколькими генерациями культуры. Я вот из крестьян. Впрочем...— Наконец, Христофоров выпустил руку Знаменского. И вдруг поскукнел, построжал, официально уселся за однотумбовый столик, извлек из ящика канцелярского вида тетрадь.— Ну, и какова же цель вашего прибытия? Свидания я не рекомендую. Не смею.

— Мне бы только сказать ей одно слово,— сказал Петя Брагин, шепотом сказал, не разжалось горло.

— Какое?— спросил доктор, подняв руку с шариковой ручкой; будто собрался это слово внести в канцелярскую тетрадь.

Петя Брагин сглотнул, ища это слово, готовый его вымолвить; но слова не было, он не знал

его; он знал лишь, что должен найти его, это слово, произнести его, чтобы Ира знала, что он... А что он? Что он?! Не отыскивалось это слово, не оживало в нем.

— Это и хорошо, что не находите слова,— сказал доктор, взъерошивая свою пестро-седую бороду.— И я вам тут не помогу. Никто вам не поможет. Слова такого нет. Муча есть, а слова нет. Что ж, ну что ж, поглядите друг другу в глаза. Рискнем... Не знаю, не знаю... Рискнем... А вы, милостивые государи, вон отсюда. Здесь и мне нечего делать. Уйдем. Ее я пришлю. Уйдем. Пошли. Вон нам отсюда! Кто мы перед ликом отчаяния? Наблюдатели?! Долой нас отсюда!

Размахнув руки, доктор стал выпроваживать из своего кабинета полковника и Знаменского, да и себя самого подгреб. Вышли в коридор, двинулись к выходу. А Петя Брагин остался в кабинете, и Знаменский не посмел, уходя, глянуть на Петю.

У выхода доктор приоткрыл одну из дверей, распорядился:

— Вчерашнюю девочку в мой кабинет. И оставьте их там вдвоем. Минуты на две-три, если она эти минуты выдержит. Будьте рядом, за дверью. И уведите, помогите уйти, если начнет кричать.

Немолодой женский голос, усомнившись, отозвался из-за двери:

— Ох, я бы не советовала, Николай Николаевич!

— Исполняйте!

Подталкивая руками и себя выдворяя, доктор вывел полковника и Знаменского на улицу, в этот унылый переулок, который, как оказалось, был полон жизни, света, приветливости, в милых был домиках.

15

Съездить на дачу перед отлетом в Красноводск не удалось, потому что отлет был перенесен с завтрашнего утра на сегодняшний вечер. Так решил полковник Мальцев. Он решил так еще у двери наркологического пункта, едва лишь увидел он его. Все тот же был. Да разве за пять минут изменится человек? Ну, горе у человека, ну, обожгла его беда, ну, в ярости он. Но за пять-то минут что еще может прибавиться к этому убийственному набору? Оказывается, может. Все тот же он был, так же набекрень и нелепо сидела на бинтах фуражка, так же расстегнут был ворот, чтобы все знали, что милиционер-то он милиционер, но из десантников, и ордена на мундире за Афганистан, и что он готов покататься кое с кем, пощады не будет. Такой вошел, такой и вышел. Нет, не такой. Он иначе вышел.

Он тихим вышел. А входил, взведенный яростью. Он вышел, как человек, принявший решение. Ничто, никакая сила не могла теперь его остановить. Яростные могут уняться, остыть. Такие, вдруг притихшие, пойдут до конца. Только смерть их может остановить.

— Сотрясен человек, — сказал Христофороз. — Побегу, взгляну, как она... — И сорвался, забыв попрощаться.

Петя Брагин узнал полковника, узнал Знаменского, чуть даже улыбнулся им. Он был тих и кроток. Пугающе тих и кроток.

Он подошел к машине, отворил перед полковником дверь, не торопя, позвал:

— Поехали.

— Да, поехали. — Полковник сел в машину. — Сегодня же. Летите в Красноводск. Сегодня же. Вечерним рейсом. Там Знаменскому надо кое-кого опознать. Подсобишь ему, прикроешь.

— Я тоже так думаю, что их теперь надо искать в тех краях, — сказал Петя Брагин. — Значит, совпало у нас с вами, товарищ полковник?

— Совпало, Петя. Рванули в управление, Ростислав Юрьевич. Только не наломай там дров, старший лейтенант, прошу тебя.

— Там леса нет, одни пески да горы, — сказал Петя. Ровно звучал его голос, и он вовсе не шутил, просто устанавливал общеизвестный факт, что там, в Туркмении, одни пески да горы.

Знаменский вел машину, как повел бы ее Брагин, но тот Брагин, до этой двери. Знаменский гнал машину. А Петя Брагин, каким вышел из той двери, даже попросил Знаменского не гнать:

— Ростислав Юрьевич, сбавьте обороты, нам приключения сейчас не нужны. — Этот тихий голос, это благоразумие пугали в нем.

В управлении все, что следовало сделать, делали Знаменский и полковник, это они спешили, а Петя Брагин не спешил. Он задумывался часто, совсем утихая. Вдруг остановится, обернется вдруг, глядя невидящими глазами. В управлении, где трудно было сыскать человека, который бы не знал, сколь страшна бывает жизнь, на Петю Брагина посматривали сейчас не без оторопи. Тут понимали, что это за тишина зажила в нем.

Знаменский получил пистолет. «Вальтер» попросил, как советовал полковник. Получил он и удостоверение, синенькие корочки. Там значилось, что он сотрудник, и там был зарегистрирован его пистолет.

Вот как крутила-вертела с ним жизнь, стал он сотрудником, правоохранителем. Звания у него еще не было, назначение в жизни уже определилось. И «вальтер» этот, повисший под пиджаком и под левой рукой на оперативном ремне с кобурой, тоже не шуточное являл в его жизни тяготение. И когда в подвале, где был тир, подучили Знаменского наскоро, как обращаться с личным оружием, пострелял он из этого действительно ладного, легко легшего в ладонь пистолета, услышав ладонью, как тот, отдавая от выстрела, дружбу как бы с его ладонью завязал, твой, твой, мол, я, вместе мы теперь, — когда пострелял так, то и еще, озарением, понял, что жизнь меняется, жизнь еще более строга для него.

Полковник Мальцев уединился с Петром Брагиным в своем кабинете, наставления последние давал старшему лейтенанту, профессионалу. А так называемого вольнонаемного, именно так, намятого по его собственной воле Знаменского, отпустили, выдав еще билет на самолет, командировочное предписание, деньги, какие полагались на недельную командировку. На неделю они отправлялись в Туркмению всего лишь.

Уговорились с Петей Брагиным встретиться уже в Домодедове, попрощался Знаменский с полковником Мальцевым, который ничего ему не сказал, только руку покрепче обычного сжал, и покатила Знаменский домой, к маме. Надо было собраться в дорогу. Но что за сборы, когда уезжаешь всего на неделю? И все-таки набил большой портфель, огорчивший его своей пижонской красотой. Лучше бы скромный небольшой чемоданчик взять. Но такого скромного чемоданчика в доме не нашлось, все вещи тут, им накупленные, когда ездил по заграницам, были такими же, как этот портфель, пижонскими, похваляющимися. Можно было взять чемоданчик матери, но он уж очень был жалок, стародавний. До такой простоты Знаменский еще не дорос.

Предстояло проститься с Леной. Предстоял телефонный разговор с ней. Провожать его она наверняка не вызовется. Не заведено было. Когда улетаю куда-нибудь, если, конечно, не на долгий срок, Лена его не провожала. А вот когда возвращался, тогда, конечно, нельзя было не встретить. Машина-то нужна была ему, когда возвращался, чемодан-другой прибавлялся ведь к багажу. Да и соскучивалась она по своему пареньку, застрявшему в заморщине. Так уж повелось у них.

Он набрал дачный телефон, горячо надеясь, что трубку возьмет не теща, которая бы замучила его расспросами, и не тесть, который, узнав, кто звонит, поникнет голосом, хотя и попытается тотчас его взбодрить. Тесть все время ждал иных звонков, судьбоносных, так сказать.

Трубку подняла Лена.

— Ленок, я улетаю в командировку, — обрадовавшись, что это она и что разговор будет коротким, бодро сказал Знаменский.

— Что за страна? — поинтересовалась жена. Она дожевывала акусное что-то, нельзя было не дожевать без азарта, а где-то вдалеке, за спиной у нее, струились, переплетаясь, мужские и женские голоса. Гости! Как и обычно в субботу и в воскресенье. Навалом гостей. И все его приятели и приятельницы. Хорошо, что не скатал на дачу, он не мог бы сейчас снести весь этот светский гам.

— Страна? — переспросил он.

— Ах да, я забыла! Ну, что за городишко нашенский?

— А все-таки страна. Лечу в Красноводск, а это — Туркмения.

— Ах вон что! К этой бабе потянуло? Ну, Ростик, ты даешь!

— О чем ты? Где Красноводск, а где Ашхабад. Пойди, взгляни на карту.

— Я и без карты могу понять. Я ведь баба, милый мой муженек, а мы, бабы, соображаем про такое всякое. Ну, кати! Лети! Что ж, лети, лети! Машину возле маминого дома оставишь?

— Да.

— Ключи ей оставь. Условились?

— Условились.

— Не забудешь?

— Не забуду. — Он повесил трубку.

Ксения Казимировна вознамерилась было проводить сына на аэродром, но сын отговорил мать. Да и между ними тоже не было заведено, чтобы мать провожала его, когда он улетаю в короткие командировки. А неделя — это разве срок у разлуки?

— Что за командировка? — все же обеспокоилась мать. А им, матерям, и должно обеспокоиваться. Ксения Казимировна только и жила беспокойством о сыне, и когда маленьким был, и когда подросток. Гулять ушел, а ей беспокойство, запоздал на час, а она места себе не находит. Удел материнский.

— Обычная командировка, — сказал сын. — Семь дней. Лечу в Красноводск. — И он вдруг обрадовался, вспомнив круглоголового веселого Мерета, вспомнив море, и дальше, дальше проникнув памятью, туда, за пределы, куда мы отлетаем не по билетам, а душой потянувшись.

И мать, женщина ведь, тоже спросила:

— К той?

— Да что ты, мама? Взгляни на карту, где Красноводск, а где Ашхабад.

— Взгляну, сынок, взгляну. — Она его перекрестила.

А в аэропорту Домодедово, куда прикатил на такси, когда уже вечер наступил, Знаменского ждала ну никак не ожидаемая им встреча.

Только вышел из машины, подхватив портфель, с плащом на руке, — любил он так, налегке, пускаться в путь, — как еще в дверях, разводящих свои створы из стекла, лишь подойди к ним, углядел Петю Брагина. Едва узнал, так тот незаметно оделся в дорогу. Был он в солдатской брезентовой робе, солдатские в обтяжку брюки были заправлены в высокие, грубые башмаки, излюбленную обувь альпинистов. Куртка на груди разошлась, и выглядывала из глубины синяя полоска. На бинты свои он натянул десантский со звездочкой берет. Погоны под брезентовой робой не угадывались. Но зато угадывалось — у себя эту тяжесть ощутил — там, под робой, под левой рукой, оружие. Повис там у Пети пистолет, крупная машина, не «вальтер» почти игрушечный, а мощное оружие профессионала, умеющего стрелять с обеих рук, падая, кувыркаясь, не глядя за спину, миг даже не потратив на прицеливание, — словом, как это делается им в кино. Но Петя Брагин был не из кино. Фильм, в который вступал и он, Ростислав Знаменский, был объемным, с запахами, с непредсказуемым монтажом, с непредсказуемыми поворотами сюжета, со смертельными, возможно, исходом; это был фильм по имени Жизнь.

Поздоровались глазами, вошли в гулкий, суматошный вокзальный зал, где под потолком перелетали воробьи и было им там привольно, как над полем.

И вот тут-то неожиданная, именно что непредсказуемая, ждала Знаменского встреча. У закрытого киоска «Союзпечати», где народ не толпился, — кто на короточках, кто сидя на бетонной, разместились семеро друзей Пети Брагина, семеро бывших десантников, отслуживших

в Афганистане, семеро «афганцев», как ныне в народе их окрестили, этих парней, опаленных войной, тем более странной и даже чудовищной, что мир-то во всем мире вроде бы еще держался. Мир был, а кровь лилась.

Посредине этой семерки, нет, не «великолепной», хотя так и хочется назвать их так, поскольку семеро их было, поскольку могли они — уж это точно, — все то могли проделывать, что и пресловутая «великолепная семерка» из кинофильма-боевика, да и проделывали, но в жизни, а не в кино, в том-то и дело, что в жизни, — сидел их старшбй, по-азиатски подтянув под себя ноги. Все семеро были одеты так же, как и Брагин. Робы, в обтяжку брюки, береты, синий промелек тельняшки, тяжкие башмаки, годные для горных восхождений.

Как к родным радостно шагнул к ним Знаменский.

— Пришли проводить? Вот молодцы!

Семеро скупно улыбнулись ему, одинаково как-то, отцедив улыбку, но все же улыбнулись, признали, приняли. Но и только. Слов сказано не было. А какие, собственно, нужны были слова? Да, они здесь. А где им еще быть, если с их другом стряслась такая беда? Многие они перевидали, вот и еще увидали.

Петя Брагин сел с ними, стал восьмым. И Знаменский сел рядом с ними на бетон, наплевая на светлый пиджак и пижонские джинсы, которые, впрочем, и должны были терпеть такую с собой бесцеремонность, ибо были-то штанами для ковбоев. Но вот куда деть ноги, этого Знаменский не знал, не обучен был сидеть так, хотя поколесил в избытке по Востоку.

Ну, посидели недолго так. Молчали, но будто и разговаривали. Оказывается, когда такие парни тебя принимают, с ними и помолчать в радость. И как сразу на душе делается покойно в их кругу, как сразу все принимает свои размеры, свою сущность. Жаль, что сейчас их разлучит стальной голос женщины, то и дело объявляющий о регистрации билетов, о посадке на очередной рейс, о прибытии очередного лайнера. Да, вот и их рейс объявлен, вечерний рейс на Ашхабад с посадкой в Красноводске. Вот и их приглашают зарегистрировать билеты.

— Пошли, — сказал Петя Брагин. Он поднялся, но с друзьями попрощаться не стал. Прощание состоится у той триумфальной арки, где произойдет современный церемониал просвещения и даже обнюхивания, без которого ныне в путь уже не пускаются сыны и дочери последней четверти двадцатого, цивилизованнейшего столетия.

Зарегистрировав свой билет, Знаменский хотел было вернуться к парням, приехавшим их проводить, чтобы попрощаться, но у киоска афганской семерки уже не было. Куда подевались? Когда успели исчезнуть? Странный все же народ.

Петю Знаменский ни о чем спрашивать не решился. Петя Брагин был все время рядом с ним, но был он все время отгорожен от него, ото всех отгорожен, двигался, действовал как бы в незримой загородке, обособившей его, погруженного в тишину.

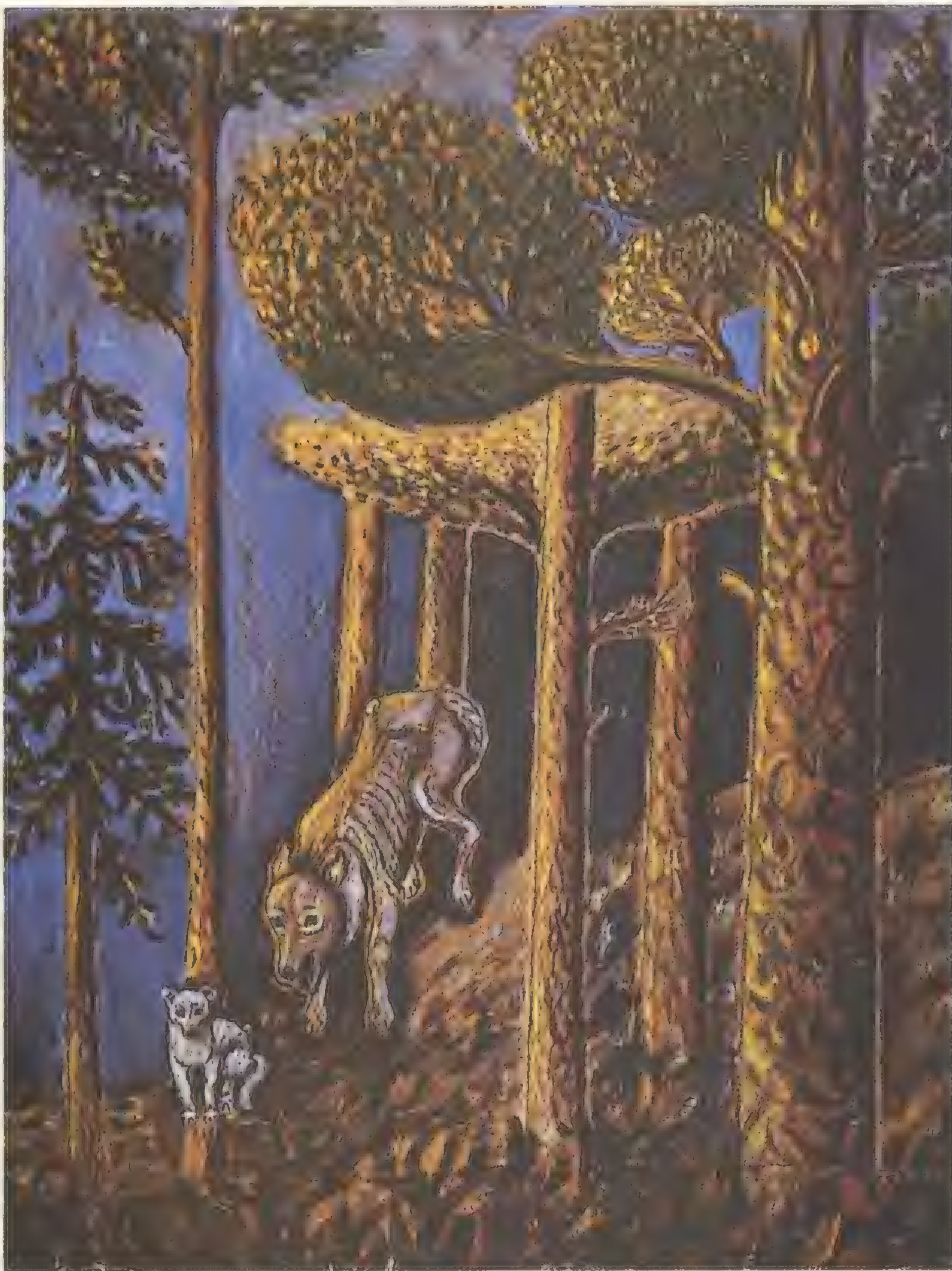
Арку Знаменский прошел в новом своем качестве, когда целый сгусток металла на нем, когда звон был поднят сигнальный, но, глянули две женщины на контроле на книжечку, в книжечку, а синие эти корочки, глянули не без изумления на него, а затем повертел книжечку в руках лейтенант воздушной милиции, и он был пропущен, этот металлоноситель, столь не похожий на людей милицейской службы.

А там — самолет, взлет, молчание, хоть и сидели с Петей рядом, двухчасовая полудрема ночного полета, невидимый во мгле Каспий, когда самолет пошел на посадку, приземление, выход на воздух, невероятный этот морской и каракумский воздух, до рези в легких ветрено-свежий, с десятков шагов по почти неосвещенному пространству от самолета к хмурому строению аэровокзала, и вдруг горячие, сильные и мягкие руки Мерета, его свежее дыхание, чудесный аромат его собственного одеколона, составленного из запахов сильного тела, свежего шашлыка и чуть-чуть, ну, совсем чуть-чуть водочного дуновения.

— Друг! Ай, рад тебе! Ай, саям алейкум, друзья!

— И я рад тебе, Мерет, дорогой, — сказал Знаменский и оглянулся, чтобы представить Мерету Петю Брагина, и недоумевая, куда это Мерет вдруг кинулся.

А он кинулся, оказывается, здороваться с Петей Брагиным, но еще и со всеми его друзьями, со всей семеркой. Вот оно что! Парни не провожающими были в московском аэропорту, а отлетающими. Вот оно как! Они прилетели этим же самолетом, вместе летели. Вот это проводы друга! Вот это друзья! Зачем? Почему? Но спраши-

ПРИТЯЖЕНИЕ ЛЮБВИ К ПРИРОДЕ

ПЕЙЗАЖ.

Начало на стр. 8.

ется Селиванову передавать в некоторых портретах «проникновенность» взгляда. Этот взгляд, как на старинных иконах, не оставляет зрителя, «ведет» его, откуда бы он ни смотрел на картину. На выставках обычно впечатляет одна из лучших работ Селиванова — его «Автопортрет». На зрителя почти в упор смотрит светлыми глазами бородатый старик, знающий себе цену, эдакий мудрец чародей из русского фольклора, носитель вечных истин, очарованный

ПУМА. 1970.

странник-правдоискатель. Сам же Иван Егорович в жизни маленького росточка, с небесной голубизны глазами, вполне земной человек со своими практическими заботами, страстями и амбициями. Он так и написал: «Я мужик, который между прочим делает еще и картины».

По выставкам путешествуют его работы, без обид надо сказать, неравноценные по качеству: от ученических до известных, по рекомендации ЗНУИ украсивших художественный фильм «Серафим Полубес и другие жители земли».

Когда в середине 60-х годов появились работы Селиванова, общественность отнеслась к этому довольно спокойно. В последние два года его «открыли» журналисты центральных газет, неудержимо называвшие Селиванова «русским гением», «самородком необыкновенного веса и блеска». Его «Девочку» сравнили с Джокондой Леонардо да Винчи, его самого с Дюрером, с Пиротом, во всем объеме стали цитировать записи Селиванова («писанину»), добиваться для него почетных званий.

А между тем и здесь нужна мера. Творчество И. Е. Селиванова не обособленное явление нашей народной культуры, а одно из возможных в ней направлений. Называя этого талантливого самостоятельного художника «наивным», «интуитивным», «самобытным», «народным», не погрешим против истины. Все определения будут справедливы и в той или иной мере отразят сущность творчества не только Селиванова, но и других известных нам природных талантов, где-то учившихся или самоучек, не «гениев» и не «выразителей» и даже далеко подчас не наивных в своем отношении к искусству. И не число посетителей выставок, а только качество самих произведений может быть мерилom их самобытности, доброты и красоты.

Свое 80-летие Иван Егорович Селиванов встретил известным самостоятельным художником Российской Федерации. После всех хлопот устроен его быт. По решению кемеровских областных партийных и советских органов и по желанию Селиванова на территории Инского дома-интерната построена ему изба, напоминающая прежнее жилье в Прокопьевске. Одна из комнат — мастерская. Существование Ивана Егоровича проходит в привычной для него среде, а не в малюсенькой комнатке интерната, куда он был первоначально помещен. Снабжен красками и кистями, но творчески уже не может работать — стал слепнуть и глохнуть.

Прошли его персональные выставки в Москве, Кемерове, Новокузнец-

СЕМЬЯ ПЕТУХА. 1983.

ке, Белове, Подольске. Работы Селиванова хранятся в Музее самодеятельного творчества народов РСФСР в Суздале. Наконец, в Югославии вышла «Всемирная энциклопедия наивного искусства», где не затерялись имя И. Е. Селиванова и его «Автопортрет».

Но как хотелось бы, чтобы мы не забывали и о других, талантливых и самобытных, не раз прославлявших народное творчество на выставках в нашей стране и за рубежом. О тех, кто еще не обласкан, не одарен вниманием и заботой ни органов культуры, ни местных властей. Умерли почти в безвестности Ефим Чесняков, Иван Никифоров, Николай Комолов, Константин Третьяков, неизвестна судьба талантливого Павла Леонова, тоже учащегося ЗНУИ, никто не позаботится о прекрасной, самобытной Елене Волковой, живущей в маленькой комнатухе в Москве со взрослым сыном. Где творить ей? Можно назвать еще имена. Сколько раз нужно повторить, что творчество самородков из гущи народной — живописцев и скульпторов — наше национальное достояние? И нам следует позаботиться о нем и о самих творцах. Время привело нас к необходимости создать в Москве Музей народной живописи как своеобразный центр для самобытных художников, желающих выразить свое «притяжение любви к природе».

Если Музей народной живописи будет организован, отдам ему свое собрание работ художников-любителей. Буду с ним сотрудничать.

КОТ НА СНЕГУ. 1975.

вать их о чем-либо не следовало. Молчуны. Значит, так им было нужно. Петю Брагина тоже ни о чем не следовало расспрашивать, он бы и не ответил. Можно было спросить Мереди, если он хоть что-то знал, хотя наверняка он ничего не знал о намерениях этих парней, лишь догадываясь, что они вместе со спутником Знаменского прибыли, со старшим лейтенантом Петром Брагиным, да и были обряжены так же, как и он. А стало быть, с ними со всеми надо было здороваться, радоваться их приветствовать на земле красноводской, ликовать по случаю их прибытия в город-порт Красноводск. И Мереди ликовал. От всего сердца, как ему было свойственно. Но вот он снова кинулся к Знаменскому.

— Ростик, дорогой! Гостиница, стол, чал,— ай, нет Самохина, хороший был человек! — ждут тебя! Ростик, если бы ты знал, как я тебе рад! Слышишь! Друзья, вы слышите! А! Нет, это не гул железных птиц! Это море шумит! Каспий! В какой райский уголок вы прилетели! У вас там уже зима, так? У нас тут еще лето! Завидую вам! Рад вам! Милости прошу!

Да, может, и не услышал он гул моря, может, лишь почудилось, но услышал Знаменский иное в себе, радость услышал, — да, да, у чувства этого был звук. И даже еще и запах. Здесь воздух пах так же странно и диковато, как и в Ашхабаде, близкие Каракумы наносили этот воздух. Как и в Ашхабаде. А там жила Светлана.

16

Та же гостиница, где останавливались они с Самохиным, и тот же «люкс» на втором этаже. Совпадение? Но и тот же стол, в тех же яствах, в пустом, уже закрывшемся на ночь ресторане. Графинчик чала даже не забыл заказать этот милый, славный, умный, заботливый, ну, словом, замечательный парень, этот начальник всей красноводской культуры и муж секретаря обкома, а в недалеком прошлом киномеханик и вообще родной брат Ходжи Насреддина. И даже пахло в ресторане так же, как тогда. Пахло посудомойкой, стильным бараньим жиром — что может быть хуже? — но пахло и морем и пустыней, ветер доносил с улицы, из города этот слитный могучий дух, от которого бледнели щеки, завораживалась душа.

Все было готово к приему хоть и поздних, но дорогих гостей. Длинный стол был завален осенними щедротами сих благословенных мест, если только немного напиться водой землю. Дыни, арбузы, гранаты, хурма, виноград — прямо прилавок сказочно изобильного азиатского осеннего базара, длинный прилавок, каким-то чудом оказавшийся в узких стенах гостиничного ресторана.

— Похоже, амударьинская водичка уже начала тут у вас свою работу? — спросил Знаменский, залюбовавшись столом-прилавком.

— Начала! Замечаешь? А! — Мереди ликовавал. — Мы и раньше могли, но теперь еще больше можем! Принимаю душ теперь, пожалуйста! Хоть утром, хоть ночью! Друзья! — Он обратился к уже усевшимся за стол парням-десантникам. — После скромного ужина, прошу учесть, можно будет у нас принять душ! Представляете, щедрый душ в Красноводске? Когда это было? Аллах с подобной ситуацией встречается впервые! А пока, прошу, отведайте нашей лепешки, нашей шурпы!

«Афганцы», к которым присоединился Петя Брагин, тесно обсади дальний конец стола, отгородились, похоже, от Знаменского и его приятеля Мереди, от штатских. У тех свой был разговор, у парней-десантников — свой.

Но они еще и к еде не приступили и никакого разговора между собой не вели. Сидели, скинув рубы, одинаковые снова в своих выбеленных афганским солнцем полевых гимнастерках, чуть ли не с одинаковыми на груди наградами — у каждого было по ордену Красной Звезды, по горсти медалей и значков, колодочка сине-красно-желтых полосок, свидетельствующих о ранениях. Старший лейтенант Петр Брагин тоже был при орденах, не снял он и погоны. Только старшой никаких не имел на груди ни наград, ни полосок, хотя они были на его гимнастерке, невыцветшими метами остались, но он их в какой-то строгий для себя час снял и спорол, сказав себе, возможно, одно-единственное слово: «Зачем?» Да, зачем все эти доказательства ратной доблести, когда обрублена кисть руки?..

Парни сидели и принимались к аромату, витающему над столом, ветер, хлопающий дверью, ловили ноздрями. Где они были сейчас? В духане Кабула, у тамдыра чабанов, у собственного костерка на привале в горах? Этот воздух здешний, аромат плодов земли этой, был им знаком, он был породнен с ними, они возвращались, вспоми-

нали. Самое высокое и страшное, что выдалось им в короткой их жизни, пахло этим воздухом.

— Друзья, шурпа не любит остывать! — призвал к трапезе Мереди и первый зачерпнул от пламенеющего жира шурпы. — Но вот водки нет! Ну, нет ее, нет! Не нужна она воину, идущему на бой! Я так считаю... — Он наклонился к Знаменскому, округлил глаза, зашептал: — Группу захвата с тобой прислали?

— Ага! — кивнул Знаменский, будто что-то знал.

— Я знал, что вышел на след, — сказал Мереди, гордый собой. — Я тоже кое-что стою, хотя... — Он хлебнул, забывшись, пламенной шурпы, поперхнулся, задышал раскрытым ртом. — Хотя... следа-то пока еще нет... Есть и нет... То есть, то нет... Скажи, Ростик, тот, круглый, в Небит-Даге, который подошел к тебе, в черном курдском халате и в ошской тюбетейке с черным узором, он хоть какую-нибудь бороду имел?

— Не помню. Не вспомню. Нет, кажется, нет.

— Ну, хотя бы кустик какой-нибудь под подбородком, седенький кустик? Ведь он был стариком, так?

— Стариком. Хотя... У него были крепкие зубы. Знаешь, такой, когда в старое лицо вставлены молодые зубы.

— Хорошо сказал! Ну, тогда усики должны быть. Ну, хотя бы маленькие, как зубная щеточка. Были усики?

— Нет, не помню. Кстати, я совсем недавно встретил в Москве одного круглого, старого, но тоже со вставленными в старое лицо молодыми зубами. Штампуют, что ли, этих гадов?

— Тот, в Москве, был русским?

— Кто его знает. Такие жизнелюбы круглые как-то утрачивают с годами свою национальность.

— Опять хорошо сказал! Слушай... — Мереди снова зашептал: — Тут у меня в графинчике с чалом, — зачем нам чал, если нет Самохина? — немножко водки есть. Чалом я ее только подбелил, чтобы замаскировать. Слушай, им нельзя, а нам нужно. Помянем Самохина. У русских ведь полагается помянуть, так? Выпьем! Чуть-чуть... — Он налил мутной жидкости в пиалушки, припал к своей и, только уже отпив, сказал: — Не чокайся! У вас не чокаются в таких случаях. А у нас вообще нельзя пить, аллах не велит. Но он простит меня сегодня, я надеюсь. Скажи, тот, без бороды и усов, но в курдском черном халате и в ошской тюбетейке, если ты не спутал узор, скажи, какой у него был голос?

— Противный.

— Ай, не даешь ориентиров! Я весь Небит-Даг обшарил. Нет такого человека. Я даже согрешил на одного. Но... Нет, не он, не может быть, чтобы он... Хотя... Но он не носит халатов и тюбетеек. Никто никогда не встречал его в подобной одежде. Даже когда он пьян бывает, он всегда европеец, всегда при галстуке. В нашу жару, а не равно при галстуке. Но он тоже круглый. И он тоже тонким голосом разговаривает, когда сердится. Правда, он почти никогда не сердится, он почти все время улыбается. Вот так... — Мереди оскалил зубы, улыбнувшись и не улыбнувшись, а именно оскалившись. — Похоже?

— Да, похоже, — насторожился Знаменский. — А ведь похоже! Ты знаешь такого человека, Мереди?

— Знаю! Но это не может быть тот человек, это всеми уважаемый человек. Табиб! Доктор! Болел сердце лечит.

— Кардиолог?

— Зачем? Венеролог. Нет, это не он. Богатый человек, спокойный человек. Веселый. Щедрый. Некоторых даже бесплатно лечит. Он у нас живет, дом тут у него с садом. Но он и в Небит-Даге живет. Там у него приятельница, милая женщина, тоже табиб. Он и в Ашхабаде живет. Там у него тоже есть дом и сад.

— И милая женщина?

— Было бы удивительно, если бы ее не было. Гурии льнут к этому Какабаю. Как шурпа, друзья? — Мереди обратился к своим гостям у противоположного края стола. — Есть огонь, а? Напомнила Кабул?

Старшой отозвался:

— Напомнила, напомнила. Краем уха слушаю ваш разговор. Три дома у человека, говоришь? Знакомая картина. След ты, Мереди, взял верный. Табиб, говоришь? Видали мы этих табибов. Днем в зад акалывает пенициллин, ночью в спину ударяет ножом. Покажешь нам своего Какабая. Предъявишь Ростиславу Юрьевичу. И не надо тянуть с этим.

— А, сегодня утром улетел в Ашхабад! Будто почувствовал, что надо исчезнуть. Но не верю, не верю! Хороший человек! Зачем ему, когда у него такая золотая профессия в руках? Сколько себя помню, столько он был богатым и щедрым.

— Но ты вызвал меня на него взглянуть? — спросил Знаменский.

— Но что мне было делать? — Мереди, впадая в отчаяние, даже начал кричать: — Круглый! Зубы! Голос тонкий! Неслышно ходит. Подкатился, укатился, есть он, нет его. Улыбается вот так. — Мереди снова оскалился. — Похож! Но никогда не ходил в халате, не носил тюбетейки! Измучился я! Решил вызвать друга, посоветоваться. А вас сразу вон сколько прибыло! А если я ошибся? — Тепло, тепло, — сказал кто-то, незнакомо прозвучавшим, процеженным сквозь зубы голосом. Знаменский глянул на этот незнакомый звук. Слова эти проговорил не разжимая губ Петя Брагин. — Горячо даже... — сказал он. — Кинулись?.. Старшой, встали?!

— Встали, — сказал старшой и поднялся. — Но откуда ты знаешь, Мереди, что он улетел в Ашхабад, а не еще куда-нибудь?

— Летчики сказали. У него друзья среди летчиков, но и у меня друзья среди летчиков. Улетел, сказали, Какабай сегодня утром, в Ашхабаде людям понадобился.

— Тогда организуй нам немедленный вылет в Ашхабад, — приказал старшой. — Быстрее, быстрее! Мигом!

— Как это? — опешил Мереди, потускнев. — Ночью! Кто летает ночью?

— Мы летаем, нажми там на кого-нибудь. Брагин, свяжись, если нужно, с Москвой. Быстрее, быстрее! На выход!

Солдаты, это были солдаты, уже снова в своих робах, изготовившиеся к бою. Воздух здесь не обманул их, это был воздух войны, такой, какую они знали, от которой еще не отошли.

Была команда «На выход!», и дверь ресторана распахнулась и захлопнулась, а ни Пети Брагина, ни семерых солдат уже не было в ресторане.

— Где я им возьму ночью самолет? — пал духом Мереди. Пал и воскрес, восхитившись: — Но какой народ! Вот это, Ростик, люди!

— Жена... — подсказал Знаменский. — Жену попроси достать самолет.

— Придется... Ни о чем ее никогда не просил... Придется... — Мереди, как перед подвигом, расправил плечи, шагнул, как с обрыва, к столику в углу ресторана, на котором был телефонный аппарат. Коротко набрал номер. Вздрыгнул, услышав властный, даже до Знаменского дошедший, властный женский голос. — Акджемал? — робко спросил Мереди. — Да, это я. Нет, я не пьян. Почему по-русски заговорил? Потому что рядом со мной стоит русский человек. Ты сама меня учила, что невежливо говорить по-туркменски, если в комнате находится русский, который по-туркменски не понимает. Откуда я? Я из ресторана. Ну, я тебе говорил же, что жду гостя. Акджемал, подожди, не делай мне выговор, пожалуйста. Тут совсем все другое, ласточка моя. — Мереди подождал, пока его ласточка властным голосом выскажет ему все, что она о нем думает, а потом сказал: — Товарищ секретарь обкома, официально говорю, нам нужен самолет. Немедленно! Вылет в Ашхабад! Для задержания преступника! Под вашу ответственность! — Мереди взмолился: — Ростислав Юрьевич, скажите ей! Она думает, что я пьян!

Знаменский взял трубку, переняв бурную и из острых камней, как лавина в горах, фразу.

— Здравствуйте, с вами говорит Знаменский из Москвы, — сказал он, выйдя навстречу «лаvine». — Служба безопасности, — представился он, хотя и не знал, а так ли представляется. — Группа захвата, — сказал он, чтобы убедить во что бы то ни стало. — Нам действительно нужен самолет на Ашхабад. И немедленно.

В трубке все смолкло, и надолго. Наконец совсем другой голос, той же женщины, но вступившей в иную задачу, откликнулся:

— Хорошо, я свяжусь. Отправляйтесь в аэропорт. — Гудки в трубке объявили, что разговор окончен.

— Похоже, самолет будет, — сказал Знаменский, не без изумления глянув на Мереди. — Да, брат, нелегко тебе.

— А тебе легко? Зять министра. Но иногда это бывает на пользу дела. Слушай, давай еще хлебнем нашего чала, а? Я весь взмок от этого разговора. Я никогда ее ни о чем не просил.

Хлопнула дверь, появился на пороге Петя Брагин, торопя:

— В машину! Ваш портфель и плащ, Ростислав Юрьевич, в машине. Быстрее, быстрее! Не вышло хлебнуть чала.

— Быстрее! Быстрее! — Это уже старшой подгонял водителя грузовика, оторопело поглядывавшего то на дорогу, то на сидевшего рядом с ним однорукого десантника в тельняшке.

Продолжение следует.

И НИКАКИХ ПРОБЛЕМ

Анатолий РУБИНОВ

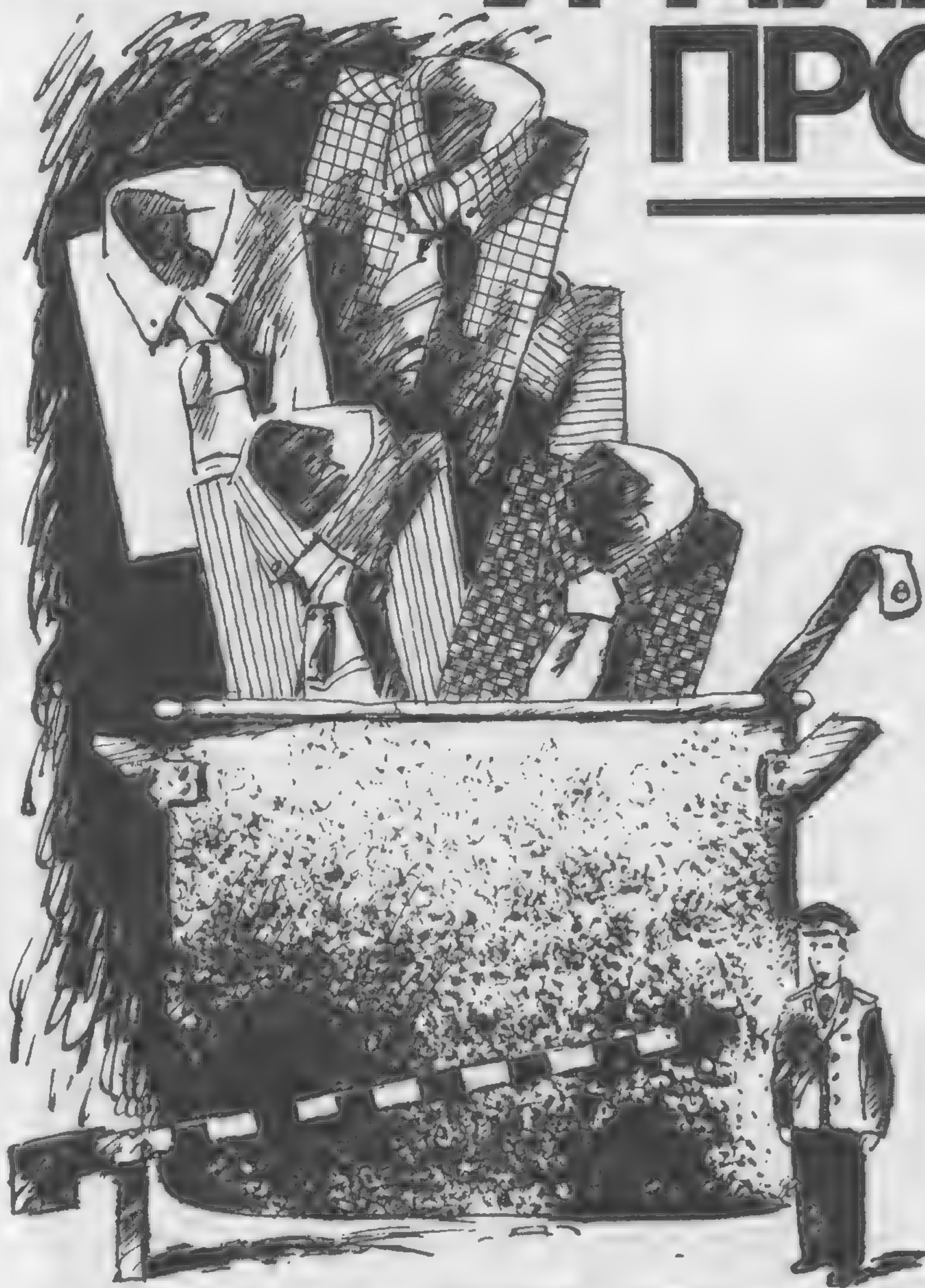

Рисунок Левона ХАЧАТЯНА

ПО ЧЕТВЕРГАМ СОТРУДНИКИ МИНИСТЕРСТВА БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РСФСР ПРИХОДЯТ НА РАБОТУ СО СВОИМ ГРЯЗНЫМ БЕЛЬЕМ. ПОТРУДИВШИСЬ ЧАСОК-ДРУГОЙ, ОНИ ОТРЫВАЮТСЯ ОТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЛ И С ВИДОМ ЛЮДЕЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ОЗАБОЧЕННЫХ ИДУТ С «ДИПЛОМАТАМИ» НА КПП. МИМО КОМАНДИРОВАННОЙ В СТОЛИЦУ ПУБЛИКИ, МИМО КАБИНЕТА МИНИСТРА — В СЕКТОР ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА.

НЕ ДУМАЙТЕ, ОДНАКО, ЧТО КПП — ЭТО КОМАНДНЫЙ ПУНКТ ПРЕДПРИЯТИЙ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ. НЕТ, ЭТО ВСЕГО-НАВСЕГО КОМПЛЕКСНЫЙ ПРИЕМНЫЙ ПУНКТ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ТРУЖЕНИКОВ МИНИСТЕРСТВА. ЗДЕСЬ ПО ЧЕТВЕРГАМ ПРИНИМАЮТ В СТИРКУ МУЖСКИЕ СОРОЧКИ.

Скажу во всеуслышание: это секретный приемный пункт лучшей в стране прачечной. Раз в неделю специальным рейсом автофургона специальная приемщица приезжает на улицу Станиславского на полтора часа, и все это время шофер зеленого «уазика» томится, пока происходит разгрузка «дипломатов». А потом машина едет в другой конец Москвы, за Москву-реку, на далекую улицу Вавилова, отвозит мешок грязного белья, а на завтра та же спецприемщица спецрейсом вместе с водителем идет по коридорам мимо командированных, мимо кабинета министра, где, вполне возможно, как раз в это время обсуждаются злободневные проблемы улучшения обслуживания рядового населения, в том числе модные нынче вопросы

самоокупаемости и самофинансирования. Что касается спецКПП, то его не касаются вопросы самоокупаемости — никто не подсчитывает стоимость спецприемщицы, спецшофера, спецрейса, спецбензина. Сотрудники министерства тихо и любезно расплачиваются на улице Станиславского теми же копейками, что и публика на улице Вавилова, где находится метрополия фабрики. Там, в метрополии, все выглядит драматичнее: с утра пораньше собираются толпы людей, чтобы втиснуться в рубашечную квоту, потому что лучшая в городе «фабрика может выстирать в день только 750 сорочек». Такое объявление, написанное для умиротворения скандальной публики, выносится для обозрения уже около девяти часов утра. Вместе с рукописным же сообщением: «Прием сорочек в стирку окончен»...

Превосходная фабрика все же немножко обманывает публику: ее мощность гораздо больше... Если говорить о четверге, то хотя бы на число грязных сорочек, которые снимут с себя сотрудники главного бытового ведомства и их родственники.

У этого ведомства тонкий вкус! Оно не пригласило к себе на КПП соседнюю справа прачечную, потому что там не умеют хорошенько гладить воротнички. Оно не позвало к себе соседнюю слева прачечную: там не умеют прилично крахмалить манжеты, не потребовало к себе соседнюю спереди прачечную: там вообще не умеют стирать. И теперь лучшая в столице прачечная с утра пораньше оголяет приемную в своей метрополии, бесплатно гонит машину чуть ли не с Профсоюзной улицы в центр города.

У меня состоялся очень содержательный разговор с одним из профсоюзных работников, Л. М. Гераковой. Лилия Михайловна очень довольна услугами прачечной:

— Прекрасно работают! У нас все мужчины теперь такие красивые и чистенькие. Ходят накрахмаленные. Выглядят как огурчики!

Окруженные привозной заботой, сотрудники министерства вообще, наверное, полагают, что никаких проблем в республике со стиркой сорочек отныне нет — в этом они всякий раз убеждаются по четвергам. Нет забот и с химчисткой. В среду работники министерства прибывают на службу с грязными юбками и запятнанными пиджаками.

Торопившаяся приемщица мешала мне спокойно прочесть весь список услуг, которые оказывает министерский КПП. Она тормошила и не давала записывать в блокнот:

— Гражданин, перестаньте писать! Гражданин, мне некогда!

Ее можно было понять. Она не могла оставить чужого человека в КПП, который до завтрашнего утра следовало закрыть на ключ, и я успел записать только несколько пунктов: «пошив швейных изделий, пошив головных уборов по индивидуальным заказам, парикмахерская, ремонт бытовой техники, ремонт металлоизделий...». Последним я успел записать «прием ритуальных услуг», когда меня выставили: вынесли фирменный мешок, полный несвежих министерских рубашек. Глядя приемщице и шоферу в спину, я спросил, куда же они так торопятся.

И оба, повернувшись, не без гордости хором ответили:

— В Госплан!

Я, разумеется, понял, что не на совещание, посвященное развитию сети прачечных, — за госплановскими грязными рубашками. Больше времени мне потребовалось понять, что в КПП вывешен не перечень уже оказываемых услуг, только программа, потому что даже изготовление головных уборов по индивидуальным заказам еще не производится. Но развитие бытовых услуг (в здании министерства!) идет вперед — накануне спецрейсом приезжала представительница трикотажной фабрики, привезла очень много образцов. Сотрудники, бросив дела и посетителей, сбегались со всех этажей, кое-кто заказал плиссированные юбки, колготки, вязанные кофточки, но выбор, по свидетельству той же Л. М. Гераковой, был невелик. Что касается Лилии Михайловны, то она не сделала ни одного заказа и ос-

талась в убеждении, что в республике с трикотажными изделиями пока еще неважно. Л. М. Геракова, которой поддакивали ее коллеги, заявила:

— Это очень хорошо, что хоть прачечная работает прекрасно. Но разве одной стирки сорочек и чистки одежды достаточно? Мы же работаем до половины седьмого! Когда же нам ходить по приемным пунктам?

Из этих слов видно, что Министерство бытового обслуживания населения РСФСР знает потребности населения, но, очевидно, полагает, что все остальные министерства, предприятия, фабрики, учреждения днем баблужи бьют или работают по ночам и что у населения, кроме сотрудников Минбыта РСФСР, сколько угодно времени, чтобы бегать по утрам в прачечную, которая заканчивает прием сорочек в стирку еще до девяти утра, поскольку фабрика успевает справиться за день только с 750 рубашками.

Знаете ли, нет ничего проще, чем ликвидировать дефицит! Для тех, кто в этом дефиците повинен... Мне уже доводилось писать о кондитерских фабриках, которые решили проблему нехватки ароматных сластей тем же способом, каким командование бытовыми услугами справилось с дефицитом стирки рубашек. Напомню лишь, что знаменитая фабрика печенье старательно делает торты и отправляет их в «свой» магазин, где на каждой картонной коробке написано имя автора изделия или его родственника, подруги. Потом в магазине этот сладкий дефицит продают, выкликая покупателя по фамилии, и тут происходит новая встреча автора с его произведением. А для некоторых покупателей это сладкий почтовый привет: на шоколадке торта вполне можно написать белым кремом личное послание, не ошибившись адресом: «Нинка, не ешь много — тебе сладкого нельзя!»

Мне много приходилось разговаривать с кондитерами разных рангов, и — удивительно! — все они убеждены, что кондитерских проблем у нас нет. Кто это сказал, что нет сухого печенья — «Марии», «Школьного», «Крекера»? Сколько печем! А торты — да любые! А зефира, пастилы просто завалили, уже надоели, хочется, наоборот, чего-то солененького.

Об этом я думал, выйдя из здания министерства на улице Станиславского. И разве странно то, что именно на улице великого режиссера вспомнилось его знаменитое восклицание: «Не верю!» Видел старик, но не верил. И я видел дивный приемный пункт, где на моих глазах сотрудница Управления внешних сношений министерства сдавала в стирку шесть рубашек своей семьи и восемь своего начальника — она справилась с бытовыми делами буквально за одну минуту! Я видел это сам, но никак не могу поверить, что проблемы стирки сорочек уже вполне решены в масштабах республики, не в одном только доме на улице имени великого режиссера.

Ах, эта улица! Другой аромат заставил меня снова изменить ход мыслей. Ближе к улице Горького я поравнялся с явно нежилым, нарядным, недавно построенным зданием, без всякой вывески, только с номером. И оттуда пахло ароматом щей, борщей, жаркого, натуральных, а не порошковых киселей, жарящейся рыбы. Букет аппетитных ароматов заставил меня вспомнить, что пора и перекусить. Я отворил дверь, и на меня строго, непонимающе, в упор посмотрел милиционер.

— Это что, столовая?

Милиционер при телефоне на вопрос ответил вопросом:

— Гражданин, вам куда?

До чего же не люблю, когда ко мне обращаются с этим в принципе хорошим словом «гражданин»!

Все-таки это оказалась столовая. Исполкома Московского Совета народных депутатов. Лукавая, милиционер сказал, что вход не здесь, но не сказал, что в эту столовую входа

вообще нет. В этом чуть позже я убедился сам, а сейчас понял, что милиционер охраняет не вход, а выход.

В исполком Московского Совета народных депутатов может пройти каждый гражданин. Достаточно только показать советский паспорт. Я показал паспорт, прошел в здание и имел право поговорить с любой секретаршей, записаться на прием к начальнику, спокойный труд которого она оберегает. Но в столовую войти я не мог. Не имел права записаться в столовую даже на месяц вперед.

В исполкоме Моссовета на всех его этажах было множество посетителей, которые пришли со своими заботами к народным депутатам. К некоторым из них тянулись большие очереди, настолько большие, что бедные начальники отделов не успевали с приемом до обеда. Прием прерывался по очень уважительной, естественной причине — начальник должен наконец поесть. Но его посетители обедать не должны: в здании исполкома Моссовета обедает только тот, кто имеет пропуск в столовую. Об этом терпеливо, десять раз в минуту, говорил воспитанный рослый мужчина с прекрасной выправкой и в белом халате. Он приветливо кивал тем, кто протягивал пропуск, и довольно любезно повторял остальным одно и то же:

— Только по пропуску, только по пропуску, только по пропуску...

Как потом выяснилось, это вовсе не сотрудник столовой. Ей как раз недостает рослых, сильных мужчин — тяжелые котлы приходится таскать женщинам, а у входа в столовую стоит переодетый милиционер. Его удивительная приветливость объяснялась цивильной формой одежды: белый, крепко накрахмаленный халат.

Люди наперебой задавали милиционеру в белом одни и те же вопросы:

— Где поесть-то? Может, где-нибудь поблизости столовка есть? Вон сколько свободных мест! Почему не пускаете?

— Только по пропуску, только по пропуску, только по пропуску...

У меня был другой вопрос: как все-таки люди нашли столовую без входа? Она находится в другом квартале, и к ней ведет никак не обозначенный уютный подземный ход, который, вероятно, стоил немалых денег. А вот на вопросы, которые задавали милиционеру в белом халате, ответы я знал: поблизости от здания Моссовета столовых нет! А в кафе, в ресторанах сейчас повсюду очереди, да и не всем по деньгам ресторанные разносолы.

Мне все-таки удалось узнать, что пропусками в столовую распоряжается общий отдел исполкома Моссовета. Конечно, немножко странное название для отдела, который не пускает избирателей в столовую и заботится о том, чтобы все служащие исполкома Моссовета, не только начальники, но и инспектора, инструкторы, референты, уборщицы, лифтеры, секретарши, машинистки могли спокойно обедать в своем кругу.

Заместитель заведующего общим отделом В. В. Бухтияров был крайне приветлив, совсем как тот рослый мужчина с прекрасной выправкой и в белом халате. Он попросил задавать вопросы. Сначала выложить их все для того, как я предположил, чтобы ответить на них разом. И я задал:

— Почему бывалые посетители исполкома Моссовета приносят с собой на прием узелок и термос? А небывалый посетитель просто дожидается очереди голодным? Кого пускают в многоэтажную столовую? Кому дали пропуски на обед? Кто, что, почему?..

Получив вопросы, заместитель заведующего, продолжая чарующе улыбаться, пригласил меня пройти к самому заведующему. Как я понял, он не знал ответа ни на один вопрос и его обязанности заключались только в том, чтобы собирать вопросы. Но к заведующему общим отделом вошел он один, вежливо попросив меня и моего коллегу немножко постоять у двери или даже посидеть. Мы сначала

немного постояли, а потом немножко посидели. Наш новый знакомый вышел из кабинета тоже улыбающийся, но не так приветливо — в глазах появились искры. Он повел меня и моего коллегу к себе в кабинет обратно, и мы сначала поняли только то, что в аудиенции, которой мы не домогались, нам отказано. Торжествующе улыбувшись, В. В. Бухтияров сурово сказал тоном, каким отдают в армии приказ:

— Возвращайтесь в редакцию, и вам там все объяснят.

Я вернулся, но мне ничего не объяснили, и поэтому я все это написал. И еще потому, что столовая, в которой я ни разу не едал, очень хороша, если верить словам ее директора А. И. Зябкиной, третьей начальной категории, то есть совсем дешевая, однако в ней очень вкусно и старательно готовят, всегда есть свежие овощи. Со слов директора я понял, что проблемы общественного питания в столице решены, что есть возможность готовить вкусно и дешево, с витаминами и обедать в спокойной обстановке, без очередей, которые особенно трудны для голодного человека, потому что желудок ну никак не хочет понять, что такое дефицит.

Признаюсь, голод тогда меня не мучил. Скажу еще откровеннее: эту столовую я знаю давно, поскольку изредка бываю в здании Моссовета по делам — про ее недоступность «гражданину», про ее неприкаемость, про стерегущих ее двери милиционеров, один из которых работает, стоя в белом.

В кабинетах Моссовета все чаще идут праведные разговоры о самокупаемости и самофинансировании. Под эти разговоры, например, повысили стоимость проезда в трамвае и троллейбусе. Почему бы, однако, не применить ту же идею самокупаемости в своей собственной столовой? Почему бы не взять на свой кошт, на свой расход милицескую охрану, спереди и сзади? Зачислить ее в свой штат, чтобы это отражалось на бюджете столовой?

...Самое забавное, однако, случилось потом. Я увидел знакомый зелененький, крытый тентом «уазик», который возит белье из министерства в прачечную на улице Вавилова. Только приемщица была другая, но она держала в руках такие же фирменные мешки, не один, а целых пять. Я подошел, все разузнал: действительно, спецпункт (КПП) есть и в Моссовете!

Я нашел его во дворе. На нем висела вывеска — вы не поверите! — «Управление внешних сношений». А у входа стоял милиционер. Не в белом, в обычной форме. Меня он, конечно, не пустил: «Гражданин! Вам куда?» Но я подошел к окну, поднялся на цыпочки и, уткнувшись носом в стекло, разглядел совсем небольшую, но прекрасную очередь. Она тянулась к женщине с фирменными мешками и состояла из спокойных мужчин, которые уже выложили на прилавок свои ношенные сорочки. Все мужчины выглядели безукоризненно красиво! Лилия Михайловна из Минбыта РСФСР сказала бы: «Как свежие огурчики».

Вот так решил исполком Моссовета для своих работников трудную, затянувшуюся проблему со стиркой сорочек, без всяких там самофинансирований и самокупаемостей, по той же цене, что и на улице Вавилова, которую берут со счастливых, втиснувшихся в квоту из 750 рубашек. Здесь квоты нет. В самое рабочее время, до обеда у моссоветовских заказчиков приняли для освежения 302 сорочки. В отличие от Минбыта сотрудники исполкома Моссовета приезжают на работу со своим грязным бельем не раз в неделю, а два...

ОКЛИКНУТЬ КАНАТО- ХОЗЦА...

Начало на стр. 2—3

снять. А позднее, 4 июля, на первой сессии горсовета нового созыва, депутаты вновь избрали Петрушина председателем исполкома.

Как признался мне один из выступавших: «Вы даже представить себе не можете, какое это счастье — сказать не то, что тебе навязывают, а то, что думаешь!»

Да, в Брежнев остались жить тысячи тех, кто строил город и завод по блочному-кирпичному, они знают цену словам и делам. Тут свои лидеры, свои признанные авторитеты. И неформальный суд старых товарищей, первостроителей, невозможно подменить произвольно навязанным осуждением, идущим от высшего начальства.

Ну, как пройти мимо такого яркого факта победы демократии? Конечно, он привлеч внимание журналистов! 31 мая о событиях в Брежнев написала «Строительная газета», а 12 июля — газета «Московские новости». В обоих выступлениях с разных точек зрения дан развернутый анализ ситуации. И что же? «Строительной газетой», как рассказали мне горожане, которой всегда было довольно в киосках, на сей раз почему-то на прилавках оказалось мало. Не получили ее в тот день и некоторые подписчики. «Московские новости» многие тут выписывают, но... на английском языке: кое-как переводили, переписывали от руки. По городу поползли самые невероятные слухи.

Пока коллеги-журналисты дожидались реакции на свои выступления, автору этих строк, которого вежливо попросили не присутствовать на заседании бюро горкома, где собирались обсудить «проекты ответов», удалось побывать на собрании партхозактива по тому же вопросу. Но тут корреспондента «Огонька» попытались уже публично выставить из зала, допытываясь, кто именно пригласил его сюда. Странно: ведь в прежние времена горком партии куда более приветливо относился к прессе. Над сооружением КамАЗа долгие годы шефствовал «Огонек», представителей нашей редакции, которые приезжали вручать призы журнала лучшим бригадам, встречали куда более радушно!

Первые же слова выступления Узла Галимовича Хусаинова перед активом города убедили: объективных выводов из урока, преподанного гражданами и их депутатами, бюро горкома партии для себя не сделало.

— Огонь, который было уже затух, разгорелся вновь, — патетически говорил У. Г. Хусаинов. — Думаю, выражу наше общее мнение, если скажу, что выступления печати лишь дезорганизуют нашу работу. Вот и снова из «Огонька» приехали... Хотя конфликт не красит ни меня, ни Петруши-

на, появление статей мы расцениваем как попытку вбить клин в нашу работу, подорвать единство городской партийной организации...

Не скрывая недоумения, расходились люди. Снова на их глазах пренебрегли истиной. В который уже раз суть дела, реальная борьба между различными силами перестройки были надежно упрятаны под удобное покрывало «конфликта между Хусаиновым и Петрушиным».

...Между апрелем и июлем устроить открытое преследование сразу двух десятков городских депутатов, да еще перед грядущими выборами, никто не решился. Время не то. Но...

Председателя объединенного стройкома «Камгэсэнергостроя» Юлию Сергеевну Пронину, ту самую Юлию Пронину, первостроителя, перед новыми выборами горком кандидатом в депутаты не утвердил: будет знать, как высовываться! Так же произошло и с Кифаей Муллахметовой Ганеевой, главным врачом санэпидстанции. Многих вызывали по одному, вели «воспитательные» беседы.

Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, бригадир каменщиков В. С. Мавликов четырежды (единственный!) на заседаниях бюро горкома голосовал против снятия Петрушина. Вазила Салиховича почтили своим посещением прямо на стройплощадке работники обкома КПСС, увещевали, уговаривали «опомниться», «поддержать» горком партии, выражающий волю обкома, не защищать больше Петрушина. Мол, его судьба все равно предрешена. Рабочий, первопроходец Набережных Челнов, честный коммунист, Мавликов не пошел на сделку с совестью.

Но все это цветочки по сравнению с тем, что пришлось пережить бывшему депутату горсовета коммунисту Л. Д. Штейнбергу. Ему-то, как говорится, досталось по полной программе.

Штейнберга называют в городе «ходячей легендой», «живой историей» Набережных Челнов. Это именно он с первых дней стройки организовал и возглавил боевую комсомольскую дружину, которая наводила порядок в городе почти лишь собственными силами. Через БКД прошли сотни комсомольцев, многие теперешние хозяйственные и партийные работники. Если ты работал со Штейнбергом, считают здесь, — значит ты человек порядочный, неподкупный. Значит, ты надежен, на тебя можно положиться в любой ситуации. Леонид Данилович удостоился ордена «Знак Почета» и медалей, за все годы он не имел ни одного партвысчисления. Бесстрашный человек, он, будучи еще заместителем начальника городского УВД, лично участвовал в самых рискованных операциях. Подразделения милиции, пожарной ли охраны, которые он возглавлял, становились передовыми.

Я снова гляжу на старую фотографию... Май 1977 года. Леня, не очень любивший сниматься, стоит как-то

СТАДИОН

сбону, за спинами товарищей. У него еще свежа в памяти схватка с бандитами в Казани, когда его ранили ножом в печень, а друга Артема Айдинова убили... Уже погиб на боевом дежурстве другой его друг, Игорь Асман... Штейнберг улыбается застенчиво, такое мгновение остановила фотокамера...

Хроника травли подполковника Штейнберга говорит сама за себя.

3 апреля он выступил с резкой критикой в адрес бюро горкома партии, защищая Петрушина от несправедливых нападок.

С 5 по 12 апреля Леонид Данилович по командировке ЦК ВЛКСМ находится в Грузии, на могиле Айдинова, передает его матери деньги, собранные милиционерами, пожарными и членами городской БКД. Он не ведает, что его судьбу уже предрешили.

13 апреля выходит приказ министра внутренних дел Татарии о переводе Штейнберга начальником пожарного отряда военизированной охраны в Зеленодольск. Причины понижения: «передвижение в интересах службы». На его место назначают офицера М. З. Заниева, которому остался год до пенсии.

Леонид Данилович на три месяца попадает в больницу.

21 апреля младший сержант внутренней службы Екатерина Новинова вылетает в Москву, везет в МВД СССР коллективное письмо в защиту Леонида Даниловича — более 70 подписей. Возвращаясь, девушка не знает, что по приказу Заниева сотрудники отдела пожарной охраны «перекрыли» аэропорт. Катини друзья сумели опередить их: ее встречают у трапа, отвозят домой на «Жигулях». Служебную машину, на которой незадачливые сыщики ездили отлавливать Новинову, задерживает милиция при въезде в город...

Пока Леонида Даниловича выводили из кризиса врачи в больнице, в горком партии двинулись делегации сослуживцев. Пришли и старые друзья, начинавшие некогда строить в одной команде и со Штейнбергом, и с Хусановым. «При чем тут горком, ребята? — оправдывался Хусанов и разводил руками. — Это же приказ министра...» — Он старался не смотреть товарищам в глаза. Люди молча уходили.

Однако недовольство смещением Штейнберга было так велико, а само «передвижение в интересах службы» столь несправедливо, что приказ отменили. И только недавно Леонида Даниловича, оставив в городе, назначили заместителем начальника дежурной службы пожаротушения Управления пожарной охраны МВД республики.

Наше расставание с Узлом Галимовичем Хусановым было невеселым. Но он, спокойный и уверенный в себе, твердил: «Не вмешается еще раз пресса — все будет в порядке». Разговор происходил 20 июля.

Через четыре дня местная «Знамя коммунизма» перепечатает наконец статьи из центральных газет. Почти два месяца — вот какой срок понадобился для действия логичного, очевидного, единственно правильного: предать события гласности, пресечь кривотолки.

В том же номере поместят и «проекты ответов», попросят читателей «высказать свои замечания и предложения». И никто из жителей города, откликнувшихся на призыв газеты, кроме тех, кто присутствовал на партхозактиве, не заметит того факта, что тексты «проектов», утвержденных в горкоме партии, разительно отличаются от увидевших свет на страницах «Знамени коммунизма».

Например, никто из коммунистов города не голосовал на этом партхозактиве за то, что «У. Г. Хусанов и Ю. И. Петрушин стали причиной создания конфликтной ситуации и появления в городе различных слухов» (адресуется «Московским новостям»). Равно как и за то, оказывается, что «автор статьи односторонне осветил вопросы строительства города...» (упрек «Строительной газете»). Ну как тут не понять авторов инициативы по «проектам ответов»? Разве не соблазнительно поставить на место при помощи «общественного мнения» тех, кто не разделял навязанную горкомом оценку событий? А заодно и журналистов!

Не успеет город опомниться от этого, на вид демократического поступка, как наступит время иных, более серьезных новостей. 5 августа У. Г. Хусанова и второго секретаря И. К. Морозова освободят от занимаемых должностей «по их личной просьбе»...

Я возвращался в Брежнев с тяжелым сердцем. Город выглядел притихшим, в учреждениях люди говорили между собой вполголоса. Задуматься было над чем. По всей вероятности, обком партии давно уже наметил кадровую перестановку в горкоме. Но как выглядела она в глазах ни о чем не догадывающихся коммунистов города, если Хусанов и Морозов, «подумав» всего два часа, дружно подали в отставку? Если безо всякой подготовки тут же собрали заседание бюро и к вечеру пленум?..

Хусанов мне по-человечески симпатичен. Ведь он тоже «человек с фотографии», первопроходец, и на этом снимке стоит плечом к плечу со старыми товарищами... Жаль только, что искренность и верность юности оставлены Узлом Галимовичем; боязнь громов и молний из столицы Татарии, вечный страх разочаровать начальство возобладали над иным выбором — прислушаться к голосу сердца, встать на сторону справедливости и правды.

...Секретарей освободили, признав, что они не справились с руководством городской партийной организацией. Поразительно быстро изменилось мнение об Узле Галимовиче даже у работников горкома. «Нам легко работать с Хусановым, — ведь это говорила мне примерно за две недели до его отставки секретарь горкома партии Л. В. Шилова. — Он умный, широко образованный человек...»

Первым секретарем горкома стал 35-летний Александр Иванович Логотов, человек, заслуживший хорошую репутацию в городе. Его кандидатура ни у кого не вызвала возражений. Он настроен по-боевому, у него много хороших планов. На Логотова смотрят с надеждой: с его назначением ситуация в городе не упростилась, да и сам Александр Иванович не имеет иллюзий на этот счет. В отличие от своего предшественника новый первый секретарь, отринув амбиции, последовательно ищет верный тон в диалоге с горисполкомом, партийным активом Брежнева, ищет единомышленников. Вот и город думает и надеется: хватило бы у Александра Ивановича мужества и сил.

...После освобождения Хусанова что-то не заметил я особой радости на лице Юрия Ивановича Петрушина. Еще в апреле собирались снять его, а ушел Узл Галимович... И ведь распрощаться с Петрушиным, невзирая на его авторитет в городе, проще простого! Мало ли событий происходит каждый день? Мало ли случайностей, которые при желании можно обернуть в закономерность? Допустим, автобус попал в аварию, картошка на базе сгнила... А если уж конкретнее — с социальным бытом в Автограде вышел перекосяк, потому что Петрушин закладывал объекты, главным образом в поселке Камгэс, когда был первым секретарем Комсомольского райкома партии... Обеспеченность предприятиями бытового обслуживания составляет по городу всего 19 процентов... И за все он отвечает головой.

Петрушин энергичен, деятелен, но обидчив... Он прирожденный организатор, честен, открыт, эмоционален. И если его, «строптивца», не смирили до сих пор, так только потому, что Юрий Иванович никак не вписывается в стандарты и стереотипы.

Меня убеждали: да стоит ли об этой истории — в «Огонек», еще раз? Дескать, теперь-то Юрий Иванович защищен как нельзя лучше, пусть спокойно трудится дальше на благо города. Последний аргумент: разве отставка Хусанова и Морозова не есть, по сути, конкретная реакция обкома партии на выступления «Строительной газеты» и «Московских новостей»?

А ему не спится ночами, он думает, думает... Он тоже не железный, устал. Да к тому же несколько лет подряд не дают отпуска. Плюнуть на все, уехать из города? Нет уж, дудки! Он не отступит, потому что иначе начисто перечеркнет свою жизнь; друзья расценят это как предательство; его единомышленники, если с ними не расправятся по одному, станут циниками, не верящими уже ни во что; без преувеличения тысячи людей, которые смотрят на него сегодня с надеждой, разочаруются в реальности перестройки... А верят ему крепко, об этом свидетельствует и волна писем, которая обрушилась на редакцию местной газеты.

«Строю город с 1970 года. Хочу сказать огромное спасибо тов. Петрушину за смелость и неугомонность. Эти объекты нужны нашим детям, внукам. Ф. А. Еникеева, крановщица, навалер орденов...»

«Если б наши руководители стояли вместе с нами в очередях в магазинах, если б они ездили с нами в автобусах на работу, они бы лучше поняли просчеты и недостатки, всю нашу боль. Н. Б. Богомолов, рабочий».

«На деле столкнулись не две личности — две морали. Одна мораль — коммунистическая, мораль перестройки. Вторая мораль — бюрократическая, антипартийная. И, как видно, перестроить эту мораль не собираются. В. Писигин, член КПСС, слесарь ТЭЦ КамАЗа».

Рабочий город, мнением которого пренебрегали столько лет, готов говорить честно, открыто о наболевшем, во весь голос, чтобы сохранить, уберечь пока еще робкие ростки демократии, которые пробивают себе путь к свету. Силы демократии и справедливости ответственны перед будущим, и думается, что убеждения людей, открывших в себе эти силы, необратимы.

Например, сегодня все чаще раздаются голоса, звонки, идут в горком партии десятки писем о том, чтобы вернуть городу его прежнее историческое название. Многие считают, что совсем неоправданно, что их родной город, их Набережные Челны, носит имя бывшего руководителя страны, который и не бывал никогда на КамАЗе, человека, с именем которого связана «эпоха застоя». А его огромный портрет с множеством звезд на пиджаке и по сей день нависает над залом в городском музее...

Сегодня перед всеми и каждым открыта дорога к берегу демократии. Вначале многим представлялось, что берег этот настолько доступен и близок, что стоит лишь шагнуть... Однако по ходу перестройки оказалось, что все не так просто. Толпою вброд? Но ведь можно и утонуть, не зная броду... Не по этой ли причине колебания и долгие раздумья перед дорогой заставляют одних оставаться на прежнем берегу, и только самые смелые, решительные люди пускаются в путь по натянутому канату?

...Вот он идет, балансируя, ступая по струне, на страх и зависть провозжающим его в молчании. Он двигается все дальше, к берегу света. Не окликайте канатоходца, ведь он может сорваться! Для него все равно нет дороги назад — к косности, круговой поруке, лжи и пустословию. Он обязан, должен идти, поддержанный нашей верой. Следом пойдут другие.

г. Брежнев, Татарская АССР.

Чемпионат страны по теннису на кортах таллинского стадиона «Динамо» в старинном парке Кадриорг не был обделен вниманием зрителей, хотя дождь то и дело загонял всех под крышу зала, не лучшим, увы, образом подготовленного к соревнованиям столь высокого ранга.

Капризы балтийской погоды помешали турнирную «сетку», сбивали расписание встреч. Но борьба как на грунтовом, так и на синтетическом покрытии порою шла упорная. Пример — полуфинальный матч А. Высанда с А. Зверевым, длившийся более четырех часов. Все же разница в классе двух-трех ведущих игроков и всех остальных оказалась удручающе велика.

Отрадно, правда, что на таллинских кортах в основном лидировали молодые. Тревожит вот только отсутствие новых имен, а значит, и потенциального резерва сборной.

В мужском одиночном разряде третий раз подряд победил девятнадцатилетний москвич Андрей Чесноков, у женщин — вторично шестнадцатилетняя минчанка Наталья Зверева. Серьезного сопротивления они здесь не встретили.

Так что теннисные призы «Огонька» за успехи на международной спортивной арене по итогам минувшего сезона как бы «угадали» чемпионов СССР нынешнего года. Наши хрустальные кубки дождались победителей на судейском столике рядом с официальными наградами первенства...

А пока происходила торжественная церемония награждения, тут же, на втором ковре (кстати, неудачно наклеенном и вздувшемся пузырями, от которых не отскакивал мяч), продолжался финальный поединок женских пар. Ситуация, казалось бы, немислимая на теннисных турнирах, где во время розыгрыша очка не допускается ни малейшего шума или движения возле корта.

Трудно винить организаторов. Они

ТЕННИС В ЗЕРКАЛЕ УИМБЛДОНА

ДЕТЯМ И ВЗРОСЛЫМ ИГРАТЬ НЕГДЕ, НЕ В ЧЕМ И НЕЧЕМ.
НЕБРЕЖЕНИЕ МАССОВОСТЬЮ БУМЕРАНГОМ БЬЕТ ПО МАСТЕРСТВУ.
ТАКОВЫ НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ УЧАСТНИКОВ «КРУГЛОГО СТОЛА»
В РЕДАКЦИИ.

МЫ ПРИГЛАСИЛИ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ОЧЕРЕДНОМ ТЕННИСНОМ РАЗГОВОРЕ НЕБЕЗУСПЕШНЫХ СОЛИСТОВ НЕДАВНЕГО УИМБЛДОНСКОГО ТУРНИРА НАТАЛЬЮ ЗВЕРЕВУ И АЛЕКСАНДРА ВОЛКОВА, СТАРШИХ ТРЕНЕРОВ ЖЕНСКОЙ И МУЖСКОЙ СБОРНЫХ КОМАНД СТРАНЫ ОЛЬГУ МОРОЗОВУ И ШАМИЛЯ ТАРПИЩЕВА, НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ТЕННИСА ГОСКОМСПОРТА, ГОСУДАРСТВЕННОГО ТРЕНЕРА СССР ВИКТОРА ЯНЧУКА И НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ СПОРТИВНЫХ ИГР ЮРИЯ ПОРТНОВА, А ТАКЖЕ ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА СПОРТИВНОГО ИНВЕНТАРЯ И ОБОРУДОВАНИЯ ГЛАВСПОРТПРОМА ЮРИЯ КАПЛУНОВА [ЭТА ОРГАНИЗАЦИЯ ДО СИХ ПОР СТОЙКО ИГНОРИРОВАЛА НАШУ КРИТИКУ В ЕЕ АДРЕС] И СПОРТИВНОГО ТЕЛЕКОММЕНТАТОРА АННУ ДМИТРИЕВУ.

сделали все возможное. Просто очередной чемпионат вновь обнажил острые проблемы советского тенниса, вызвал ряд привычных вопросов, остающихся до сих пор без ответов.

Почему давно уже разлучены с крупными теннисными турнирами Москва и Ленинград? Где бывшие московские международные турниры? Когда, наконец, общесоюзные хотя бы соревнования по теннису «посетят» Ташкент, Новосибирск, имеющие сегодня неплохие условия для их проведения? Как покончить с хроническим дефицитом теннисного инвентаря и оборудования, с острой нехваткой открытых и тем более крытых кортов? Иначе ведь не видать нам в этом, теперь олимпийском виде спорта ни массовости, ни мастерства. А хозрасчетные теннисные клубы, платное обучение теннису детей и взрослых (практика показывает, что от желающих отбоя не будет)? Право, они принесут эффект куда ощутимее, нежели устаревшие спортобщества. Да и деятельность Федерации тенниса СССР приобрела в последние годы формальный характер...

Мириться с подобным положением вещей дальше нельзя. Многочисленные письма читателей свидетельствуют: к теннису как к прекрасной форме активного досуга, как к спортивному увлечению «на все возрасты» тянутся сейчас десятки, сотни тысяч людей. Вот почему он не должен ограничиваться лишь увлекательным телезрелищем (заморским по преимуществу). Теннис сегодня в мире — один из важных показателей здоровья, благосостояния и цивилизованности общества, его культуры, если угодно. А следовательно, он — наше общее достояние, и перестройка не должна обойти его стороной.

Все это обсуждалось за «круглым столом» в редакции накануне нынешнего чемпионата.

А. Дмитриева: — Мы фактически даже не имели времени обменяться мнениями о прошедшем Уимблдонском турнире. Давайте с этого и начнем. Парадоксально, но оба тренера наших сборных в силу различных причин не смогли выехать с командами на это неофициальное первенство мира. Мне подобное положение представляется недопустимым, вредным.

О. Морозова: — На мой взгляд, нынешний Уимблдон подтвердил правильность курса подготовки сборной. Но выявил и наши большие проблемы. Это в первую очередь отсутствие тренировочной базы. В остальном нам сегодня вроде бы грех упрекать Спорткомитет, он в последнее время повернулся лицом к теннису: отпускает сборной необходимые средства, по возможности удовлетворяет все наши нужды. Все есть, кроме базы. Только вообразите, минувшей зимой

женская сборная страны проводила тренировочный сбор под четырьмя разными крышами, то и дело переезжая и перелетая с места на место. Разве подобная ситуация способствует нормальной, ритмичной работе?

И что возмущает, угнетает — вопрос этот никак не решается. Словно нет на дворе перестройки. Как все было пять лет назад, так и осталось. У нас с Шамилем Тарпищевым существует джентльменское соглашение: одну зиму он везет на сборы в Минск мужчин, другую зиму я — женщин. В Минске четыре крытых корта, единственный «оазис» на весь Союз. Но ведь тем самым мы срываем занятия местной детской теннисной школы! То же самое происходит, когда мы проводим сборы в московских залах ЦСКА, «Чайки», «Дружбы». Обделяем драгоценным зимним временем молодых мастеров и, в сущности, рублим сук, на котором сидим, мешая подготовке резерва.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ОГОНЬКА»: — Кажется, шла речь о строительстве вам базы в Москве и Юрмале...

Ш. Тарпищев: — Вот именно, шла. В Юрмале с ноября пылятся на складе дорогостоящее валютное оборудование для будущего теннисного центра, который по-прежнему в проекте...

КОРР.: — И по чьей вине?

Ш. Тарпищев: — Сам до сих пор понять не могу, но, очевидно, Госкомспорта.

В. Янчук: — Тренировочная база в Юрмале — дело очень непростое. Там планируется создание шести-восьми крытых кортов, кроме того, открытых площадок с различными типами покрытий. Как вы понимаете, это требует серьезных затрат и усилий. Мы не снимаем вопрос о юрмальской базе с повестки дня, продвигаем его к решению...

А. Дмитриева: — Не слишком ли долго «продвигаем»?

В. Янчук: — Сейчас готовы одобренные руководством первые документы на исполнение подрядных работ, задание на проектирование и переговоры с подрядчиком.

КОРР.: — А подрядчик уже есть?

В. Янчук: — Пока еще нет.

О. Морозова: — И для предполагаемой базы на юге, в Ишерах, подрядчиков тоже нет...

В. Янчук: — Решение принято, принципиальное и окончательное, так же, как по Юрмале. Поверьте, мы от него не отступимся.

А. Дмитриева: — Верим. Но если три года ушло только на принятие решения, то строительство закончится, по всей видимости, лет через десять. Сколько же поколений теннисистов успеет смениться за этот срок?

КОРР.: — Ответ ясен и крайне неутешителен. Однако дадим пока передохнуть Виктору Николаевичу и вернемся к урокам Уимблдона. Шамиль Анварович, вам слово...

Ш. Тарпищев: — Ну, конечно, мы довольны итогами турнира. Я рад за женскую команду, за Сашу Волкову. Для его дебюта неплохо. И хотя юноши наши проиграли, надеюсь, мы на верном пути. Что же касается уроков, Уимблдон вновь продемонстрировал наше отставание в тактике быстрого нападения, без которой сегодня нечего мечтать о больших победах. Хорошо, что Госкомспорт обеспечил наконец обе сборные насыщенный международным календарем. Здесь у нас теперь претензий нет, и это очень важно. Плохо другое — в зеркале Уимблдона отчетливо отразилась давняя наша беда: нет комплексного подхода. Я имею в виду прежде всего сочетание массовости и достижений высшего спортивного мастерства. Два эти аспекта глубоко взаимосвязаны.

Поставить на ноги советскую школу тенниса — значит в первую очередь серьезно заняться детским теннисом. Он пока вообще ничем не охвачен. Судите сами. В Москве на сегодняшний день 22 крытых корта, и каждые двое детей (это самые лучшие) могут зимой в зале поиграть на площадке не более полутора минут! После такой «школы» мы, тренеры, получаем сложившихся игроков с неисправимыми дефектами техники. Поэтому старших тренеров и взрослых, и молодежных сборных команд страны по теннису можно уподобить генералам без войска.

КОРР.: — А как мы, на ваш взгляд, можем догнать ведущие школы детского тенниса в мире — чешскую, шведскую?

Ш. Тарпищев: — Выскажу свое личное мнение. По-моему, нам не стоит пока стремиться охватить организованным детским теннисом весь Союз — тренерских кадров маловато да и материальная

база слабая. Но наладить работу как следует в двух-трех школах гораздо реальнее, и, уверен, это принесет немедленную отдачу. Ориентироваться мы должны, разумеется, на развитые (пусть и относительно) теннисные центры. Даже Латвию, скажем, сейчас в расчет брать не приходится: на всю Ригу один крытый корт. Следовательно, остается Москва, еще несколько городов...

А. Дмитриева: — Мы обязаны отдавать себе отчет, что столь удручающее положение с детским теннисом сложилось не вчера. Все мы провели молодость в большом спорте, тесно связаны с ним и знаем, кто есть кто. Я лично не вижу даже в Москве подходящей базы для развития детского тенниса. Теннисную секцию ЦСКА возглавляет явно не соответствующий своей должности старший тренер. Как он оказался на этом месте, не нам здесь обсуждать, но факт его профессиональной некомпетентности налицо. И то, что в ЦСКА есть два-три толковых тренера, которые могли бы работать с детьми, сути не меняет: эта центральная теннисная база сейчас не в состоянии служить опорным пунктом развития детского тенниса в столице. Аналогичную картину наблюдаем в «Динамо», где практически не осталось тренеров высокой квалификации. И так — куда ни взгляни.

Другая «тренерская» проблема присуща всякому виду спорта: поощряются тренеры, питающие сборную. Их, естественно, привлекают на главные соревнования, сборы, отвлекая тем самым от основной деятельности в обществах. И лучшие детские тренеры невольно превращаются в тренеров одного ученика, разлучаясь с остальными воспитанниками, теряя квалификацию. Вот вам и массовый детский теннис, из которого искусственно выдергивают наиболее результативных наставников!

О. Морозова: — Хочу сделать парадоксальное дополнение к словам Ани. У нас сегодня почти нет тренеров, заинтересованных работать на сборную. Даже Татьяна Наумко, воспитавшей Андрея Чеснокова, и Марату Николаевичу Звереву, отцу Наташи Зверевой, приходится жертвовать собой. От них ведь никто не требует, чтобы они готовили кадры для сборной. Сколько раз, бывало, Марат Николаевич умолял меня разрешить Наташе уехать со сбора и сыграть на первенстве Вооруженных Сил для детей! Руководству общества это важнее, чем победа на Уимблдоне. А мы, в свою очередь, умоляем региональных тренеров работать с членами сборной, состоящими в их обществах, стимулируем этих тренеров поездками за рубеж, хотя им там следует не отдыхать, а напряженно трудиться. Разве нас самих устраивает, что с командой постоянно разъезжают разные люди? Однако деваться некуда...

КОРР: — Я вижу, Саша Волнов набрался решимости вступить в беседу...

А. Волков: — Калининград мой родной вспоминался. Никому у нас там теннис не нужен, держат как ласынку — ни инвентаря, ни кортов. Два-три человека из местного начальства помогают, чем могут, но этого, конечно, мало. Молодые тренеры, выпускники инфизкульты, приезжают, а сами едва на первый разряд тянут. Каков у ребят к ним уважение? То, что мне с тренером повезло, — счастливое исключение. Но и он со мной по-настоящему заниматься не имел возможности... Детские группы — вообще пародия. Набрать почему-то надо обязательно не меньше тридцати человек, а ракеток на всех не хватает. Так и обучаются: одни ракетками машут, другие им рукой мяч кидают...

Ю. Каплунов: — Для справки: в стране сегодня выпускается триста тысяч теннисных ракеток.

А. Дмитриева: — Каких?!

Ю. Каплунов: — Позвольте, мы же сейчас говорим о детях, которые приходят в секции. Им нужно дать в руки ракетку для овладения основными движениями.

Ш. Тарпищев: — Легкую, заметьте, легкую. И по возможности с удобной ручкой, желательно также с увеличенной головкой.

Ю. Каплунов: — Вопрос не в ручке, а в том, как распределяется выпускаемый инвентарь. Если бы его распределение взял на себя Главспортснаб (пока этим занимаемся мы), не сомневаюсь, что проблема бы исчезла. Вообще же вопрос, с чего начинается теннис, вскрыли выступавшие здесь товарищи, в частности Волков. Я согласен: теннис начинается с тренера...

КОРР: — Теннис начинается с мячинов, которые должны перелетать через сетку. Извините, но то, чем занимается ваша организация, сильно напоминает очковитерство. Я не знаю, сколько ракеток вы выпускаете, однако с уверенностью могу сказать, что хороших среди них почти нет, а современных на уровне мировых стандартов нет вовсе. Совершенно катастрофически обстоит дело с мячами...

Ю. Каплунов: — Но наша организация не отвечает за выпуск мячей. Это продукция Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности.

КОРР: — А свирные струны для ракеток — ваша работа?

Ю. Каплунов: — Нет, Министерства химической промышленности.

КОРР: — Ну, и кто же координирует столь разобщенное производство?

Ю. Каплунов: — Координируем мы и не снимаем с себя этой ответственности.

КОРР: — Хорошо, что не снимаете. Хотя не совсем понятно, в чем ваша ответственность проявляется. Но обратимся тогда к непосредственной продукции Главспортпрома. Скажите, можно использовать для начального обучения детей теннису выпускаемые вами ракетки?

Ю. Каплунов: — Безусловно.

КОРР: — Послушаем теперь мнение специалистов.

Ш. Тарпищев: — Нельзя. И вот почему. Ведущие теннисисты мира играют теперь за счет маха. Так создается реактивная скорость удара по мячу. Когда Чесноков бьет по стоящему мячу, мяч у него летит гораздо медленнее, чем, скажем, у Кэша. Быстрый удар у Андрея получается только, когда он бьет по летящему мячу, то есть за счет скорости удара противника, а не за счет собственного маха. Точно так же «не летит» мяч у Леонюка, Зверева, Габричидзе. Почему? Да потому, что, овладевая в детском возрасте техникой, они вынуждены были ракетку тащить. Тяжелая! Легких ракеток в стране напроць не выпускается. Я не могу найти укороченную детскую ракетку легче 11¼ унции. Только что в Тарту я просмотрел все детские ракетки и не нашел ни одной подходящей.

Ю. Каплунов: — А сверхлегкие лицензионные ракетки «Кнайсл»? Едва их начали выпускать, от них стали отказываться именно из-за слишком малого веса.

Ш. Тарпищев: — Не знаю, кто отказывается. Мы, тренеры, испытываем острую нужду в «Кнайслах» для юных игроков, а вот принципы распределения лицензионных ракеток — тайна за семью печатями даже от тренеров сборной... Лично мы их не получаем. Кстати, вопрос о закупке производственной линии никто с нами не согласовывал, и никто не спрашивал нашего совета относительно оптимального выбора фирмы. Но я хочу, в свою очередь, поинтересоваться у Юрия Яковлевича: почему, когда во всем мире полностью прекращен выпуск деревянных ракеток, мы продолжаем производить их в возрастающем количестве, да еще по большей части таких, что годны разве для выбивания ковров?

Ю. Каплунов: — На сегодняшний день мы лишены добротного отечественного сырья, из которого можно было бы изготавливать пластиковые ракетки. Точно так же лимит полиуретана, идущего на другие нужды, не позволяет нам увеличивать производство специальной теннисной обуви с подошвой из этого синтетического материала. Так что такие проблемы «не уступают» тем, которые затрагивались здесь в разговоре о строительстве тренировочной базы.

В. Янчук: — Но ведь вы все равно выпускаете лишь лицензионную обувь, такую же, между прочим, дорогостоящую, как и ракетки «Кнайсл», а отличные отечественные теннисные туфли за 6 рублей 40 копеек сняли с производства, хотя мы в них все играли и не жаловались. За кроссовками же вашими нынешними еще надо побегать! Игроки их не видят, зато околотеннисная публика щеголяет в этих кроссовках всюду. Спрашивается: по какому принципу и кому они распределяются, если спекуляция процветает?

Ю. Каплунов: — Тенденция к увеличению объема выпускаемой в стране теннисной обуви прослеживается достаточно отчетливо. Еще два года назад мы были на нуле, а сейчас производим 60 тысяч пар. Думаю, зарегистрированных теннисистов у нас не больше.

В. Янчук: — Зарегистрированных теннисистов сегодня в Союзе 80 тысяч.

Ю. Каплунов: — В Ереване заработала высокооснащенная фабрика, которая уже до конца нынешнего года даст 300 тысяч пар лицензионных теннисных туфель. Вступают в строй аналогичные предприятия в системе Госкомспорта. Дефицит, я уверен, скоро рассосется, и проблема спортивной обуви будет решена. Но над распределением ее мы, повторю, не властны... Добавлю, что определенные сдвиги наметились в производстве теннисной одежды — шортов, рубашек, юбок. Этим занимается Минлегпром с привлечением авторитетных зарубежных фирм.

КОРР: — Значит, можно надеяться, что любители тенниса, вроде нас с вами, Юрий Яковлевич, сумеют в недалеком будущем найти на прилавках магазинов удобную и доступную по цене теннисную обувь, одежду?

Ю. Каплунов: — Какая-то часть, именно часть, многотысячной армии теннисистов-любителей, безусловно, сумеет. Но не забывайте, что мы, как подразделение Госкомспорта, ориентированы на удовлетворение спроса членов спортивных обществ и организаций.

А. Волков: — Да «Кнайслы» через месяц летят и при натяжке дают трещины...

КОРР: — Мастерам от них прона мало, а любителям они практически недоступны. И не дорого-ваго ли тому же Волкову выбрасывать каждые два месяца на ветер по полтора рубля, даже если деньги эти из государственного кармана?

Нет, уважаемый Юрий Яковлевич, никак не можем мы разделить вашего оптимизма по поводу проблемы теннисного инвентаря и одежды. Спортсмены, они свое так или иначе получат, и, догадываемся, не из ваших фондов. А вот рядовых любителей, читающих наш журнал, нам пока с ваших слов утешить нечем.

Ю. Каплунов: — Ну, как вы не понимаете! Мы не можем брать на себя чужие функции. Наша задача — заботиться о контингенте лиц, стоящих на обеспечении Госкомспорта. Все остальное — забота Минлегпрома.

КОРР: — Выходит, если людям нечем и не в чем играть в теннис, они должны винить за это Министерство легкой промышленности?

Ю. Каплунов: — Получается так, хотя я разделяю ваше недоумение и сам, как любитель тенниса, испытываю те же трудности. Сегодня у Главспортпрома есть комплексные программы почти со всеми министерствами, задействованными в производстве теннисного инвентаря и оборудования. Наши научно-исследовательские институты работают над улучшением качества материалов, идущих на изготовление ракеток, покрытий, струн, мячей...

О. Морозова: — А ракетки продолжают ломаться, покрытия — трескаться, струны — рваться, мячи — терять через три игры шерсть и прыгучесть. И при этом все работают, все улучшают. Только вот спросить за брак не с кого! Не понимаю, как в условиях перестройки может беззаботно существовать организация, уже много лет не удовлетворяющая спрос ни по каким параметрам? И еще не понимаю, неужели наши лучшие научные умы не могут придумать, а технологи — создать фирменную ракетку, не уступающую зарубежным образцам? Придумать и создать свою перспективную модель.

КОРР: — Ну, вот вижу, наконец решился высказаться новый начальник Управления спортивных игр Госкомспорта СССР Юрий Михайлович Портнов...

Ю. Портнов: — Я с большим интересом слушал развернувшуюся здесь дискуссию, не принимая в ней участия, так как недавно возглавил Управление спортивных игр и не вполне еще ориентируюсь в теннисных проблемах. Но я пришел к выводу, что за этот «круглый стол» полезно будет сесть представителям тех ведомств и организаций, которые упоминались в ходе беседы. Тогда мы сможем попытаться скоординировать нашу совместную деятельность, проанализировать различные ее аспекты — от центра реабилитации будущих тренировочных баз сборной в Москве, Юрмале, Ишерах, включая медицинское обследование, прогнозирование, сбалансированное питание, до массовых теннисных городков в разных районах страны и кортов в летних пионерских лагерях... Пора, давно пора уже нам в Госкомспорте обратить внимание на совершенно нетерпимую далее ситуацию с тренерскими кадрами в теннисе. Семь-восемь человек, как справедливо говорили здесь, набирает ежегодно его кафедра в инфизкульте, а, скажем, борьба — семьдесят — восемьдесят. Естественно, ничего хорошего для тенниса при таком соотношении ждать не приходится.

Положение усугубляется оттоком профессиональных тренеров в группы платных услуг. Любители от этого в выигрыше, юные спортсмены — нет. Общественное уважение к теннису: с ним у нас пока тоже неладно, если лишь десять советских теннисистов удостоились за все время звания «Заслуженный мастер спорта». В той же борьбе сотни атлетов носят это почетное звание. Почему возникли такие расхождения? Теннис стал олимпийским видом спорта лишь с конца прошлого года, а до этого одиннадцати республикам прямо-таки запрещалось развивать его — строить корты, готовить тренеров и т. д. Теперь надо наверстывать упущенное, быстрее предпринимать конкретные шаги...

КОРР: — Юрий Михайлович, следует ли понимать вас так, что на встрече в редакции за «круглым столом», допустим, через полгода, мы узнаем о первых конкретных шагах и обсудим их?

Ю. Портнов: — О первых, надеюсь, да.

КОРР: — Тогда не будем ставить точну в разговоре...

Встречу вели член президиума Федерации тенниса СССР В. ЕНИШЕРЛОВ и Ю. ОСИПОВ.

Фото Анатолия БОЧИННИНА

● ГЛАСНОСТЬ И РАЗНОГЛАСИЯ — СЛОВА ОДНОГО КОРНЯ

● КАК НАМ ПЕРЕСТАТЬ БЫТЬ «НАИВНЫМИ»

● НЕ ЮБИЛЕЙНЫЕ РАЗДУМЬЯ

● ОРДЕН — ПОДВИГА ЛИЦО

● ЛЕЧЕБНЫЙ ЦЕНТР ДЛЯ КАСЬЯНА

С болью в сердце прочитал в № 33 статью Ю. Черниченко «Мускат белый красного камня» о П. Я. Голодриге.

В 1944—1945 годах мы вместе с Павлом Яковлевичем шли по дорогам войны. Он служил начальником связи 999-го самоходного артиллерийского Краснознаменного ордена Кутузова полка Резерва Главного командования, я — начальником штаба, затем командиром этого полка.

Голодрига был совестью боевого офицерства, отлично организовывал связь под огнем противника и как коммунист считал для себя обязательным на своей радионной бронемашине идти с пехотой в атаку. В апреле 1944 года в Молдавии мы вместе с пехотой в течение дня удерживали плацдарм на вражеском восточном берегу Прута. За этот подвиг он награжден орденом Красной Звезды, за форсирование Одера под Штеттин — орденом Богдана Хмельницкого III степени, за участие в Корсунь-Шевченковской операции, где лично организовал связь под огнем противника, — орденом Красной Звезды. Раненный в августе 1944-го, Голодрига не оставил полк, лечился в санчасти, потом вернулся в строй.

Не стану перечислять все его боевые дела. Судьба сложилась так, что мы встретились снова через тридцать три года в Ялте, в октябре 1978-го. О встрече писала тогда газета «Советский Крым», в ней боевой и жизненный путь ученого П. Я. Голодриги ставился в пример молодежи. Он был полон сил, оптимизма. Но рассказывал о том, что работать тяжело: новые начинания из-за бюрократизма трудно проводить в жизнь. Был с нами и В. С. Краюхин, тоже ветеран полка, тогда директор театра имени А. П. Чехова в Ялте.

Павел Яковлевич — волевой человек и так просто наложить на себя руки не мог. Я за это готов подписаться в любой прокуратуре. Можно сказать, что окружение бездушных бюрократов — а это главные враги в наши дни — создало невыносимую обстановку для человека мужественного, кристально честного, труженика науки, героя войны. Именно таким и был Голодрига.

Думаю, что Крымскому обкому КПСС еще предстоит в этом деле разобраться и вынести принципиальное партийное решение, восстановить справедливость, наказать виновных.

Я полностью согласен со статьей: имя Голодриги должно быть увековечено и связано с именем института, которому он отдал не только тридцать шесть лучших лет своей жизни, но, пожалуй, и саму жизнь.

И. Л. ЖЕБРУНОВ,
генерал-майор танковых войск
в отставке, член КПСС с 1942 года

В № 33 Евгений Евтушенко в стихотворении о памятниках, которые надо поставить жертвам необоснованных репрессий, пишет:

Кровавые слезы Блюхера

в металле еще отольются.

Якир с пьедестала протянет

гранитную руку стране...

Хотелось бы знать, как Евгений Евтушенко относится к тому факту, что подпись Блюхера в 1937 году стояла

под обвинительным приговором Якиру. Факт этот сейчас довольно известен: он освещен в статье Ивана Жукова, в вашем же журнале, в № 31. Так что, наверное, я не единственный, кто может задать поэту такой вопрос.

В отличие от многих ваших критиков я не претендую увидеть свое письмо на страницах «Огонька» (хотя с этого года являюсь его подписчиком). Я претендую на другое: как бы нам перестать быть наивными людьми?

Л. АННИНСКИЙ

Гласность и разногласия — слова одного корня. Где гласность, там обязательно должны быть разногласия. Не может быть, чтобы миллионы людей имели один взгляд на происходящие события. Это естественно! Почему же иной раз на противоположное суждение смотрим как на крамолу? Так ведь опять скатимся к директивным решениям, вред которых теперь понятен.

В. М. ЗУБАКОВ,
учитель истории
Казань

Возвращался я как-то домой поздно вечером с городского партийного актива. Подвыпившие юноши под предлогом «Дай закурить» остановили меня и сорвали с головы шапку. Возмущенный, я крикнул: «За что обижаете старика? Я же за вас кровь проливал в Сталинграде». Молодые люди, смеясь, горланя и приплясывая, ушли, оставив меня с непокрытой головой на пятидесятиградусном морозе.

Надеваю фронтовую гимнастерку с наградами теперь один раз в году — 9 Мая. Были случаи, когда и в этот день в мой адрес неслись оскорбительные слова от молодежи: «Вырядился, как иконостас», «Нацепил брякушек», «Навешал металлолом». Стиснув зубы, терплю, думаю о том, что наше поколение пережило и более тяжкие удары — на фронте, до и после войны.

Многие прячут от нарастающего презрения честно заработанные ордена. А уж если в кои-то веки их показывают, то только в кругу семьи, однопольчан, реже — в своем коллективе, да и то в особо памятные дни.

Обо всем этом я думал, прочитав статью «О почестях и наградах» в № 25. Мне показалось, что такие публикации производят впечатление обидных выкриков в адрес награжденных. Здесь, думается, продолжение общего неуважительного отношения к наградам Родины.

Автор легковесно обвиняет в духовной нищете государственные институты, разработавшие порядок награждения своих соотечественников. Он же непозволительными методами вызывает ажиотаж в поисках тех, кому это понадобилось.

В любом явлении наука допускает появление ошибок. Абсолютной надежности, точности не существует. Всегда ставится вопрос: насколько много таких ошибок, искажают ли они основные идеи? Я не вижу повода для беспокойства хотя бы в отношении чистоты многолетнего опыта награжденных ученых-физиков.

Другое дело — как и всякая госу-

дарственная система, порядок награждения в стране с годами должен совершенствоваться и развиваться.

Ю. Г. ШАФЕР,
доктор физико-математических наук, профессор, председатель
Якутского республиканского совета
наставником
Якутск.

Большое спасибо А. Наджаеву за совесть и память перед ушедшими из жизни ветеранами. До глубины души тронуло меня его письмо в № 30 о том, как отказался получить орден Отечественной войны II степени, потому что знал, какой ценой доставался он на фронте! Мой отец, Ленец Г. М., из своих фронтовых наград больше всего ценил медаль «За боевые заслуги» и орден Отечественной войны II степени, выданные ему за выполнение особо сложных операций. Он не дождался до этих дней (сказались ранения и контузии). Мне больно смотреть на новенькие ордена Отечественной войны, выданные бывшим фронтовикам только за то, что они выжили! Ведь можно было бы отметить их какими-нибудь другими знаками, а не боевыми наградами. А многие отнеслись к этому формально, по принципу «дают — берут».

Л. Г. ПОДГОРНАЯ
Харьков

В № 14 «Роман-газеты» за этот год помещена библиографическая справка со списком произведений, опубликованных в этом издании за шестьдесят лет существования. Прочитав я его, озорчился и подумал: уж лучше бы не печатали! Так и встали перед глазами завалы «Роман-газет» в книжных магазинах и киосках «Союзпечати». Выпусти иную из них ничтожным тиражом, и то человек подумал бы: купить или нет? А тут — миллионы экземпляров! И мелькают одни и те же имена, есть среди них и свои чемпионы. А. Чаковский, например, был здесь издан 21 раз, О. Гончар — 15, В. Кожевников — 16, П. Проскурин — 12, И. Шамкин и С. Бабаевский — по 14 раз, С. Сартаков — 13, А. Ананьев — 11, М. Стельмах — 10, М. Алексеев, А. Иванов, Г. Марков — по 9 раз... Обращаю внимание: это число выпусков, а не названий, ибо справедливее идти все-таки от них, чтобы ясно было, сколько книжек отнимает иная многотетрадная эпопея.

Безусловно, отдельные авторы в этом списке заслуживают уважения, но видим ли мы здесь писателей, волновавших наши души, стоявших в центре общественных, литературных споров? Ю. Нагибин и Н. Думбадзе представлены 2 раза, В. Шукшин, Г. Семенов, Ю. Казаков — по одному разу, у В. Солоухина, каждое произведение которого — серьезное событие, было две книжки — в 1958 и 1960 годах! Нет ни одного произведений последних лет Ю. Трифонова. Не нашлось места для В. Орлова с его «Альтистом Даниловым», беловским «Кануном», нет Окуджавы, Битова, Маканина, Конечного, Стругацких, Можая, Б. Васильева, Искандера, Евдокимова. Где Чиладзе, Амиреджигби, Безкман, Гусейнов, Пулатов? Но выходят Н. Шундик и С. Дангулов — по 6 раз, Н. Горбачев — 5 раз, М. Годенко — 4, А. Марченко — 2...

Складывается представление, что литературный процесс не имеет отношения к существованию «Роман-газеты».

Конечно, времена меняются. В план будущего года включены Гранин, Дудинцев, Нагибин, Солоухин, несколько книг массового спроса: Боровик, Пиккуль, сборник фантастики, Ю. Семенов.

Но хотелось бы все-таки выяснить, уточнить позицию людей, стоящих у руля «Роман-газеты». Ведь предполагалось, что это будет экспресс-издание, цель которого — давать возможность широкому читателю ознакомиться с произведениями, пользующимися в данный момент наибольшей популярностью, а значит, сбить спрос, не дать возникнуть дефициту. Выполняет ли «Роман-газета» сейчас эту задачу?

В. Г. СОКОЛОВСКИЙ
Пермь

Прочла в вашем журнале жалобы пятака и хочу рассказать о наших страданиях в Ростове-на-Дону. Все-таки интересная эта эпопея с абонементными талонами. Если с точки зрения экономии бумаги, так талоны по размерам больше билетов. Если отказались от кондукторов, так везде наставили будки с продавцами. Сначала водители транспорта не продавали талоны — для безопасности движения. Теперь и они продают, а о безопасности уже не говорят.

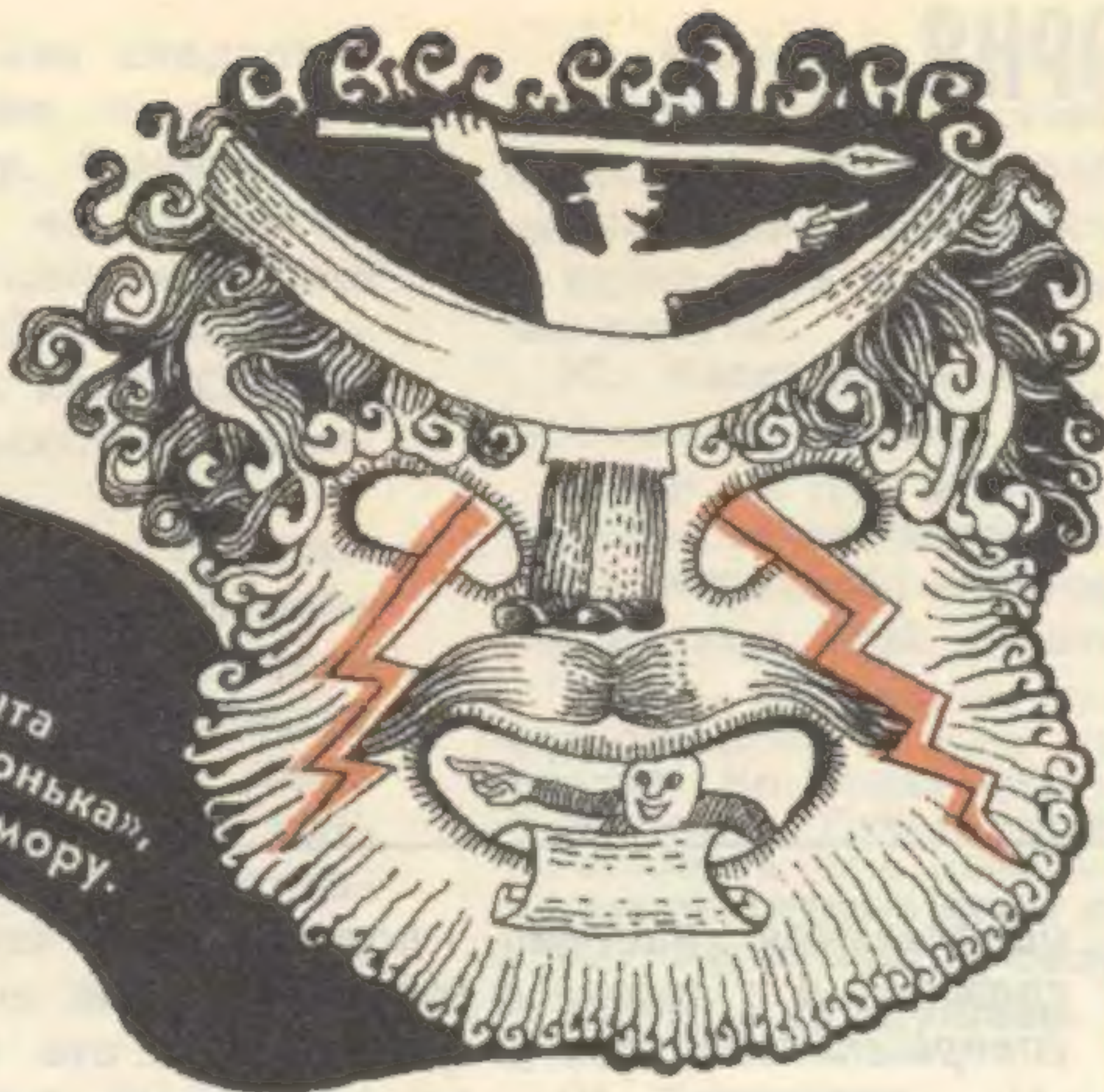
А последний кокаутящий удар нанесли пассажиры автобусные талоны за 10 копеек. Один талон на две поездки: сначала с одного конца проехать, потом с другого. Посылаю вам образец. Склеены они очень неудобно, боковой стороной. Вот вам картинка: в наших переполненных автобусах надо умудриться (в одной руке сумка, другой держишься) ровненько оторвать талон, проехать (через головы пассажиров) с одного края, положить не очень далеко (на случай контролера), но и не очень близко (чтоб не потерять до следующей поездки). К следующей поездке этот полупробитый талон выглядит nepотpeбно. Пройти еще раз и потом доказывать контролеру, что проезд оплачен, лично я не решаюсь, отрываю новый талон. И начинаю думать: кто же этот служака, с бесцеремонностью выколачивающий деньги из людей? Есть ли предел подобным вымогательствам?

Е. В. ТОМЧЕНКО
Ростов-на-Дону

В статье о докторе Касьяне в № 27 «Тринадцать секунд — и вся жизнь» говорится, что никак не помочь всем страждущим, если не взяться всем миром. Поэтому предлагаем открыть счет в Госбанке, куда можно было бы перевести денежные средства на создание в Кобеляках, в Полтавской области, лечебного центра. Думаю, что необходимая сумма соберется быстро. Найдутся и среди архитекторов заинтересованные люди, которые охотно возьмутся за создание проекта. А про строителей и говорить нечего: радикулит для них почти профессиональное заболевание.

Это будет настоящая народная стройка, которая позволит народу самому решить вопросы своего здоровья.

Г. К. КОШЕБОЕВА, аспирант

Аркадий АВЕРЧЕНКО

ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ У ЛЬВА ТОЛСТОГО

(К. Бальмонт рассказывает в «Весах» о своем посещении Ясной Поляны: «Великий старик добрым голосом говорил, подтрунивая: «А вы все декадентские стихи пишете? Нехорошо, нехорошо». Я ему прочел «Аромат Солнца», а он... беззвучно посмеивался и приговаривал: «Ах, какой вздор! Аромат Солнца. Ах, какой вздор». Он... попросил прочесть еще что-нибудь. Я прочел... Лев Толстой притворился, что и это стихотворение ему совершенно не нравится.»)

...Когда меня допустили к нему, я ласково хлопнул его по плечу и спросил:

— Ну что, брат Толстой?

На что он — большой оригинал — ответил, притворяясь не совсем польщенным моим визитом:

— Так как-то все... Надоедают очень!

Я, желая чем-нибудь обрадовать великого старика (его так мало что радует), пообещал:

— Ну, уж так и быть... Прочту свои стихи! Что уж с вами делать!..

Едва сдерживая душившую его радость, он, притворяясь хладнокровным, сказал:

— Может быть, стишки бы того... по боку! А?

— Э, нет! — воскликнул я, ловким движением опрокидывая его в кресло и наступая ему на ноги. — Так вам будет удобнее слушать!

Великий старик застонал от восхищения, но, когда я ему прочел заглавие: «Аромат Солнца», — притворился равнодушным и усмехнулся:

— Боже мой, какой вздор!

По мере чтения его «врожденная шутливость и природный юмор возрастали, и на третьем стихотворении великий старик закричал хриплым голосом, притворяясь испуганным:

— Эй, люди! Сюда... Ко мне!!!

Вбежало несколько человек прислуги.

— Уведите этого человека и устройте, чтобы он скорее уехал! — попросил он, притворяясь негостеприимным.

— А я вам еще хотел прочесть свой «Скрежет Млечного Пути»...

Притворяясь, что заглавие этого стихотворения кажется ему не совсем удачным, великий старик запустил в меня маленькую скамеечкой для ног и вскричал, тщательно скрывая свое преклонение перед мощью моего таланта:

— Отказываюсь раз и навсегда от своей вздорной теории «О непротивлении злу»!!!

Так перед грандиозностью гения рушатся мелкие вздорные теории.

Когда я ехал обратно, то возница притворился, что хочет получить с меня за проезд деньги, а станционный кассир сделал вид человека, принимающего меня за сумасшедшего.

Михаил УСПЕНСКИЙ
(Красноярск)

ШАГИ КОМАНДОРА

Известно, что у нынешней молодежи свободного времени хоть отбавляй. Кто его проводит так, а кто этак. Про кого я хочу рассказать, проводили время именно так. Они, надо вам знать, жили в самом городе Москве, лет им было по семнадцать — двадцать. Родители у них у всех были в длительных и ответственных командировках, развивали развивающиеся страны. Страны развивались как надо, а дети совсем в другую сторону. Приохотились пить, курить, ставить себе не нужные для здоровья уколы, навывкли и к совсем уж не подходящему для русского человека коллективному занятию, переняв его у своих зарубежных сверстников в специальных журналах.

Однажды эти распушенные молодые люди поехали с низменными намерениями на дачу. Путь их лежал мимо Выставки достижений народного хозяйства. Тут-то молодые люди и заметили величественную скульптурную группу «Рабочий и колхозница». Сейчас же в их среде принялись раздаваться грубые и неприличные шутки, закончившиеся тем, что заводи́ла всей компании, высунувшись из «Волги» по пояс,

громким голосом стал приглашать скульптурную группу посетить дачу и разделить с молодыми людьми их досуг. Громко посмеявшись, компания уехала за город.

Достигнув природы, молодые люди достали привезенные с собой припасы, соорудили шашлык, как следует выпили, покуривали, поставили друг другу вредные уколы и совсем было начали предаваться любимому занятию, как вдруг ужасный грохот потряс капитальную дачу, зазвенели стекла в окнах и хрусталь в серванте. Земля содрогалась от ударов нечеловеческой силы. Обдурманенные алкоголем и наркотиками, молодые люди все же догадались: это «Рабочий и колхозница» приняла кощунственное приглашение и теперь приближается к даче, чтобы примерно наказать юношей и девушек за их безобразное поведение. Молодые люди со страхом полезли под кровати и шкафы, со множеством приключились неприятности физиологического свойства, а уж о том, зачем приехали, они и думать забыли до конца жизни.

До самого утра раздавались страшные шаги. Утром же оказалось, что это один человек с соседнего дачного участка решил отстроиться, договорился со сваябойщиком, тот пригнал сваябойку и всю ночь заколачивал в землю сваи.

Поседевшие молодые люди разошлись в разные стороны. Теперь они даже не помышляют об антиобщественном образе жизни. Но случай на даче оставил на них еще один неизгладимый отпечаток: когда во время киносеанса на экране появляется всем известная эмблема «Мосфильма», они с громкими криками прыгают под сиденья кресел, вызывая тем самым нарекания зрителей.

Владимир ВЛАДИН

ЛЮБВИ ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ

(попытка научно-популярного очерка)

Все мы знаем известные выражения: «бальзаковский возраст», «тургеневская девушка», «возраст Мифусаила». Ясно, что для человека бальзаковский возраст — 30—35 лет, тургеневская девушка — это чистое, юное, невинное создание лет 16—18, возраст Мифусаила — глубоко за 100.

В животном мире соответственно существуют свои подобные градации. Возьмем, например, гигантскую черепаху с Галапагосских островов. Живет она до 250—300 лет.

Стало быть, бальзаковский возраст у этих черепах лет 140, а в 75 лет она еще тургеневская девушка — чистое, юное,

Михаил Дрейзлер, Олег Корвянский (Кишинев)

Примета прогресса: пятачок в телеге стало рулем.

Заря занималась... Чем — еще предстояло выяснить!

«Свои люди — сочтемся: 15 сребреников потом отдашь!»

Леонид Леонидов
Был старательным человеком: работал с трудом.
Бил баклуши во все колокола.

«Пусть говорят факты!..» — думали все и молчали.

невинное создание. Если ей перева-
лило за 300, она уже явный Мафуса-
ил. Рассказывают, что на Галапагос-
ских островах есть черепаха, которая
помнит в лицо капитана Кука.

А, к примеру, бабочка-однодневка.
Проживет такая часов 13—14, вот
вам и Мафусаил. Что она может пом-
нить? Разве что передачу «Утренняя
почта». Другие же животные в этом
возрасте даже на тургеневскую де-
вушку не тянут.

Гиена лет в 5 — типичная тургенев-
ская девушка. У варапов же острова
Комодо тургеневскими девушками
становятся постарше, лет в 8—9, в то
время когда шакал вступает в баль-
заковский возраст.

Грызуны (кролики, например) во-
обще мнут период тургеневской де-
вушки, сразу переходя в бальзаков-
ский возраст.

Рыбы семейства лососевых в возра-
сте тургеневских девушек обычно
идут на нерест. Икра их необыкновен-
но нежна по вкусу. Вот почему лов
тургеневских лососевых категориче-
ски воспрещен. Также запрещен от-
стрел пернатых бальзаковского воз-
раста.

Вообще же тургеневские лососевые
и бальзаковские пернатые очень вкус-
ны и калорийны. Но надо знать, как
их готовить. К примеру, лососевые.
Берешь такую тургеневскую девуш-
ку, моешь ее и с лавровым листом,
морковью, перцем припускаешь на
медленном огне. Минут через сорок
тургеневская девушка готова, и ее
можно подавать на стол, присыпав
зеленью петрушки.

У рыб вообще тургеневские девуш-
ки хорошо идут на мотыля, на червя
и на блесну.

Конечно, курица-Мафусаил варит-
ся дольше, чем другого возраста.

Некоторые тургеневские девушки из
пернатых питаются мышами-полева-
ми бальзаковского возраста и этим
помогают сельскому хозяйству.

Котов лучше всего выхаживать
в бальзаковском возрасте. Кошек же
не следует в молодости выпускать на
улицу ранней весной. Эти тургенев-
ские девушки — чистые, невинные соз-
дания — ужасно орут под окнами.

Следует помнить, что очень опасны
скорпионы-Мафусаилы, гремучие жи-
вородящие тургеневские девушки,
крокодилы бальзаковского возраста.

Таким образом, мы видим, что ок-
ружающий нас мир многообразен и
его следует беречь и любить,
чтобы еще лучше жилось на-
шим тургеневским девушкам,
бальзаковским мужчи-
нам, ну, и, конечно
же, Мафусаилам!

Игорь ДВИНСКИЙ,
Виктор КОВАЛЬ

АТМОСФЕРА ДОВЕРИЯ

(дружеский розыгрыш)

ИВАНОВ (Петрову): Я вам доверяю.
ПЕТРОВ (Иванову): А я вам доверяю.
СИДОРОВ (Иванову, Петрову). И я
вам доверяю. Обоим. А вы мне?
ИВАНОВ и ПЕТРОВ (Сидорову хо-
ром): Конечно, доверяем!

(Входит Евдокимов.)

ЕВДОКИМОВ: Друзья! Я вам еще и
раньше доверял, а теперь буду дове-
рять еще больше. Если только вы
мне будете доверять.

ИВАНОВ: Что за вопрос! Будем ли
мы вам доверять?.. Конечно, будем!

ПЕТРОВ: Я лично буду доверять. Не
знаю, как другие.

СИДОРОВ: Я — буду.

ЕВДОКИМОВ: Действительно, если
мы не станем испытывать друг к дру-
гу чувство доверия, то никогда не на-
учимся доверять друг другу.

ИВАНОВ: Верно. Поэтому я — дове-
ряю.

ПЕТРОВ: И я. Но ведь это я доверяю.
Я. А вдруг кто-нибудь мне не дове-
ряет? Пусть скажет.

СИДОРОВ: Я, например, вам дове-
ряю как никому.

ИВАНОВ: И я вам доверяю как ни-
кому.

ЕВДОКИМОВ (Иванову обиженно):
Что же получается? Вы доверяете
Петрову больше, чем мне, или я —
никто?

СИДОРОВ: Вы напрасно сомневае-
тесь. Мы доверяем вам не меньше.

ИВАНОВ: Я-то — даже больше!

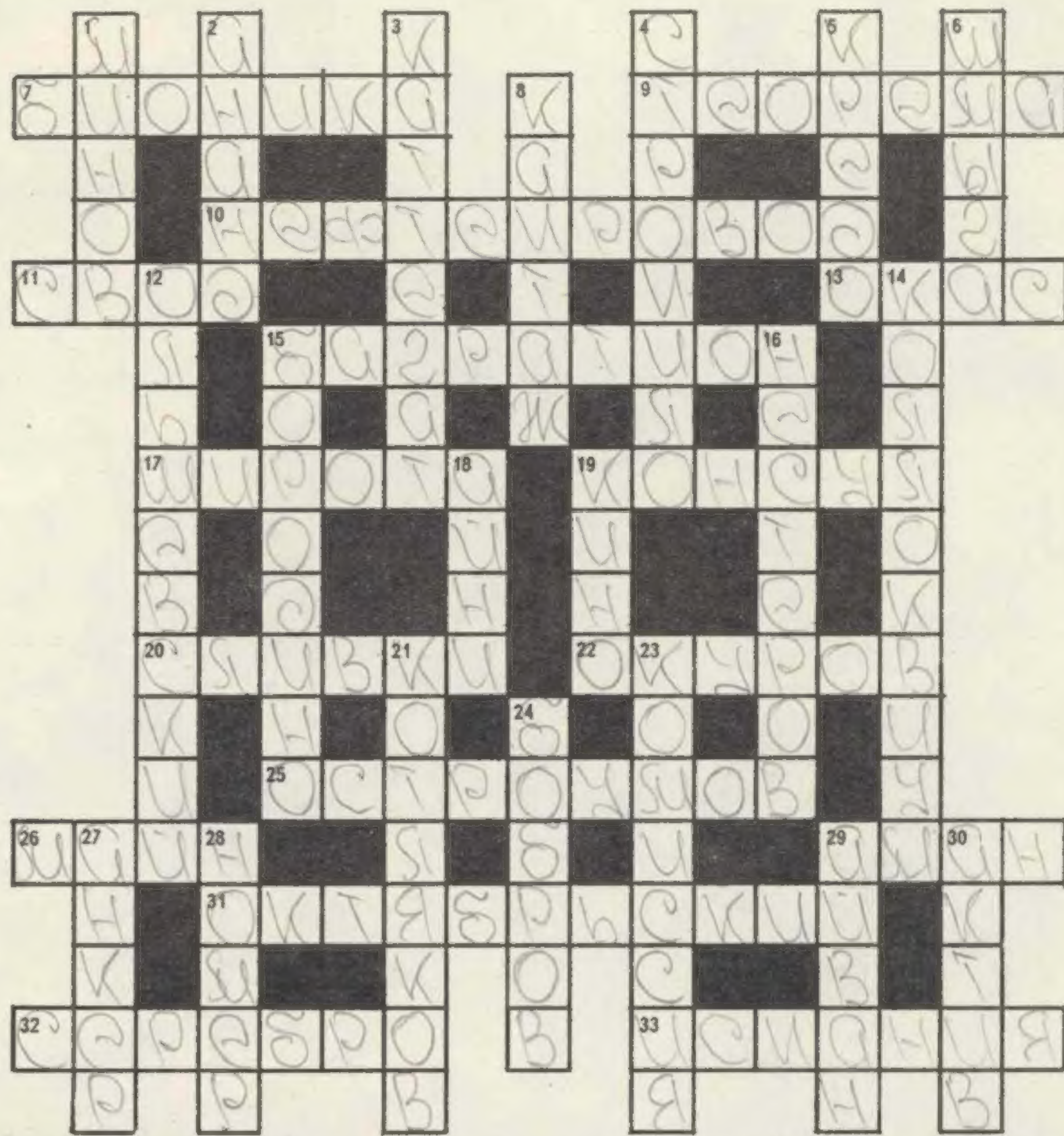
ПЕТРОВ (Иванову обиженно): Инте-
ресно, почему это вы Евдокимову
больше доверяете, чем мне? Неужели
я не заслужил доверия?

ИВАНОВ: Нет, вы заслужили доверие.
И если вы в этом мне не доверяете,
то пусть присутствующие накажут ме-
ня недоверием!

ПЕТРОВ (испуганно): Что вы! Я вам и
так доверяю.

СИДОРОВ и ЕВДОКИМОВ (хором испу-
ганно): И мы вам и так доверяем!

РЕЖИССЕР (хлопая в ладоши): Не ве-
рю! Не верю! Повторим сцену еще
разок...

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Раздел кибернетики. 9. Предложение в математике, устанавливаемое при помощи доказательства. 10. Сооружение для транспортировки горючей жидкости. 11. Выпуклое, дугообразное перекрытие зданий. 13. Эстонский живописец и график, народный художник СССР. 15. Полководец, участник походов А. В. Суворова и сражения при Бородине. 17. Одна из географических координат. 19. Дипломатический представитель. 20. Молочный продукт. 22. Городок, основное место действия в двух повестях М. Горького. 25. Русский терапевт, основатель научной школы. 26. Приток Рейна. 29. Румынский живописец и график XIX века. 31. Город в Башкирии, центр добычи нефти. 32. Химический элемент, металл. 33. Государство на юго-западе Европы.

По вертикали: 1. Летчик, один из зачинателей советского парашютизма. 2. Индийский писатель, общественный деятель. 3. Пролив, соединяющий Балтийское и Северное моря. 4. Опора кровли дома, избы. 5. Убеждения, взгляды, основы мировоззрения. 6. Певца театра оперетты, народная артистка СССР. 8. Инженерно-техническое сооружение, обеспечивающее доступ к пластам нефти и газа. 12. Польский физик и химик. 14. Научное собрание. 15. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 16. Геолог, участник открытия одного из нефтяных месторождений в Западной Сибири, лауреат Ленинской премии. 18. Писатель, основоположник таджикской советской литературы. 19. Театр для демонстрации фильмов. 21. Советский ученый, гляциолог. 23. Орган, создаваемый для выполнения определенных функций. 24. Спортсмен, неоднократный чемпион СССР по футболу и хоккею. 27. Деталь часов. 28. Помещение в гостинице. 29. Терраса в среднеазиатских жилищах. 30. Наиболее передовая деятельная часть организации.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали: 4. Шахзада. 8. Аврал. 9. «Шкода». 10. Руда. 11. Атланта. 12. Виза. 16. Шпинат. 17. Пласт. 19. «Ванька». 20. Аппликатура. 23. Куприн. 24. Шахты. 26. Апогей. 27. Рысь. 28. Обелиск. 31. Рейн. 34. Эссе. 35. Акула. 36. Прокофьев.

По вертикали: 1. Эхолот. 2. Панорама. 3. Самшит. 4. Шурф. 5. Анод. 6. Гардина. 7. Вариант. 10. Репертуар. 13. Аккордеон. 14. Степень. 15. Дворжак. 17. Палаш. 18. Татры. 21. Браслет. 22. «Кочегар». 25. Халцедон. 29. Байрон. 30. Статья. 32. Осип. 33. Зуев.

СКОРО В «ОГОНЬКЕ»

— ЧТО НАДО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ НЕ СРАБАТЫВАЛИ ТОРМОЗА УСКОРЕНИЯ!

— КАК НЕ ДОПУСТИТЬ, ЧТОБЫ В ГРОМКИХ СЛОВАХ О ПРАВИЛЬНОСТИ КУРСА НА ПЕРЕСТРОЙКУ УТОНУЛИ РЕАЛЬНЫЕ ДЕЛА! — вот основные положения проблемного очерка «Мир экономики: идеи и реальность» члена-корреспондента АН СССР Павла Бунича, который будет опубликован в одном из ближайших номеров нашего журнала.

Огромный интерес самого широкого читателя к имени Михаила Афанасьевича Булгакова хорошо известен. К творчеству и жизни выдающегося писателя постоянно обращается и наш журнал. Учитывая пожелания, высказанные в многочисленных письмах, № 37 «Огонька» предоставит свои страницы новым материалам о судьбе автора «Мастера и Маргариты».

В 1977 году Казис Сая предложил Стасису Эйдрингавичюсу сделать иллюстрации к его детской книжке «За потаенной дверью». Это была первая работа молодого литовского художника в книжной графике. С тех пор он оформил более двух десятков книг, последняя из которых — «Сказки Гофмана».

[См. в номере материал «Доказательство от противного».]

